18+
КАССАНДРА КЛЭР
Леди Полночь
ТЕМНЫЕ ИСКУССТВА
КНИГА I
THE NEW YORK TIMES BESTSELLER

Тёмные искусства

Кассандра Клэр

Леди полночь

«АСТ»
2016

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)

Клэр К.

Леди полночь / К. Клэр — «АСТ», 2016 — (Тёмные искусства)

ISBN 978-5-17-097279-1

Прошло пять лет после событий, описанных в романе «Город Небесного Огня». Эмма Карстерс выросла. Она стала Сумеречной Охотницей и хочет найти виновных в смерти своих родителей. Вместе со своим парабатаем Джулианом Блэкторном, она патрулирует улицы мистического Лос-Анджелеса, где вампиры устраивают вечеринки на Сансет-стрип, а фэйри на волоске от открытой войны с Сумеречными Охотниками.Расследуя загадочные убийства людей и фэйри, Эмма приближается к разгадке терзающей ее тайны. У нее появляется шанс отомстить за смерть близких, а у Джулиана – вернуть похищенного брата. Но времени у них мало – всего две недели. А потом убийца возьмется за них…

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)

ISBN 978-5-17-097279-1

© Клэр К., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Пролог 6
1 13
2 24
3 37
4 50
5 68
6 83
7 95
Конец ознакомительного фрагмента. 97

Кассандра Клэр
Темные искусства
Книга I
Леди Полночь

Посвящается Холли.
Он был эльфом.

* * *

Cassandra Clare
The Dark Artifices
Book I
Lady Midnight

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA

Copyright © 2016 by Cassandra Clare, LLC Jacket design by Russell Gordon Jacket photo-illustration copyright © 2016 by Cliff Nielsen

© Е. Фоменко, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

Лос-Анджелес, 2012 год

Киту особенно нравились те вечера, когда работал Сумеречный базар.

Такими вечерами ему позволялось выходить из дома и помогать отцу в палатке. Впервые он принял участие в Сумеречном базаре, когда ему было семь. Прошло еще восемь лет, а он до сих пор чувствовал то же самое удивление и предвкушение чуда, шагая по Кендалл-элли через центр Пасадены к глухой кирпичной стене. Ведь стоит ему пройти сквозь нее – и перед ним откроется мир ярких красок и сияющих огней.

Всего в нескольких кварталах отсюда были магазины «Эппл», торговавшие смартфонами и ноутбуками, лавки органических продуктов и кафе, филиалы «Американ Аппарель» и модные бутики. Но здесь переулок выходил на огромную площадь, со всех сторон обнесенную стенами, чтобы случайные зеваки не забредали на Сумеречный базар.

Базар устраивали теплыми ночами, и он одновременно был и не был. Шагая среди ярко украшенных палаток, Кит понимал, что все это разноцветье исчезнет с восходом солнца.

Но пока было возможно, он наслаждался каждой минутой. Нелегко было обладать Даром, когда ни у кого вокруг его нет. Даром это называл отец, хотя сам Кит не понимал, что в этом такого хорошего. Синекожая гадалка Гиацинт, чья палатка стояла у самого края базара, называла это Зрением.

Киту это слово казалось более подходящим. Он почти ничем не отличался от обычных детей, но и впрямь видел такое, чего другие видеть не могли: крошечных пикси, взлетавших с сухой травы вдоль растрескавшихся тротуаров; бледные лица вампиров на ночных автозаправках; когти оборотня, в которые превращались у него на глазах барабанящие по барной стойке пальцы какого-то парня… Кит был таким с детства, и его отец тоже. Зрение передавалось из поколения в поколение.

Сложнее всего было не реагировать. Однажды по дороге домой из школы Кит увидел драку оборотней на заброшенной детской площадке. Они рвали друг друга на части. Кит остановился и закричал. Подошли полицейские, но смотреть им было не на что. С тех пор отец почти не выпускал его из дома. Кит учился по старым книгам да играл в видеоигры в подвале, а на улицу если и выходил, то только днем или в ночь Сумеречного базара.

На базаре не приходилось бояться себя выдать. Там все было пестро и странно – даже для завсегдатаев. Ифриты водили на поводках дрессированных джиннов, красавицы пери танцевали перед лотками, на которых сверкали разноцветные и очень опасные порошки. В палатке с баньши любому желающему обещали сообщить дату его смерти, хоть Кит и не представлял себе, с чего бы вдруг кому-то захотелось такое узнать. Клурикон предлагал прохожим найти пропавшие вещи, а хорошенькая юная ведьма с короткими ярко-зелеными волосами продавала зачарованные браслеты и кулоны для привлечения суженого. Кит взглянул на нее, и она улыбнулась.

– Эй, Ромео! – Отец Кита слегка пихнул его локтем. – Хватит строить глазки. Помоги мне с вывеской.

Он пинком подвинул Киту железный табурет и протянул дощечку, на которой было выжжено название палатки: «У Джонни Грача».

Название было не из лучших, но Кит давно понял, что природа обделила его отца воображением. Что странно, думал он, забираясь на табуретку, чтобы закрепить вывеску: ведь

среди его клиентов были колдуны, оборотни, вампиры, водяные, упыри, вурдалаки и даже одна русалка (с которой они тайком встречались в парке морских развлечений.)

Впрочем, может, простая вывеска подходила лучше всего. Отец Кита продавал зелья и снадобья, а из-под полы приторговывал запрещенным оружием, но покупателей привлекало не это. Их привлекало то, что Джонни Грач очень многое знал. Он первым узнавал обо всем происходящем в Нижнем мире Лос-Анджелеса, и не было такого человека, на которого он не мог бы выйти или предоставить компромат. Джонни обладал информацией и готов был делиться ею за разумную плату.

Кит спрыгнул с табурета, и отец протянул ему две пятидесятидолларовые банкноты.

– Разменяй у кого-нибудь, – сказал он, не глядя на сына и листая извлеченный из-под прилавка красный гроссбух, в котором были перечислены все его должники. – У меня мельче нет.

Кит радостно кивнул и отошел от палатки. Любое поручение становилось прекрасным предлогом побродить по базару. Он прошагал мимо прилавка, усыпанного белыми цветами, от которых струился тяжелый, сладкий, ядовитый аромат; затем миновал другой, где несколько человек в дорогих костюмах раздавали листовки, а плакат у них за спиной гласил: «Ты полукровка? Ты не одинок. Слуги Хранителя приглашают тебя на лотерею. Поймай удачу за хвост!»

Темноволосая женщина с ярко-красными губами попыталась сунуть листовку в руку Киту. Тот отказался, и она метнула злобный взгляд поверх его головы, на Джонни. Отец лишь усмехнулся в ответ. Кит закатил глаза – культов было пруд пруди, и каждая секта почитала собственного ангела или демона. Но все без толку.

Заметив одну из своих любимых палаток, Кит купил стаканчик красной граниты, вкус которой сочетал в себе маракуйю, малину и сливки. Кит старался ничего не покупать у незнакомцев, ведь на базаре продавались такие напитки и сласти, которые могли сломать тебе всю жизнь. Но предосторожности были излишни: никто и так не рисковал связываться с сыном Джонни Грача. Джонни Грач всегда все про всех знал. Стоило кому-то перейти ему дорогу – и его секреты тут же становились достоянием общественности.

Кит вернулся к ведьме с зачарованными украшениями. У нее не было палатки – она, как всегда, сидела на цветастом парео из тех, что по дешевке продавались на Венис-Бич. Кит подошел ближе, и она подняла глаза.

– Привет, Вьюрок, – сказал он.

Имя вряд ли было настоящим, но именно так ее называли все завсегдатаи базара.

– Привет, красавчик. – Она подвинулась, чтобы освободить Киту место. Браслеты у нее на запястьях и на щиколотках звякнули. – И что же привело тебя в мою скромную обитель?

Кит сел рядом с ней. Его старые джинсы давно протерлись на коленях. Жаль, он не мог забрать отцовские деньги себе и купить новые!

– Отец послал меня разменять две полусотни.

– Тс-с! – Ведьма поднесла палец к губам. – Кое-кто тебе за эту сотню горло перережет, да еще и кровь твою продаст, выдав за драконью.

– Со мной такого не случится, – уверенно ответил Кит. – Здесь меня никто не тронет. – Он откинулся назад. – Разве что я сам того захочу.

– Жаль, у меня не осталось оберегов от бесстыдных заигрываний.

– Да я сам твой оберег от бесстыдных заигрываний!

Кит улыбнулся двум прохожим – высокому, симпатичному парню с седой прядью в темных волосах и девушке-брюнетке, глаза которой скрывали солнечные очки. Они не обратили на него внимания. Вьюрок же посмотрела на парочку, которая шла прямо за ними, – грузного мужчину и женщину с каштановыми волосами, заплетенными в длинную косу.

– Защитные амулеты? – подмигнув, предложила ведьма. – С ними вам неприятности не страшны. Есть медные и золотые, не только серебряные.

Женщина купила кольцо с лунным камнем и пошла дальше, болтая со спутником.

– Как ты догадалась, что они оборотни? – спросил Кит.

– По глазам поняла, – объяснила Вьюрок. – Оборотни часто покупают то, чего не собирались. И никогда не обращают внимания на серебро. – Она вздохнула. – Продажи этих амулетов взлетели до небес, когда начались убийства.

– Какие еще убийства?

Вьюрок поморщилась.

– Какая-то запутанная магия. Тела покрыты демоническими письменами. Кто обгорел, кто утонул… Руки отрезанные… Каких только слухов не ходит. И как только ты ничего не знаешь? Ты что, сплетен не слушаешь?

– Нет, – ответил Кит. – Не слушаю обычно.

Он смотрел вслед паре оборотней, которые приближались к северному углу базара, где ликантропы частенько покупали все необходимое – столовые приборы из дерева и железа, аконит, срывающиеся одним махом штаны (ну, насчет последнего Кит только предполагал, что такое приобретение оборотню не помешает).

На базаре собирались все обитатели Нижнего мира, но каждый вид старался держаться наособицу. Вампиры в своем уголке покупали ароматизированную кровь и искали новых жертв для порабощения – из тех, кто недавно лишился хозяина. В оплетенных виноградом беседках собирались фэйри, которые торговали амулетами и предсказывали судьбу. Закон налагал на них много ограничений, так что они располагались в стороне от основной части рынка. Немногочисленные грозные колдуны занимали палатки в дальнем конце базара. Каждый из них носил на себе особую метку, которая выдавала его демоническое происхождение: у одних были хвосты, у других – крылья или рога. Однажды Кит видел колдунью с синей, как у рыбы, кожей.

А еще были люди, обладавшие Зрением, вроде самого Кита и его отца, – простецы, обычные люди, одаренные способностью видеть Сумеречный мир и смотреть сквозь чары. Вьюрок тоже была одной из таких: ведьма-самоучка, она заплатила колдуну, чтобы тот научил ее основным заклинаниям, но предпочитала не привлекать к себе излишнего внимания. Людям не положено заниматься магией, хотя любой может нелегально научиться ее применять. Так можно заработать неплохие деньги, если, конечно, тебя не поймают…

– Сумеречные охотники, – сказала Вьюрок.

– Откуда ты узнала, что я о них думаю?

– Они здесь. Двое.

Она мотнула головой куда-то вправо. Глаза ее тревожно вспыхнули.

На базаре почувствовалось напряжение. Торговцы принялись незаметно убирать с видных мест пузырьки и коробочки с ядами и снадобьями и зачарованные черепа. Джинны на поводках спрятались за спины хозяев. Пери прекратили танцевать и провожали Сумеречных охотников серьезными, холодными взглядами.

Охотников было двое – юноша и девушка, лет семнадцати, может, восемнадцати. Юноша был высок и хорошо сложен, на голове у него красовалась копна рыжих волос. Лица девушки Кит не видел, но ее светлые локоны волнами струились до талии. На спине у нее висел золотистый меч. Она шагала с такой уверенностью, которую невозможно подделать.

Оба охотника были в черных доспехах – плотной защитной одежде, которая выдавала в них нефилимов: наполовину людей, наполовину ангелов, бесспорных властителей всех сверхъестественных созданий на Земле. Их Институты, подобные огромным полицейским участкам, действовали в каждом крупном городе планеты, от Рио до Багдада, от Лахора до Лос-Анджелеса. Принадлежность к клану Сумеречных охотников передавалась по наследству, но при желании они могли обращать в нефилимов и обычных людей. Потеряв множество своих в Темной войне, они отчаянно хотели пополнить свои ряды. Ходили слухи, что они могут похитить

любого, кому еще не исполнилось восемнадцати и кто проявил хоть какую-то предрасположенность к их ремеслу.

Другими словами, любого, кто обладал Зрением.

– Они идут к палатке твоего отца, – прошептала Вьюрок.

Она оказалась права. Киту стало не по себе, когда он увидел, как они завернули за угол и направились прямо к вывеске «У Джонни Грача».

– Вставай.

Вьюрок вскочила и потянула Кита за руку, а затем, наклонившись, быстро собрала все товары в платок, на котором только что сидела. Кит заметил у нее на руке странный символ – волны под языками пламени. Впрочем, может, это и не означало ничего особенного.

– Мне пора, – сказала она.

– Ты боишься Сумеречных охотников? – удивленно спросил Кит, отступая в сторону, чтобы не мешать ведьме со сборами.

– Тс-с, – шикнула она и поспешила прочь, сверкая яркой шевелюрой.

– Ну и дела, – буркнул Кит и побрел обратно к отцовской палатке.

Он подошел сбоку – голова опущена, руки в карманах. Отец, конечно, накричит на него, если он покажется при Сумеречных охотниках, особенно учитывая эти толки, будто они насильно забирают всех простецов, наделенных Зрением, и все же Кит не мог не подслушать разговор.

Блондинка наклонилась, уперлась локтями в деревянный прилавок.

– Рада тебя видеть, Грач, – широко улыбнувшись, сказала она.

Красивая, подумал Кит. Старше его. А юноша, что с ней, еще и выше его на голову. К тому же, она – Сумеречный охотник, а значит, ни о каком свидании и речи быть не могло, но восхититься ее красотой это не мешало. Обнаженные руки, длинный бледный шрам от локтя до запястья. По всей коже – черные татуировки, какие-то непонятные символы. Одна выглядывала из-под выреза рубашки. Кит сообразил, что это руны – священные метки, которые наделяют Сумеречных охотников силой. Их носили только нефилимы. Стоило начертить их на коже простеца или какого-нибудь обитателя Нижнего мира, и несчастный сходил с ума.

– Кто это с тобой? – спросил Джонни Грач, слегка кивнув в сторону юноши. – Твой знаменитый парабатай?

Кит еще живее заинтересовался парой охотников. Любой, кто знал о нефилимах, знал и о парабатаях. Двое Сумеречных охотников клялись друг другу в вечной верности и обещали всегда сражаться бок о бок. Они давали обет жить и умереть друг за друга. Парабатаи имелись у самых знаменитых Сумеречных охотников в мире – у Джейса Эрондейла и Клэри Фэйрчайлд. Это даже Киту было известно.

– Нет, – протянула девушка и взяла с полки возле кассы банку с зеленоватой жидкостью. В ней якобы хранилось любовное зелье, но Кит-то знал, что на самом деле там обычная вода, подкрашенная пищевым красителем. – Джулиану не по душе такие места. – Она окинула взглядом базар.

– Я – Кэмерон Эшдаун. – Юноша протянул руку, и Джонни пожал ее, улыбаясь чуть насмешливо. Кит воспользовался моментом, чтобы скользнуть за прилавок. – Парень Эммы.

Блондинка (значит, ее зовут Эмма!) едва заметно вздрогнула. Может, сейчас Кэмерон Эшдаун и вправду ее парень, подумал Кит, но вряд ли надолго таковым останется.

– Ну-ну, – пробормотал Джонни, отбирая банку у Эммы. – Полагаю, ты пришла забрать то, что мне оставляла.

Он вытащил из кармана какую-то красную тряпочку. Кит изумленно посмотрел на нее. Что интересного могло таиться в обычном лоскутке?

Эмма выпрямилась. На лице у нее отразилось нетерпение.

– Ты что-нибудь разузнал?

– Если бросить ее в стиральную машину вместе с белым бельем, носки точно порозовеют.

Нахмурившись, Эмма забрала тряпочку.

– Я серьезно, – сказала она. – Ты понятия не имеешь, скольких пришлось подкупить, чтобы ее достать. Ее нашли в Спиральном Лабиринте. Это обрывок рубашки, в которой моя мать была в день своей гибели.

Джонни поднял руку.

– Я знаю. Я просто…

– Не нужно сарказма. Это я могу сыпать шуточками, а твое дело – добывать информацию и сообщать ее, когда следует.

– И получать за нее плату, – добавил Кэмерон Эшдаун. – Не так уж плохо получать плату за сведения, а?

– Я ничем не могу вам помочь, – признался отец Кита. – В ней нет магии. Это просто тряпка. Изодранная, побывавшая в морской воде, но в целом совершенно обыкновенная.

На лице Эммы явно промелькнуло разочарование. Не пытаясь скрыть свои чувства, она забрала тряпочку и сунула ее в карман. К собственному удивлению, Кит вдруг проникся сочувствием к этой девушке: до сих пор он и представить себе не мог, что когда-нибудь будет сопереживать Сумеречному охотнику.

Эмма посмотрела на него, как будто он случайно высказал свои мысли вслух, и ее глаза загорелись.

– Так ты тоже обладаешь Зрением? Как и твой отец? – спросила она. – Сколько тебе лет?

Кит похолодел. Отец быстро заслонил его собой.

– Слушай, Карстерс, ты, кажется, хотела расспросить меня о недавних убийствах, – сказал он. – Или ты еще ничего об этом не слышала?

Похоже, Вьюрок была права, подумал Кит: об этих убийствах знали все и каждый. Тон отца выдавал беспокойство, и Кит понял, что ему стоило бы убраться подобру-поздорову, да только за прилавком он был как в ловушке – все пути к отступлению отрезаны.

– До меня доходили слухи о погибших простецах, – ответила Эмма. Большинство Сумеречных охотников вкладывали в это слово, обозначающее обычных людей, куда больше презрения, но в голосе Эммы не слышалось ничего, кроме усталости. – Но мы не выясняем, почему простецы убивают друг друга. Это дело полиции.

– Но были и мертвые фэйри, – возразил Джонни. – Нашли несколько тел.

– Мы не можем вмешиваться, – сказал Кэмерон. – Ты ведь знаешь. Нам запрещает Холодное перемирие.

Кит услышал тихий шепоток из соседней палатки и понял, что не он один навострил уши.

Холодным перемирием назывался один из законов Сумеречных охотников. Точнее, это охотники называли его законом, а на деле это было просто наказание. Перемирие заключили лет пять тому назад, и Кит почти не помнил, как обстояло дело раньше.

Когда Киту было десять, во вселенной Нижнего мира и Сумеречных охотников разразилась война. Сумеречный охотник Себастьян Моргенштерн восстал против своих товарищей: перебираясь из Института в Институт, он убивал нефилимов или захватывал власть над их телами. Так он сколотил чудовищную армию полностью подчиненных ему рабов. Большинство Сумеречных охотников из Института Лос-Анджелеса либо погибли, либо вошли в эту армию.

Иногда Киту снились кошмары о тех временах. Кровь лилась по коридорам, которых он никогда прежде не видел, а на стенах чернели руны нефилимов.

Волшебный народ поддержал Себастьяна в его попытке уничтожить Сумеречных охотников. Кит слышал о фэйри в школе – эти милые существа якобы жили на деревьях и носили шляпы из цветов. Но на самом деле Волшебный народ не имел ничего общего с этими детскими сказками. К числу фэйри принадлежали и русалки, и гоблины, и злобные водяные, и прекрасные эльфы, занимавшие высокое положение в своих кругах. Высокие, красивые и опасные, эти

эльфы делились на два Двора: Благой Двор во главе с королевой, которую никто не видел вот уже много лет, и Неблагой Двор – темную обитель вероломства и черной магии, король которой славился своей жестокостью.

Так как фэйри были обитателями Нижнего мира и в свое время поклялись в верности Сумеречным охотникам, их предательство было непростительным. Сумеречные охотники жестоко наказали их: по условиям Холодного перемирия фэйри обязались выплатить Сумеречным охотникам солидную сумму на восстановление разрушенных зданий и лишились армии, а остальным обитателям Нижнего мира запрещалось помогать им в чем бы то ни было. За помощь фэйри полагалась суровая кара.

Фэйри были древним и гордым волшебным народом – по крайней мере, так гласили легенды. Но Кит знал их только как разоренный и сломленный народ. Большинство обитателей Нижнего мира и других жителей теневой зоны на границе мира простецов и мира Сумеречных охотников не таили на фэйри зла. Но никто не хотел идти против воли Сумеречных охотников. Вампиры, оборотни и маги старались держаться подальше от фэйри и встречались с ними только в таких местах, как Сумеречный базар, где деньги ценились выше закона.

– В самом деле? – криво усмехнулся Джонни. – А что, если я скажу, что найденные тела были покрыты письменами?

Эмма подняла голову. Ее глаза, темно-карие, почти черные, составляли удивительный контраст со светлыми волосами.

– Ну-ка повтори!

– Ты и так все слышала.

– Что за письмена? Тот же язык, что и на телах моих родителей?

– Не знаю, – покачал головой Джонни. – Это только слухи. Но все-таки подозрительно, правда?

– Эмма, – предостерегающе начал Кэмерон, – Конклаву это не понравится.

Конклавом называлось правительство Сумеречных охотников. Насколько Кит мог судить, Конклаву вообще ничего не нравилось.

– Мне плевать, – отмахнулась Эмма. Явно забыв о существовании Кита, она прожигала глазами его отца. – Расскажи мне все, что тебе известно. Дам две сотни.

– Идет. Но я не так уж много знаю, – признался Джонни. – Сначала кто-то пропадает, а через несколько дней находят тело.

– И когда же в последний раз кто-то пропал? – поинтересовался Кэмерон.

– Две ночи назад, – сказал Джонни, отрабатывая плату. – Тело, вероятно, подбросят завтра ночью. Вам остается лишь схватить того, кто это сделает.

Эмма скрестила руки на груди.

– Так почему бы тебе не подсказать нам, как это сделать?

Джонни хмыкнул.

– Болтают, будто следующее тело обнаружат в Западном Голливуде. Возле бара «Саркофаг».

Эмма восторженно хлопнула в ладоши. Ее парень тревожно шепнул ей что-то, но Кит понял, что тот зря теряет время. Он еще ни разу не видел, чтобы девчонки приходили в такой восторг – даже от знаменитых актеров, бой-бэндов или украшений. Эта девушка просто дрожала от возбуждения при мысли о трупе.

– А что же ты сам этого не сделаешь, раз столько знаешь об убийствах? – спросил Кэмерон у Джонни.

А у него красивые зеленые глаза, подумал Кит. Кэмерон и Эмма прекрасно смотрелись вместе. Кит даже немного позавидовал им. Интересно, как выглядит пресловутый Джулиан? Раз он поклялся этой девушке в вечной платонической дружбе, должно быть, с внешностью у него все хуже некуда.

– Просто не хочу, – ответил Джонни. – Это опасно. Но вы, ребята, любите опасность. Так ведь, Эмма?

Эмма улыбнулась. Кит догадался, что Джонни неплохо ее знал. Она явно не в первый раз приходила к нему с расспросами – и как только он раньше ее не замечал? Впрочем, ему не на каждый базар удавалось выбраться. Снова сунув руку в карман, Эмма вытащила несколько банкнот и протянула их Джонни. Может, она и дома у них бывала? Когда покупатели приходили к ним домой, отец отправлял Кита в подвал и велел вести себя тише воды ниже травы. «Я общаюсь с такими людьми, с которыми тебе лучше не встречаться», – только и говорил он.

Однажды Кит случайно поднялся наверх, когда его отец беседовал с группой каких-то чудищ в длинных балахонах с капюшонами. По крайней мере, выглядели они как настоящие чудища: веки и губы их были зашиты, головы обриты наголо. Но отец потом объяснил Киту, что это монахи, Безмолвные Братья, Сумеречные охотники, которых мучили при помощи магии, пока они не перешагнут границы земного. Зашитые рты не мешали им общаться: Безмолвные Братья могли читать чужие мысли и телепатически передавать собственные. После этого случая Кит ни разу больше не поднимался наверх, когда у отца проходили «встречи».

Кит знал, что его отец – преступник. Он понимал, что Джонни зарабатывает на жизнь, торгуя секретами, хотя при этом никогда не врет и гордится качеством своих сведений. Кит догадывался, что и сам займется этим в будущем. Сложно жить обычной жизнью, когда постоянно приходится притворяться, будто ты не замечаешь, что происходит у тебя под носом.

– Что ж, спасибо за информацию, – сказала Эмма, отворачиваясь от палатки.

Золотистая рукоять ее меча поблескивала на солнце. Интересно, каково это – быть нефилимом? Жить среди людей, которые видят то же самое, что и ты. Не бояться того, что скрывается в сумраке.

– Увидимся, Джонни, – бросила она и подмигнула, но не Джонни, а Киту.

Джонни повернулся к сыну, а Эмма и ее парень растворились в толпе.

– Ты ей что-то сказал? – спросил Джонни. – Что это она тобой так заинтересовалась?

Кит поднял руки, защищаясь от нападок.

– Ничего я ей не говорил, – пробормотал он. – Она просто заметила, что я слушаю.

– В следующий раз постарайся не высовываться, – вздохнув, велел ему Джонни.

Сумеречные охотники скрылись из виду, и базар снова ожил. Заиграла музыка, зазвучали громкие голоса.

– А ты хорошо знаешь эту девушку?

– Эмму Карстерс? Она уже не первый год ко мне заглядывает. Похоже, запреты нефилимов ей нипочем. Мне она нравится – ну, насколько вообще могут нравиться Сумеречные охотники.

– Она хочет, чтобы ты выяснил, кто убил ее родителей.

Джонни открыл ящик.

– Кит, я не знаю, кто убил ее родителей. Может быть, фэйри. Это случилось во время Темной войны. – Казалось, он что-то недоговаривал. – Да, я решил ей помочь. И что? Деньги не пахнут.

– А еще ты хочешь, чтобы Сумеречные охотники пока не обращали на тебя внимания, – предположил Кит наудачу и, судя по всему, попал в точку. – Ты что-то замышляешь?

Джонни захлопнул ящик.

– Может быть.

– Ну вот, торгуешь секретами, а своих тайн не выдаешь, – пробурчал Кит, засунув руки в карманы.

Отец приобнял его, что случалось нечасто, и заявил:

– Мой главный секрет – это ты.

1
Саркофаг в королевстве[1]

– Ничего у нас не получается, – сказала Эмма. – Не складываются отношения.

На другом конце телефона что-то уныло пробурчали. Эмма едва смогла разобрать слова – сигнал на крыше бара «Саркофаг» был слабоват. Она шагала вдоль кромки и смотрела вниз, во внутренний двор. Жакарандовые деревья были опутаны электрическими гирляндами, под ними стояли гламурные, ультрасовременные столы и стулья. Столь же гламурные и ультрасовременные юноши и девушки наводняли бар. В руках у них сверкали бокалы с вином, тоже похожие на яркие лампочки – красные, розовые, белые. Кто-то арендовал весь бар для частной вечеринки: между деревьями был растянут усыпанный блестками поздравительный баннер, официанты с подносами, полными закусок, лавировали в толпе.

Было в этой сцене что-то такое, из-за чего Эмме нестерпимо хотелось вмешаться: сбросить что-нибудь с крыши или спрыгнуть самой, исполнив в воздухе головокружительное сальто. Но за такое поведение Конклав надолго бы упек ее за решетку. Сумеречным охотникам нельзя было даже на секунду показываться на глаза простецам. Поэтому даже если бы Эмма и впрямь спрыгнула с крыши, никто из посетителей вечеринки ее бы не увидел. Кристина нанесла ей на кожу особые руны, которые скрывали ее от любого, кто не обладал Зрением.

Вздохнув, Эмма снова поднесла телефон к уху.

– Ну хорошо, *наши* отношения, – сказала она. – *Наши* отношения не складываются.

– Эмма, – шепнула ей из-за спины Кристина.

Эмма повернулась, постаравшись при этом не упасть с крыши, и посмотрела на нее. Кристина сидела на скате, уложенном кровельной плиткой, и бледно-голубой суконкой полировала метательный нож. Суконка была явно подобрана к цвету лент, вплетенных в ее темные волосы. Кристина излучала уверенность. Все детали ее образа были продуманы до мелочей, и в черных боевых доспехах ей удавалось выглядеть не менее стильной и профессиональной, чем большинство людей смотрелись бы в строгом костюме. В ямочке между ключицами поблескивал золотой амулет, а на пальце сияло фамильное кольцо, испещренное розами – символом семейства Розалес. Кристина завернула нож в суконку и отложила его в сторону.

– Эмма, не забывай говорить от первого лица.

Кэмерон все говорил и говорил в трубку, предлагал встретиться и обсудить все лично, но Эмма понимала, что в этом нет никакого смысла. Она не отводила глаз от происходящего во дворике. Уж не тень ли проскользнула сквозь толпу? Или ей только показалось? Может, она просто принимала желаемое за действительное. На ее памяти Джонни Грач еще ни разу не ошибся, а о грядущем сегодня событии он говорил с огромной уверенностью. Эмма предвкушала битву и меньше всего на свете хотела бы обнаружить, что сегодня ей не удастся выпустить пар.

– Проблема не в *тебе,* а во *мне,* – сказала она в телефон. Кристина одобрительно подняла вверх большие пальцы. – *Меня* от *тебя* тошнит. – Она широко улыбнулась, заметив, как Кристина закрыла лицо руками. – Может, мы снова станем просто друзьями?

Раздался щелчок – Кэмерон повесил трубку. Эмма сунула телефон в кармашек на ремне и снова осмотрела толпу. Ничего. Недовольно поморщившись, она забралась по скату туда, сидела Кристина, и плюхнулась рядом.

– Нехорошо получилось, – пробормотала она.

– Думаешь? – Кристина взглянула на нее, отняв от лица руки. – А что пошло не так?

---

[1] Цитата из стихотворения Э. По «Аннабель Ли». Здесь и далее в переводе К. Бальмонта.

– Не знаю, – вздохнула Эмма и вытащила стило – тонкий адамантовый инструмент, которым Сумеречные охотники наносили на кожу руны. Это стило с резной рукояткой из кости демона ей подарил Джейс Эрондейл, в которого она когда-то была влюблена без памяти. Большинство Сумеречных охотников меняли стила, как люди меняют ручки, но этот инструмент был особенно дорог Эмме, и она хранила его не менее бережно, чем свой меч. – И вот так каждый раз! Поначалу все хорошо, но однажды утром я просыпаюсь, и меня начинает тошнить от одного только звука его голоса. – Она виновато посмотрела на Кристину и добавила: – Я пыталась. Не одну неделю терпела! Все надеялась, что станет лучше. Но ничего не вышло.

Кристина потрепала ее по плечу.

– Понимаю, *cuata*[2], – сказала она. – У тебя не слишком получается…

– …быть тактичной? – предположила Эмма.

Кристина говорила практически без акцента, и Эмма частенько забывала, что английский – ее второй язык. Впрочем, помимо родного испанского, Кристина знала еще семь языков. Сама Эмма немного говорила по-испански и знала кое-что из греческого и латыни, могла читать на трех демонических языках и ругаться еще на пяти.

– Я хотела сказать, заводить отношения, – объяснила Кристина, сверкнув темно-карими глазами. – Я здесь всего два месяца, но и за это время ты успела забыть о трех свиданиях с Кэмероном и даже не поздравила его с днем рождения. А теперь бросаешь его только потому, что он скучноват.

– Ему вечно хочется играть в свои видеоигры, – бросила Эмма. – Ненавижу видеоигры!

– Эмма, но ведь никто не идеален.

– Но некоторые люди идеальны друг для друга. Разве не так?

В глазах Кристины что-то промелькнуло, но так быстро, что Эмма решила, будто ей показалось. Порой Эмма вспоминала, что, какой бы близкой ни казалась ей Кристина, на самом деле она ее не знала – не знала ее так, как знала Джулиана, как знаешь человека, с которым не разлучался с самого детства. Кристина никогда не рассказывала Эмме, что случилось в Мексике и почему ей пришлось сбежать в Лос-Анджелес, бросив семью и друзей.

– Что ж, – протянула Кристина, – по крайней мере, тебе хватило ума обратиться ко мне за моральной поддержкой в это непростое время.

Эмма ткнула Кристину стилом.

– Я не собиралась бросать Кэмерона. Мы уже пришли сюда, и тут он позвонил и у меня на телефоне высветилось его фото… точнее, фото верблюда, потому что у меня нет ни одного снимка Кэмерона и я загрузила верблюда. И этот верблюд так меня разозлил, что я не сдержалась.

– Не лучший день для верблюдов.

– А разве у них вообще бывают хорошие дни?

Эмма поудобнее перехватила стило и начала наносить на предплечье руну, защищающую от падения. Она всегда гордилась своим врожденным чувством равновесия, но на крыше, пожалуй, предосторожность не была излишней.

Она вспомнила о Джулиане, который был в Англии, за тысячи километров от нее, и в сердце защемило. Он бы обрадовался, что она соблюдает осторожность. Сказал бы что-нибудь забавное и ласковое, не упустил бы случая посмеяться над собственными страхами. Эмма ужасно по нему скучала – но так, наверное, и должно быть со парабатаями: ведь их связывает не только дружба, но и магия.

Она скучала по всем Блэкторнам. Она выросла вместе с Джулианом, его сестрами и братьями и жила с ними с двенадцати лет, когда она потеряла родителей, а Джулиан, мама которого давно умерла, лишился отца. Эмма была единственным ребенком – и вдруг попала в большую,

[2] Подруга *(исп.)*.

шумную, веселую и счастливую семью. Не все складывалось гладко, но она обожала их всех, от застенчивый Друзиллы до любителя детективных историй Тиберия.

В начале лета Блэкторны отправились навестить свою двоюродную бабушку в Сассексе – семья их происходила из Великобритании. Джулиан объяснил, что бабушке Марджори вот-вот исполнится сто лет и она может умереть в любую минуту, так что они непременно должны приехать к ней в гости: нравственный долг обязывал.

И они уехали на два месяца – все, кроме их дяди, главы Института. Эмма испытала настоящее потрясение. В шумных коридорах Института вдруг воцарилась тишина. Но, что хуже всего, когда Джулиана не было рядом, Эмма почти физически чувствовала его отсутствие. В груди беспрестанно болело.

Свидания с Кэмероном не помогали, зато приезд Кристины помог неимоверно. По достижении восемнадцати лет Сумеречные охотники часто посещали заграничные Институты, чтобы перенять опыт. Кристина приехала в Лос-Анджелес из Мехико, и в этом не было ничего необычного, но почему-то всегда казалось, что Кристина словно намеренно от чего-то сбежала. Эмма тем временем бежала от одиночества. В конце концов, их пути с Кристиной пересеклись, и они стали лучшими подругами быстрее, чем Эмма могла бы надеяться.

– Что ж, Диана, наверное, обрадуется, что ты бросила Кэмерона, – сказала Кристина. – По-моему, он ей никогда не нравился.

Диана Рейберн была наставницей Блэкторнов. Необыкновенно умной, необыкновенно строгой и необыкновенно уставшей от того, что Эмма вечно засыпала посреди занятия после очередной бессонной ночи.

– Диана просто считает, что отношения отвлекают от учебы, – заметила Эмма. – Зачем ходить на свидания, когда можно выучить еще один демонический язык? Неужели никому не интересно узнать, как сказать «заходи почаще» на пургатианском?

Кристина рассмеялась.

– Говоришь прямо как Хайме. Он ненавидел учиться. – Эмма навострила уши: Кристина редко упоминала о семье и друзьях, которые остались в Мехико. Эмма знала, что дядя Кристины руководил Институтом Мехико, пока не погиб на Темной войне, после чего управление перешло в руки ее матери. А еще знала, что отец Кристины умер, когда она была совсем маленькой. Но не более. – А вот Диего любил. Вечно выпрашивал дополнительные задания.

– Диего? Тот самый безупречный парень? Которого обожает твоя мама?

Эмма снова принялась водить стилом по коже, и на руке начала обретать форму руна дальнозоркости. Рукава доспехов доходили до локтя, а кожу на предплечьях испещряли белые шрамы давнишних рун.

Кристина забрала у Эммы стило.

– Давай лучше я, – сказала она и продолжила рисовать. Она всегда наносила руны точно и аккуратно, и они получались особенно красивыми. – Не хочу говорить о Безупречном Диего. Мама и так мне о нем все уши прожужжала. Можно я лучше задам тебе вопрос?

Эмма кивнула. Стило скользило по коже, и его прикосновение было таким привычным, что даже нравилось ей.

– Я знаю, ты решила прийти сюда, потому что Джонни Грач сказал тебе, что нашли несколько тел с письменами на коже и, по его мнению, следующее обнаружится здесь сегодня вечером.

– Верно.

– И ты надеешься, что письмена окажутся такими же, как на телах твоих родителей.

Эмма напряглась. Она ничего не могла с собой поделать. Стоило кому-нибудь напомнить ей об убийстве родителей, как все внутри пронзало жуткой болью, словно это случилось вчера. Даже если собеседник был так деликатен, как Кристина.

– Да.

– Конклав утверждает, что твоих родителей убил Себастьян Моргенштерн, – продолжила Кристина. – Так мне сказала Диана. И так считают все. Кроме тебя.

Конклав. Эмма вгляделась в горизонт. На Лос-Анджелес давно опустилась ночь, и панорама города засияла мириадами огней. По обе стороны бульвара Сансет светились рекламные щиты. Когда Эмма впервые услышала о Конклаве, слово показалось ей безобидным. Конклав был всего-навсего правительством нефилимов, в которое входили все Сумеречные охотники старше восемнадцати лет.

Теоретически, одинаковое право голоса имели все. На практике одни Сумеречные охотники обладали большим влиянием, чем другие. Как и в любой политической партии, в Конклаве процветали коррупция и предрассудки. В итоге для нефилимов это означало соблюдение строгого кодекса чести и множества правил, отступление от которых жестоко каралось.

У Конклава был свой девиз: «Закон суров, но это Закон». Каждый Сумеречный охотник понимал, что значат эти слова. Все предписания Закона соблюдались неукоснительно. Закон был превыше всего: превыше личной нужды, тоски, печали, несправедливости, вероломства. Таков был Закон. Когда Конклав велел Эмме смириться с тем, что родители погибли во время Темной войны, у нее не осталось выбора.

И все же она не покорилась.

– Нет, – медленно произнесла она. – Не думаю.

Кристина на мгновение замерла, не окончив руну.

Адамант сверкнул в лунном свете.

– Не скажешь почему?

– Когда Себастьян Моргенштерн создавал свою армию, – начала Эмма, не отрывая взгляда от моря огней, – он похищал Сумеречных охотников и превращал их в чудовищ, которые служили ему. Он не покрывал их тела демоническими письменами и не бросал их в океан. Но когда нефилимы прикоснулись к телам моих родителей, те испарились. Такого не случалось ни с одной из жертв Себастьяна. – Она провела пальцем по кровельной плитке. – А еще мне подсказывает чутье. Я чувствую, верю – и с каждым днем все сильнее, – что родители погибли по другой причине. И то, что в их смерти обвинили Себастьяна Моргенштерна… – Она вдруг замолчала и вздохнула. – Прости. Все это пустая болтовня. Скорее всего, тревога ложная. Не волнуйся об этом.

– Я волнуюсь о тебе, – сказала Кристина, но тут же снова приложила стило к коже Эммы и молча дорисовала руну. Она не склонна была настаивать и давить на подругу, и Эмме это очень нравилось.

Наконец Кристина отстранилась, и Эмма восхищенно посмотрела на руку. Руна дальнозоркости получилась удивительно четкой.

– Лучше тебя руны рисует разве что Джулиан, – заметила Эмма. – Но он художник…

– Джулиан, Джулиан, Джулиан, – поддразнила ее Кристина. – Джулиан – художник, Джулиан – гений, Джулиан сумел бы все исправить, Джулиан сумел бы все построить. Знаешь, за последние семь недель я услышала о Джулиане столько всего хорошего, что начинаю опасаться, как бы мне не влюбиться в него при первой же встрече.

Эмма стряхнула с рук налипшую пыль. Она была как на иголках. Для битвы все готово, а она никак не начнется, думала она. Не удивительно, что ей не сиделось на месте.

– По-моему, он не в твоем вкусе, – сказала она. – А впрочем, он мой парабатай, так что я не могу судить объективно.

Кристина вернула Эмме стило.

– Я всегда хотела обрести парабатая, – с легкой завистью призналась Кристина. – Человека, который поклялся защищать тебя до гробовой доски. Лучшего друга на всю жизнь.

«Лучшего друга на всю жизнь». Когда родители Эммы погибли, она боролась за то, чтобы ее не разлучали с Блэкторнами. Отчасти потому, что она и так уже потеряла всех родных, а

отчасти потому, что ей хотелось остаться в Лос-Анджелесе, чтобы выяснить, что случилось с родителями.

Она была Блэкторнам чужой и могла бы почувствовать себя нежеланной, но благодаря Джулиану такого ни разу не случилось. Связь парабатаев была крепче дружбы, крепче семейных уз, и каждый Сумеречный охотник признавал ее силу, не уступавшую силе брачного союза.

Никто не мог разлучить парабатаев. Никто и не пытался их разлучать: вместе парабатаи были сильнее. Они сражались так слаженно, словно могли читать мысли друг друга. Единственная руна, начертанная парабатаем, была сильнее десяти рун, нанесенных кем-нибудь другим. Часто парабатаи завещали похоронить их прах в одной могиле, чтобы не разлучаться даже в смерти.

Парабатай был не у каждого – такие союзы встречались довольно редко. Становясь парабатаем, ты клялся никогда не предавать своего партнера, всегда оберегать его, всюду идти за ним и считать его семью своей. Слова древней клятвы были взяты из Библии: «Куда ты пойдешь, туда и я пойду, народ твой будет моим народом, и где ты умрешь, там и я умру и погребен буду».

Если и было этому название в обычном языке, то разве что «родственные души». Но чувства между парабатаями могли быть лишь платоническими. Романтические отношения не допускались, и это особо оговаривалось в Законе. Эмма не знала причин – казалось, этот запрет не имеет смысла, но в Законе многое было его лишено. Зачем, например, Конклаву было отправлять в изгнание Хелен и Марка – единокровных сестру и брата Джулиана – на том лишь основании, что их мать была фэйри? Но после Холодного перемирия с ними поступили именно так.

Эмма поднялась на ноги и сунула стило в особый кармашек на поясе.

– Блэкторны возвращаются послезавтра. Познакомишься с Джулианом. – Она снова подошла к краю крыши и на этот раз услышала шорох шагов, подсказавший ей, что Кристина идет следом. – Видишь что-нибудь?

– Может, там не на что смотреть? – пожала плечами Кристина. – Может, это просто вечеринка?

– Но Джонни Грач говорил очень уверенно, – пробормотала Эмма.

– Разве Диана не запретила тебе видеться с ним?

– Может, она и велела мне прекратить наши встречи, – признала Эмма, – и даже назвала его «преступником, который вечно нарушает закон», что, надо сказать, меня очень задело, но она не запрещала мне посещать Сумеречный базар.

– Потому что всем и так известно, что Сумеречным охотникам нельзя появляться на Сумеречном базаре!

Эмма сделала вид, что не услышала этого замечания.

– А если уж я наткнулась на Грача, скажем, на этом базаре и он разболтал мне кое-что во время беседы, а я случайно обронила несколько купюр, кто обвинит меня в том, что я «заплатила за информацию»? Просто встретились два приятеля, один из которых не может держать язык за зубами, а другая вечно сорит деньгами…

– Это не в духе Закона, Эмма. Помнишь? «Закон суров, но это Закон».

– Я думала, там скорее «Закон докучлив, но при этом гибок».

– Девиз звучит не так. И Диана тебя убьет.

– Не убьет, если мы раскроем убийства. Цель оправдывает средства. А если ничего не произойдет, она ни о чем и не узнает. Верно?

Кристина промолчала.

– Верно?.. – повторила Эмма.

Вздохнув, Кристина указала на что-то и спросила:

– Ты видишь?

Эмма все видела. Внизу появился высокий мужчина, красивый, светлокожий, с прямыми волосами, в подогнанном по фигуре костюме. Он пробирался сквозь толпу. Мужчины и женщины оборачивались ему вслед, как будто очарованные его появлением.

– На нем чары иллюзии, – сказала Кристина.

Эмма изогнула бровь. Чары иллюзии – особый тип обманной магии, которым частенько пользовались обитатели Нижнего мира, чтобы скрыться от глаз простецов. Сумеречные охотники применяли для той же цели руны, действие которых практически не отличалось от чар, хотя нефилимы и не считали это магией. Магия была уделом чародеев, а руны – даром Ангела.

– Но кто он, вампир или фэйри?

Ответа на этот вопрос Эмма не знала. Мужчина подошел к девушке на высоких каблуках, которая держала в руке бокал шампанского. Стоило ему заговорить с ней, как с ее лица исчезли все эмоции. Она согласно кивнула, сняла с шеи массивное золотое колье, вложила его в протянутую руку мужчины и улыбнулась ему. Он тут же сунул украшение в карман.

– Фэйри, – заключила Эмма, потянувшись к оружию.

После заключения Холодного перемирия, которое лишило фэйри всех прав и богатств и ликвидировало их армию, фэйри оказались вне закона. Они стали проклятым и презираемым народом. У них отняли исконно принадлежавшие им земли, а другие обитатели Нижнего мира вступили между собой в борьбу за право занять их. Институт Лос-Анджелеса тратил кучу времени на улаживание таких споров, но всем этим занимались лишь взрослые. Сумеречным охотникам возраста Эммы вообще запрещалось напрямую взаимодействовать с фэйри.

Теоретически.

«Закон докучлив, но при этом гибок». Эмма вытащила из пристегнутой к ремню сумки небольшой мешочек, перевязанный веревкой. Пока она открывала его, мужчина-фэйри перешел от улыбающейся девушки к стройному юноше в черном пиджаке, который тотчас по доброй воле расстался со своими сияющими запонками. Теперь фэйри стоял прямо под Эммой и Кристиной.

– Вампирам золото не нужно, а вот Волшебный народ приносит Королю и Королеве подношения – золото, драгоценные камни и другие сокровища.

– Я слышала, Неблагой Двор платит человеческой кровью, – мрачно произнесла Кристина.

– Не сегодня, – буркнула Эмма, перевернула мешочек и высыпала его содержимое на голову мужчине-фэйри.

Кристина ахнула от ужаса, когда тот хрипло закричал, почувствовав, как лишается своих чар, словно змея – старой кожи.

Послышались возгласы – к фэйри возвращалось истинное обличье: на голове у него выросли узловатые ветки, кожа покрылась мхом и плесенью и растрескалась, как кора, руки превратились в лопатовидные лапы по три пальца на каждой.

– Эмма, – предостерегающе прошептала Кристина, – мы должны сейчас же это прекратить – зови Безмолвных Братьев…

Но Эмма уже спрыгнула вниз.

На мгновение она почувствовала себя совсем невесомой, а затем аккуратно приземлилась, согнув колени, как ее учили. О, ей не забыть свои первые прыжки с большой высоты, неловкие падения и ушибы – и долгие дни, уходившие на восстановление перед очередной попыткой!

Но теперь она понимала, все это было не зря. Эмма выпрямилась и посмотрела на фэйри, который стоял на другом конце двора. На его испещренном глубокими трещинами, похожем на старую кору лице светились два желтых кошачьих глаза.

– Сумеречный охотник, – прошипел он.

Посетители вечеринки спешно покидали бар, проскальзывая сквозь ворота, которые вели на парковку. Никто из них не видел Эмму, но инстинкты работали отменно, заставляя каждого огибать ее, как вода огибает опоры моста.

Забросив руку за спину, Эмма взялась за рукоять своего меча, Кортаны. Она выхватила его из ножен и выставила перед собой. Клинок полыхнул золотом.

– Нет, – сказала она. – Я шоколадка. И это мой костюм.

Фэйри недоуменно посмотрел на нее.

Эмма вздохнула.

– Как же с вами сложно! Вы, Волшебный народ, совсем шуток не понимаете.

– Наши шутки, остроты и баллады известны каждому, – оскорбленно возразил фэйри. – У нас есть баллады, которые можно петь неделями.

– У меня нет столько времени, – ответила ему Эмма. – Я – Сумеречный охотник. Остри быстро, умри молодым. – Она нетерпеливо шевельнула кончиком Кортаны. – Ну-ка, выворачивай карманы.

– Я не нарушал Холодного перемирия, – запротестовал фэйри.

– *Формально* ты прав, но мы не любим, когда грабят простецов, – объяснила Эмма. – Выворачивай карманы, или я отрублю один из твоих рогов и засуну его туда, где солнце не светит.

В глазах у фэйри промелькнула озабоченность.

– А где у нас солнце не светит? Что это, загадка такая?

Эмма сердито взглянула на него и подняла Кортану выше.

– Выворачивай сейчас же, или я с тебя всю кору сдеру. Я только что рассталась с парнем, настроение у меня не из лучших.

Фэйри принялся медленно выкладывать на траву содержимое своих карманов, то и дело посматривая на Эмму.

– Так ты свободна, – сказал он. – Никогда бы не подумал.

Сверху донесся возмущенный вздох.

– А вот это уже настоящая грубость!

– Спасибо, Кристина, – крикнула Эмма. – Удар ниже пояса. Заруби себе на носу, ты, фэйри, это я с ним порвала.

Фэйри пожал плечами. Жест получился на удивление выразительным: в нем явно заключалось сразу несколько степеней равнодушия к проблемам Эммы.

– Хотя я не понимаю почему, – заметила Кристина. – Он был весьма мил.

Эмма закатила глаза. Карманы у фэйри, похоже, были бездонные: он выкладывал на землю сережки, дорогие кожаные кошельки, сияющие кольца с бриллиантами. Эмма напряглась. На самом деле ей было наплевать на украшения и на сам факт воровства – она искала оружие, книги заклинаний, любые признаки темной магии, связанной с письменами на теле родителей.

– Эшдауны и Карстерсы никогда не ладили, – сказала она. – Это всем известно.

Услышав это, фэйри вдруг замер.

– Карстерсы? – повторил он, во все глаза глядя на Эмму. – Ты Эмма Карстерс?

Эмма удивленно моргнула и посмотрела вверх, но Кристины на крыше уже не было.

– Не думаю, что мы когда-нибудь встречались. Я бы запомнила говорящее дерево.

– Да неужели? – фэйри всплеснул руками-лопатами. – От тебя я ожидал более вежливого обращения. Или ты и все твои институтские друзья уже забыли Марка Блэкторна?

– Марк? – Эмма похолодела, не в силах справиться с чувствами.

В этот момент что-то сверкнуло у нее перед глазами. Фэйри швырнул в нее бриллиантовое колье. Эмма присела, но кончик цепочки задел ей щеку. Ее обожгло болью, по коже полилась теплая кровь.

Эмма тотчас вскочила, но фэйри уже был таков. Выругавшись, Эмма вытерла кровь с лица.

– Эмма! – окликнула ее Кристина, которая уже спустилась с крыши и стояла возле запертой двери в стене. Там был запасной выход. – Он сюда побежал!

Эмма подскочила к ней, и вместе они выбили дверь и оказались в переулке за баром. Было на удивление темно – кто-то разбил все окрестные фонари. Из выстроенных вдоль стены мусорных баков воняло гнильем и выпивкой. Эмма почувствовала, как вспыхнула руна дальнозоркости, и в ту же секунду увидела в дальнем конце переулка нечеткий силуэт фэйри, который скользнул куда-то влево.

Она бросилась за ним. Кристина побежала следом. Эмма столько раз бегала наперегонки с Джулианом, что без труда могла подстроиться под темп любого, и теперь полетела вперед сверкая пятками. Фэйри двигались очень быстро. Они с Кристиной завернули за угол, и переулок стал уже. Убегающий фэйри сдвинул два мусорных бака, загородив ими проход. Эмма уперлась руками в крышку одного из них и перепрыгнула через препятствие. Подошвы ботинок громыхнули о металл.

Она приземлилась на что-то мягкое. На ощупь – ткань. Одежда. Одежда на человеческом теле. Мокрая одежда. Воняло морской водой и тухлятиной. Эмма взглянула на распухшее лицо мертвеца.

И едва сдержала крик. Через секунду раздался глухой удар, и Кристина приземлилась рядом. Ахнув, она пробормотала что-то по-испански. Затем схватила Эмму и оттащила ее от тела. Та неловко повалилась на асфальт, не в силах отвести глаз.

Тело определенно принадлежало человеку. Мужчина среднего возраста, сутулый, с растрепавшимися седыми волосами, напоминавшими львиную гриву. Некоторые участки его тела обгорели: на коже виднелись красные и черные ожоги, а кое-где вздулись пузыри, подобные мыльной пене.

Серая рубашка была распахнута, по груди и рукам несчастного тянулись строки черных рун, но не тех, которыми пользуются Сумеречные охотники. Это были руны какого-то сложного демонического языка, и Эмма изучила их не хуже, чем шрамы у себя на предплечьях. Пять лет она беспрестанно рассматривала фотографии этих меток. Такие же письмена Конклав обнаружил на телах ее убитых родителей.

– Ты в порядке? – спросила Кристина.

Прислонившись спиной к кирпичной стене – которая, кстати, воняла чем-то странным и была забрызгана краской, – Эмма смотрела на труп простеца и окруживших его Безмолвных Братьев.

Как только к ней вернулось самообладание, Эмма вызвала Братьев и Диану. Теперь она уже жалела о своем решении. Безмолвные Братья прибыли без промедления и теперь стояли над телом, время от времени поворачиваясь, чтобы поговорить друг с другом мысленными голосами. Они осматривали тело, изучали место преступления и делали заметки. Они нанесли охранные руны, чтобы выиграть время до прибытия обычной полиции, но при этом вежливо и строго, сказав всего лишь пару слов силой своей мысли, велели Эмме не подходить к трупу.

– Я в порядке? – возмущенно переспросила она. – Да я в ярости! Я должна увидеть эти руны! Должна их сфотографировать. Моих родителей убили, а Безмолвным Братьям на это плевать! Я знала только одного приличного Безмолвного Брата, да и тот уже покинул Братство.

Кристина прищурилась. Во всей этой суматохе ей каким-то образом удалось не испачкать доспехи. Она была свежа и румяна. Эмма же наверняка походила на путало: волосы растрепались и торчали во все стороны, одежда была заляпана грязью.

– Не знала, что можно покинуть Братство, – сказала Кристина.

Безмолвными Братьями становились Сумеречные охотники, которые, подобно монахам, принимали решение уйти от мирских забот и посвятить свою жизнь науке и врачеванию. Они жили в Безмолвном городе, огромной сети подземных пещер, где хоронили большинство Сумеречных охотников. Кожу Братьев испещряли ужасные шрамы, оставленные рунами, которые были слишком сильны даже для плоти Сумеречных охотников и делали Братьев практически бессмертными. Они служили советниками, архивариусами и знахарями, а также могли орудовать Мечом Смерти.

Именно они провели церемонию парабатаев для Эммы и Джулиана. Они венчали нефилимов, присутствовали при рождении их детей и посещали умирающих. Все важные события в жизни Сумеречных охотников случались в присутствии Безмолвных Братьев.

Эмма подумала о единственном Безмолвном Брате, который пришелся ей по душе. Порой она по нему скучала.

Вдруг переулок озарился светом. Эмма часто заморгала и увидела знакомый пикап, который как раз завернул за угол. Машина остановилась, не погасив фар, и с водительского сиденья спрыгнула Диана Рейберн.

Пять лет назад, когда Диана только появилась в Институте Лос-Анджелеса и стала наставницей местных детей, Эмма подумала, что никогда не видела женщины красивее. Высокая, стройная, элегантная, с серебристой татуировкой в форме золотой рыбки на высокой темной скуле, она сразу выделялась из толпы. В ее карих глазах обычно плясали зеленые искорки, но сейчас они пылали сердитым огнем. На Диане было длинное черное платье, ниспадавшее аккуратными складками. Она была похожа на грозную римскую богиню охоты, в честь которой и получила свое имя.

– Эмма! Кристина! – Она поспешила к девушкам. – Что стряслось? Вы в порядке?

Эмма на мгновение отвела взгляд от трупа и растворилась в порывистом объятии. Диана всегда казалась Эмме слишком молодой, чтобы представлять ее матерью, но вот на роль старшей сестры она вполне годилась. Она всегда оберегала своих подопечных. Отпустив Эмму, Диана обняла и Кристину, которая немало удивилась этому жесту. Эмма давно предполагала, что дома у Кристины обнимались редко.

– Что случилось? Почему ты прожигаешь Брата Еноха глазами?

– Мы патрулировали территорию…

– И увидели, как фэйри грабит людей, – быстро добавила Кристина.

– Да, и я остановила его и велела ему вывернуть карманы…

– Фэйри? – встревожилась Диана. – Эмма, тебе ведь известно, что ты не можешь вступать во взаимодействие с Волшебным народом, даже если Кристина рядом…

– Но я уже сражалась с фэйри, – возразила Эмма.

Это была чистая правда. Когда темная армия Себастьяна напала на Аликанте, они сражались бок о бок с Дианой. Все улицы тогда заполонили воины-фэйри. Взрослые собрали всех детей и заперли их в Зале Соглашений, надеясь, что там они будут в безопасности, но фэйри сорвали замки…

Диана тогда отчаянно орудовала мечом и спасла десятки детей. Эмма оказалась среди спасенных. Тогда она и полюбила Диану.

– У меня было чувство, – продолжила Эмма, – что происходит что-то похуже ограбления. И я побежала за фэйри, когда он пустился наутек. Знаю, мне не следовало этого делать, но… Я обнаружила тело. На нем те же руны, что и на телах моих родителей. *Те же самые письмена,* Диана.

Диана повернулась к Кристине.

– Тина, ты не оставишь нас на минутку?

Кристина подчинилась, хотя и не без колебаний. Она была всего лишь гостем Института Лос-Анджелеса, всего лишь юным Сумеречным охотником, приехавшим на побывку, и должна

была подчиняться старшим сотрудникам Института. Взглянув на Эмму, она отошла к тому месту, где лежало тело. Вокруг плотным кольцом стояли Безмолвные Братья, в своих холщовых балахонах напоминавшие стайку светлых птиц. Они посыпали письмена каким-то блестящим порошком – так, по крайней мере, казалось со стороны. Эмме очень хотелось подойти поближе и разглядеть все подробности.

Диана вздохнула.

– Эмма, ты уверена? – спросила она.

Эмма сердито огрызнулась. Она понимала, почему Диана задала этот вопрос. Эмма уже не раз хваталась за ложные ниточки: то ей казалось, что она нашла ключ к расшифровке рун, то в газете простецов появлялась какая-нибудь статья, – но все это ни к чему не приводило.

– Я просто не хочу, чтобы ты надеялась впустую, – объяснила Диана.

– Я понимаю, – кивнула Эмма. – Но нельзя просто забыть об этом. Я так не смогу. Вы ведь мне верите. Всегда верили, правда?

– Что Себастьян Моргенштерн не убивал твоих родителей? О, милая, конечно верю. – Диана слегка потрепала Эмму по плечу. – Мне просто не хочется, чтобы ты страдала. Пока Джулиана нет рядом…

Эмма ждала продолжения ее фразы.

– Пока Джулиана нет рядом, ты очень ранима. Парабатаи оберегают друг друга. Я знаю, ты сильная, но все это так больно ранило тебя в детстве, что сейчас на любое замечание о твоих родителях реагирует двенадцатилетняя Эмма, а не почти взрослая Эмма. – Диана вздрогнула и прикоснулась к виску. – Меня зовет Брат Енох.

Безмолвные Братья могли телепатически обращаться к любому отдельному Сумеречному охотнику, а могли и разговаривать с целыми группами.

– Ты сможешь вернуться в Институт?

– Смогу, но мне бы хотелось еще раз взглянуть на тело…

– Безмолвные Братья тебе не позволят, – уверенно ответила Диана. – Я выясню все, что смогу, и расскажу тебе. Договорились?

Эмма неохотно кивнула.

– Договорились.

Диана пошла к Безмолвным Братьям и по дороге перекинулась парой слов с Кристиной. Когда Эмма добралась до припаркованной машины, Кристина догнала ее, и они молча заняли места.

С минуту Эмма не двигалась, держа ключи в руке. В зеркале заднего обзора она видела весь переулок, залитый светом мощных фар пикапа. Диана разговаривала с Безмолвными Братьями. На тротуаре поблескивал светлый порошок.

– Ну что? – спросила Кристина.

Эмма повернулась к ней.

– Расскажи мне, что ты видела, – попросила она. – Ты стояла совсем близко к телу. Ты не слышала, что Диана сказала Братьям? Руны действительно те же?

– Нет смысла рассказывать, – ответила Кристина.

– Я… – Эмма осеклась. Она была совсем измотана. Весь сегодняшний план пошел насмарку: она потеряла след грабителя-фэйри, упустила свой шанс осмотреть тело, возможно, даже задела чувства Кристины. – Я понимаю. Кристина, мне очень жаль. Я не хотела впутывать тебя в неприятности. Просто…

– Я ничего такого не говорила. – Кристина порылась в кармане доспехов. – Я лишь сказала, что нет смысла рассказывать, потому что я могу тебе все показать. Вот. Взгляни.

Она протянула подруге телефон, и сердце Эммы подпрыгнуло: Кристина листала сделанные ею фотографии тела и Братьев, переулка, кровавых пятен. Всего.

– Кристина, я тебя обожаю! – воскликнула Эмма. – Я женюсь на тебе. Женюсь!

Кристина усмехнулась.

– Мама уже выбрала мне жениха, припоминаешь? Только представь, что она скажет, если я приведу тебя!

– Думаешь, мне не сравниться с Безупречным Диего?

– Думаю, ее ругань будет слышна даже в Идрисе.

В Идрисе, на родине Сумеречных охотников, где первые из них появились на свет, находилась резиденция Конклава. Волшебным образом скрытый от простецов, Идрис находился на границе Франции, Германии и Швейцарии. Во время Темной войны столица Идриса, Аликанте, претерпела серьезные разрушения, и восстановление продолжалось до сих пор.

Эмма рассмеялась. Ей вдруг стало куда легче на душе. Теперь у них, наконец, было хоть что-то. Улика, как сказал бы Тиберий, не отрываясь от детективного романа.

Вдруг ощутив, как она соскучилась по Таю, Эмма завела машину.

– Ты правду сказала фэйри, что сама порвала с Кэмероном? – поддела Эмму Кристина.

– О, не начинай, – отмахнулась Эмма. – Я этим не горжусь.

Кристина фыркнула – совсем не по-женски.

– Придешь ко мне, когда мы вернемся? – спросила Эмма, включая фары. – Хочу тебе кое-что показать.

Кристина нахмурилась.

– Надеюсь, не родимое пятно и не бородавку какую-нибудь? Бабуля однажды сказала, что хочет мне кое-что показать, и выяснилось, что она имела в виду бородавку на…

– Это не бородавка!

Эмма выехала на дорогу и влилась в поток транспорта. Все ее тело покалывало от возбуждения, хотя обычно после схватки, когда выветривался адреналин, она чувствовала себя разбитой.

Но сегодня она собиралась показать Кристине кое-что такое, чего раньше не видел никто, кроме Джулиана. Кое-что такое, чем она тоже не слишком гордилась. Интересно, сможет ли Кристина с этим смириться?

2
Ни ангелы неба

– Джулиан называет это моей Стеной Безумия, – сказала Эмма.

Они с Кристиной стояли на пороге кладовой в комнате Эммы.

Одежды внутри не было. Вещи Эммы, по большей части винтажные платья и старые джинсы, которые она покупала в комиссионках Сильвер-Лейк и Санта-Моники, либо висели в шкафу, либо лежали в комоде. Все стенки гардеробной, выкрашенные в синий цвет (на одной из стен в комнате Эммы красовалась роспись, которую Джулиан сделал, когда она поселилась в Институте, – ласточки в полете над башнями замка, дань уважения семейству Карстерсов), были обклеены фотографиями, газетными вырезками и клейкими листочками, исписанными неровным почерком Эммы.

– Все организовано по цветам, – пояснила она, указывая на клейкие листочки. – Статьи из газет простецов, сведения о чарах, сведения о демонических языках, все, что я смогла за эти годы выпытать у Дианы… В общем, здесь все, что мне удалось раскопать о гибели родителей.

Кристина подошла ближе, чтобы рассмотреть стены, а затем вдруг повернулась на каблуках и удивленно посмотрела на Эмму.

– Кое-что напоминает официальные документы Конклава!

– Так и есть, – призналась Эмма. – Я стащила их из кабинета Консула в Идрисе, когда мне было двенадцать.

– Ты украла их у Джии Пенхоллоу? – ужаснулась Кристина.

Эмма не могла винить ее за такую реакцию. Консул был высшим выборным должностным лицом Конклава, сравниться с ним по положению и влиянию мог только Инквизитор.

– А как еще мне было получить фотографии тел родителей? – спросила Эмма, стягивая куртку и бросая ее на кровать. Оставшись в тонкой майке, она почувствовала, как ветерок холодит руки.

– И куда же ты повесишь сегодняшние снимки?

Кристина передала их Эмме. Бумага была еще влажной от краски – вернувшись в Институт, девушки первым делом распечатали с телефона Кристины две самых четких фотографии найденного в переулке тела. Эмма прикрепила их на стену рядом со снимками тел родителей, сделанных представителями Конклава. От времени они уже поблекли и немного помялись.

Отстранившись, она сравнила снимки. На эти жуткие, угловатые руны сложно было смотреть долго. Им как будто не нравилось, когда на них смотрят. Они не относились ни к одному известному демоническому языку, но казалось, человеческий разум не мог создать такое.

– И что теперь? – поинтересовалась Кристина. – Какой у тебя план?

– Посмотрим, что скажет завтра Диана, – ответила Эмма. – Если ей удастся что-нибудь разузнать. Интересно, Безмолвные Братья уже знают о тех убийствах, о которых говорил Грач? Если нет, я снова пойду на Сумеречный базар. Отдам все деньги или задолжаю Джонни Грачу – неважно. Раз кто-то сейчас убивает людей и покрывает их тела такими письменами, значит… значит, Себастьян Моргенштерн не убивал моих родителей. А следовательно, я права, и пять лет назад они погибли по другой причине.

– Эмма, может, все не совсем так, – осторожно начала Кристина.

– Я – одна из немногих оставшихся в живых, кто видел, как Себастьян Моргенштерн напал на Институт, – сказала Эмма.

Воспоминания были очень яркими, но в то же время как будто окутанными туманом: Эмма помнила, как она схватила малыша Тавви и как Дрю побежала следом, как они бежали по Институту, который осаждали темные воины Себастьяна; помнила самого Себастьяна, его

белые волосы и черные демонические глаза; помнила кровь и Марка; помнила, как Джулиан ее ждал.

– Я его видела. Видела его лицо, его глаза. Он смотрел на меня. Нет, я вовсе не считаю, что он *не мог* убить родителей. Он убил бы любого, кто встал у него на пути. И все же мне кажется, он не стал бы себя этим утруждать. – Она сверкнула глазами. – Мне нужны доказательства, чтобы убедить Конклав. Ведь пока во всем винят Себастьяна, настоящий убийца, настоящий преступник остается на свободе. У меня нет сил это терпеть.

– Эмма. – Кристина легко коснулась руки подруги. – Ты ведь знаешь, я думаю, у Ангела есть на всех нас планы. И есть план на тебя. Я сделаю все возможное, чтобы помочь тебе.

Эмма и так это понимала. Многим Сумеречным охотникам ангел Разиэль, создавший расу нефилимов, представлялся далеким и отстраненным. Кристина же постоянно чувствовала его присутствие. Она носила медальон, посвященный Ангелу: спереди на нем было изображение Разиэля, а сзади – латинская фраза: «Благословен Ангел, твердыня моя, научающий руки мои битве и персты мои брани».

Кристина часто прикасалась к медальону, чтобы набраться сил перед экзаменом или перед битвой. Эмма частенько завидовала ее вере. Порою ей казалось, что сама она верила лишь в мщение и в Джулиана.

Эмма прислонилась к стене. Газетные вырезки и клейкие листочки защекотали кожу.

– Даже если придется нарушать правила? Я знаю, ты этого терпеть не можешь.

– Не такая уж я зануда! – Притворно оскорбившись, Кристина легонько ударила Эмму по плечу. – В любом случае сегодня нам уже ничего не сделать. Как тебя отвлечь? Глупые фильмы? Мороженое?

– Лучше я познакомлю тебя с Блэкторнами, – сказала Эмма, выходя из гардеробной.

– Но их ведь здесь нет. – Кристина недоуменно посмотрела на Эмму, словно опасаясь, что та ударилась головой.

– В каком-то смысле есть, – возразила Эмма и выставила перед собой руку. – Пойдем.

Эмма повела Кристину по коридору. Повсюду были дерево и стекло, из окон открывался вид на морские просторы и песчаные пляжи. Когда Эмма только переехала в Институт, она подумала, что однажды привыкнет к этой красоте и уже не будет каждое утро поражаться синеве океана, сливающегося с небом. Но этого не произошло. Море все так же очаровывало ее своими беспокойными волнами, а пустыня – игрой теней и удивительными красками.

Сейчас за окном светила луна, и черный океан сверкал серебром.

Девушки спустились в холл. Эмма задержалась на верхней площадке широкой лестницы, которая вела к парадному входу в Институт. Она располагалась в самом центре здания и делила его на два крыла – северное и южное. Много лет назад Эмма специально выбрала себе комнату как можно дальше от спален Блэкторнов, в другом крыле. Так она безмолвно провозгласила, что не изменит роду Карстерсов.

Теперь она перегнулась через перила и посмотрела вниз. Кристина стояла рядом. Высокие двери вели в квадратный холл, выложенный черно-белым мрамором. Вдоль стен стояла неудобная на вид мебель, которой никто никогда не пользовался. Холл Института напоминал фойе музея.

С площадки второго этажа было видно, что черные и белые мраморные плитки, которыми был выложен пол, вместе составляли изображение ангела Разиэля, выходящего из вод озера Лин в Идрисе с Орудиями Смерти – сияющим мечом и инкрустированной золотом чашей – в руках.

Эта картина была знакома любому Сумеречному охотнику с пеленок. Тысячу лет назад Сумеречный охотник Джонатан призвал ангела Разиэля, отца всех нефилимов, чтобы тот наслал чуму на демонов. Разиэль даровал Джонатану Орудия Смерти и Серую Книгу, в которой были начертаны все руны. А еще он также смешал свою кровь с человеческой и велел Джона-

тану и его последователям испить ее. Так их кожа стала устойчивой к рунам – и так появились первые нефилимы. Образ выходящего из воды Разиэля был священен для любого нефилима. Его называли Триптихом и изображали там, где Сумеречные охотники собирались вместе, и там, где они умирали.

Образ на полу Института служил мемориалом. Когда Себастьян Моргенштерн вместе с армией фэйри напал на Институт, этой картины еще не было. Вернувшись в Институт после Темной войны, дети Блэкторнов обнаружили, что холл, где многие расстались с жизнью, уже перестроен. Все камни, на которых Сумеречные охотники истекали кровью, заменили новыми и выложили мозаику в память о тех, кто пал в боях.

Всякий раз, когда Эмма проходила по этим плитам, она вспоминала родителей и отца Джулиана. Ей это нравилось: она не хотела никого забывать.

– Когда ты сказала «в каком-то смысле есть», ты ведь не имела в виду Артура? – спросила Кристина, задумчиво глядя на Ангела.

– Конечно, нет.

Артур Блэкторн был главой Лос-Анджелесского Института. По крайней мере, номинально. Он был увлечен классической историей и одержим мифологией Древней Греции и Рима и вечно сидел в мансарде в окружении старинной керамики, полуистлевших книг, бесконечных эссе и монографий. Пожалуй, Эмма ни разу не видела, чтобы он заинтересовался проблемами Сумеречных охотников. Количество встреч с Артуром после прибытия Кристины в Институт можно было пересчитать по пальцам одной руки.

– Поразительно, что ты вообще о нем помнишь.

Кристина закатила глаза.

– Не закатывай глаза. Это портит торжественный момент.

– Что еще за торжественный момент? – удивилась Кристина. – Зачем ты меня сюда притащила? Я хочу в душ, хочу переодеться… К тому же, мне просто необходимо выпить кофе.

– Тебе вечно необходимо выпить кофе, – отмахнулась Эмма, устремившись по коридору в противоположное крыло здания. – Это ужасная зависимость.

Кристина что-то едва слышно пробурчала по-испански, но все равно поспешила за Эммой. Любопытство явно побеждало. Эмма развернулась, и пошла спиной вперед, приняв на себя роль экскурсовода.

– Итак, почти вся семья живет в южном крыле, – сказала она. – Первая остановка, комната Тавви.

Дверь в спальню Октавиана Блэкторна была открыта. Ему было всего семь, и он не слишком беспокоился о защите личного пространства. Эмма заглянула внутрь, и озадаченная Кристина последовала ее примеру.

В комнате стояла небольшая кровать, застеленная ярким полосатым покрывалом, игрушечный дом высотой с Эмму и заваленный книгами и игрушками шатер.

– Тавви мучают кошмары, – объяснила Эмма. – Иногда Джулиан спит вместе с ним в шатре.

– Мама так же поступала, когда я была маленькой, – улыбнулась Кристина.

Следующая комната принадлежала Друзилле. Дрю было тринадцать, и она обожала фильмы ужасов. На полу валялись книги о жутком кино и серийных убийцах. Стены были выкрашены в черный цвет, на окнах висели плакаты с героями старых кинокартин.

– Дрю любит ужастики, – сказала Эмма. – Все, где есть слова «кровь», «страх» и «18+».

– Близнецы живут друг напротив друга. – Продолжая экскурсию, Эмма показала на две закрытые двери. – Здесь обитает Ливви.

Она распахнула дверь, и перед девушками оказалась чистая, красиво обставленная спальня. Изголовье кровати было прелестно задрапировано тканью с причудливым узором из

чайных чашек. На стенах висела яркая бижутерия. Возле кровати ровными стопками были сложены книги о компьютерах и языках программирования.

– Языки программирования! – воскликнула Кристина. – Она любит компьютеры?

– Да, как и Тай, – кивнула Эмма. – Тай обожает компьютеры, ему нравится, как они организуют информацию для анализа, но математика ему не очень-то дается. Зато Ливви щелкает задачки как орехи. Они работают в паре.

Затем они заглянули в комнату Тая.

– Тиберий Нерон Блэкторн, – объявила Эмма. – По-моему, родители слегка перестарались с именем. Все равно, что назвать ребенка Блистательным Негодяем.

Кристина хихикнула. В комнате было чисто. Книги были расставлены не по алфавиту, а по цветам. В передней части комнаты и возле кровати были цвета, которые нравились Таю больше всего: синий, золотой и зеленый. Нелюбимые цвета – оранжевый и фиолетовый – ютились в углах и возле окна. Человеку со стороны могло показаться, что здесь царит полный бардак, но Эмма прекрасно знала, что Тай всегда в курсе, где лежит нужная вещь.

Тумбочку он отвел под любимые книги – рассказы о Шерлоке Холмсе Артура Конан Дойля. Рядом располагалась целая коллекция миниатюрных игрушек. Джулиан много лет назад смастерил их для брата, обратив внимание, что Тай чувствует себя спокойнее, когда держит что-нибудь в руке. Еще на тумбочке лежали клубок гибкой проволоки и черный пластиковый кубик, составленный из отдельных деталей, которые можно было двигать в любом направлении.

Взглянув на гордую своими друзьями Эмму, Кристина заметила:

– Ты уже рассказывала о Тае. Он любит животных.

Эмма кивнула.

– Он вечно где-то пропадает, следит за белками и ящерицами. – Она махнула рукой в сторону пустыни, раскинувшейся за Институтом и тянувшейся до подножия гор, что отделяли побережье от долины, – девственный край без единого дома и безо всяких следов человека. – Надеюсь, ему хорошо в Англии – он наверняка ловит всяких головастиков и лягушачьи лапки…

– Лягушачьи лапки – это еда!

– Не может быть! – отмахнулась Эмма и пошла дальше.

– Французское блюдо! – настаивала Кристина.

Эмма открыла следующую дверь. Комната была выкрашена точно в такой же оттенок синего, который днем заливал безоблачное небо. По утрам стены сливались с заоконным пейзажем и казалось, будто спальня парит в бесконечной синеве. На стенах красовались причудливые узоры, а на той, что смотрела на пустыню, был нарисован замок, окруженный высокой стеной терновых деревьев. К нему, наклонив голову, скакал принц со сломанным мечом в руке.

– Спящая красавица! – догадалась Кристина. – Правда, мне эта сказка не казалась такой печальной, да и принц не терял надежд. – Она посмотрела на Эмму. – Джулиан часто грустит?

– Нет, – ответила Эмма, едва расслышав ее вопрос.

Она не заходила в комнату Джулиана со дня его отъезда. Похоже, он не успел прибраться: на полу валялась одежда, на столе – неоконченные наброски. На тумбочке даже осталась кофейная чашка, содержимое которой давно покрылось плесенью.

– По крайней мере, депрессивным его не назовешь.

– Депрессивный и печальный – не одно и то же, – заметила Кристина.

Но Эмме не хотелось думать о том, как Джулиан грустит. Момент был неподходящий. Скоро он вернется домой. Уже перевалило за полночь, поэтому, формально говоря, он приедет уже завтра. Эмма почувствовала, как по коже от радости пробежали мурашки.

– Пойдем.

Она вышла из комнаты и пересекла коридор. Кристина не отставала. Эмма прикоснулась к закрытой двери. Та была деревянной, как и все остальные, но слегка потемнела, будто ее давно не протирали.

– Здесь жил Марк, – сообщила Эмма.

Имя Марка Блэкторна было известно любому Сумеречному охотнику. Он был наполовину фэйри, наполовину Сумеречным охотником, и во время Темной войны его забрали и заставили присоединиться к Дикой Охоте, к самым свирепым и необузданным фэйри. Раз в месяц они пролетали по небу на своих колесницах – охотились на людей, посещали поля сражений и питались страхом и смертью, словно кровожадные ястребы.

Марк был очень кротким. Интересно, жив ли он еще?

– Во многом я приехала сюда из-за Марка Блэкторна, – немного застенчиво призналась Кристина. – Я всегда надеялась, что однажды помогу создать новый договор, который будет лучше Холодного перемирия. Справедливее по отношению к обитателям Нижнего мира и к тем Сумеречным охотникам, которые их любят.

Глаза Эммы округлились.

– Я не знала. Ты мне никогда об этом не рассказывала.

Кристина обвела рукой коридор.

– Ты поделилась со мной тем, что тебе дорого, – объяснила она. – Ты поделилась Блэкторнами. И я решила, что я тоже могу кое-чем поделиться с тобой.

– Как я рада, что ты приехала! – порывисто воскликнула Эмма, и Кристина покраснела. – Даже если во многом из-за Марка. И даже если ты не хочешь раскрывать другие причины.

Кристина пожала плечами.

– Мне нравится Лос-Анджелес. – Она слегка улыбнулась. – А ты уверена, что не хочешь посмотреть глупые фильмы и поесть мороженого?

Эмма глубоко вздохнула. Джулиан однажды признался, что, когда ему становится слишком тяжело, он мысленно откладывает некоторые проблемы и чувства в долгий ящик. «Стоит закрыть их в этом ящике, – сказал он, – и они больше тебя не беспокоят. Их просто нет».

Она представила, как запирает в ящик воспоминания о найденном в переулке теле, о Себастьяне Моргенштерне и Конклаве и о разрыве с Кэмероном, как отправляет туда же свое стремление найти ответы, и свою злобу на этот мир за гибель родителей, и жажду встречи с Джулианом и всеми остальными. А потом – как убирает этот ящик с глаз долой, туда, где его не найти и откуда уже не достать.

– Эмма? – тревожно окликнула ее Кристина. – С тобой все в порядке? Такое впечатление, что тебя сейчас стошнит.

Замок на ящике щелкнул, и Эмма забыла о нем. И тут же улыбнулась Кристине.

– Я за мороженое и глупые фильмы, – сказала она. – Вперед!

Небо над океаном озарилось розоватыми лучами заходящего солнца. Эмма перешла с быстрого бега на бег трусцой. Она тяжело дышала. Сердце гулко колотилось в груди.

Обычно Эмма тренировалась с оружием по утрам и вечерам, а бегала на рассвете, но после бессонной ночи, проведенной с Кристиной, она проснулась очень поздно. Весь день она лихорадочно перебирала свои документы, звонила Джонни Грачу, чтобы выведать у него все об убийствах, делала заметки для стены и не могла дождаться, когда появится Диана.

В отличие от большинства наставников, Диана не жила в Институте с Блэкторнами: у нее был собственный дом в Санта-Монике. Вообще-то Диане сегодня нечего было делать в Институте, но Эмма уже послала ей шесть сообщений. Или даже семь. Кристина отговорила ее посылать восьмое и предложила вместо этого отправиться на пробежку, чтобы успокоить нервы.

Эмма наклонилась, уперлась руками в колени и попыталась восстановить дыхание. На пляже почти никого не было, не считая нескольких парочек простецов, которые возвращались к машинам, припаркованным на шоссе, после вечерней прогулки.

Интересно, сколько километров Эмма пробежала по этому пляжу за годы, проведенные в Институте? Каждый день – по восемь. И еще как минимум три часа тренировок в классе. Половину шрамов на своем теле Эмма заработала сама, приучаясь правильно падать с высоченных стропил или сражаться босиком, стоя на битом стекле.

Самый жуткий шрам красовался на предплечье, и в каком-то смысле Эмма тоже была виновата в его появлении. Он был оставлен Кортаной в тот день, когда погибли родители. Джулиан вложил меч ей в руки, и она сжала его, несмотря на боль и хлынувшую кровь, и по щекам ее покатились слезы. На предплечье осталась длинная белая линия, из-за которой Эмма порой стеснялась носить платья без рукавов и спортивные майки. Ей казалось, что даже другие Сумеречные охотники будут глазеть на ее шрам и гадать, откуда он взялся.

Но Джулиан никогда не глазел.

Эмма выпрямилась. Стоя у линии прибоя, она видела на холме Институт, выстроенный из стекла и камня. Она видела мезонин Артура и даже темное окно собственной спальни. Этой ночью она спала беспокойно, и во снах ей то и дело являлся этот простец, и руны у него на коже, и руны на коже родителей. Она пыталась понять, что сделает, когда найдет убийцу. Разве есть на свете такая боль, которая сможет хоть как-то возместить все то, что она потеряла?

Ей снился и Джулиан. Этот сон она толком не запомнила, но проснулась с образом друга перед глазами – высокого, стройного, с волнистыми темно-каштановыми волосами и блестящими сине-зелеными глазами. Темные ресницы и светлая кожа, привычка грызть ногти в минуты волнения, уверенное владение оружием и еще более уверенное – кистью и красками. Джулиан был перед ней как на ладони.

Тот самый Джулиан, который возвращался завтра. Тот самый Джулиан, который понял бы все ее чувства. Она так долго ждала зацепки в деле о гибели родителей, что теперь, когда та наконец-то нашлась, мир вдруг наполнился путающими возможностями. И Джулиан смог бы это понять. Эмма вспомнила слова, которые Джем, в прошлом Безмолвный Брат, помогавший с церемонией парабатаев, сказал о месте Джулиана в ее жизни: он сказал, что в китайском языке, который был для него родным, есть выражение «чжи инь», означающее «тот, кто понимает твою музыку».

Эмма не умела играть ни на одном инструменте, но Джулиан действительно понимал ее музыку. Даже музыку мести.

С океана надвигались темные облака. Накрапывал дождь. Попытавшись выбросить Джулиана из головы, Эмма побежала по грунтовой дороге к Институту. Почти достигнув цели, она замедлила шаг и пригляделась. По ступенькам спускался какой-то мужчина. Высокий, худощавый, с седыми волосами, в длинном плаще цвета воронова крыла. Он почти всегда носил черное, и Эмма подозревала, что за это его и прозвали Грачом. Джонни не был колдуном, хоть и носил колдовское имя. Но кем же он был?

Он заметил ее, и его светло-карие глаза округлились. Эмма бросилась ему наперерез, пока он не успел скрыться за углом.

Она остановилась прямо перед Джонни, загородив проход.

– Что ты здесь делаешь?

Глаза Джонни забегали, он явно искал способ улизнуть.

– Ничего. Просто мимо проходил.

– Ты рассказал Диане, что я приходила на Сумеречный базар? Если да…

Он вскинул голову. Было в его лице и глазах что-то странное: казалось, в юности с ним случилось несчастье, которое исчертило его кожу глубокими морщинами и навсегда оставило на ней печаток опустошения.

– Ты не глава Института, Эмма Карстерс, – сказал он. – Я предоставил тебе отличную информацию.

– Но ты сказал, что будешь помалкивать!

– Эмма.

Имя прозвучало резко, с нажимом. Повернувшись, Эмма с ужасом поняла, что Диана наблюдает за происходящим с верхней площадки лестницы. Вечерний ветер играл ее волнистыми волосами. На ней было новое длинное и элегантное платье, в котором она казалась выше и еще привлекательнее. И при этом была разгневана как никогда.

– Похоже, вы получили мои сообщения, – сказала Эмма.

Диана пропустила это мимо ушей.

– Оставь мистера Грача в покое. Нам надо поговорить. Жду тебя в своем кабинете ровно через десять минут.

Диана зашла обратно в Институт. Эмма пронзила Грача полным ненависти взглядом.

– Сделки с тобой держатся в секрете, – прошипела она, пригрозив ему пальцем. – Может, ты и не обещаешь хранить тайну, но этого ожидают все твои клиенты. Это даже не обсуждается.

Губы Джонни слегка изогнулись в улыбке.

– Эмма, тебе меня не напугать.

– Уверен?

– Забавные вы, нефилимы, – бросил Грач. – Знаете столько о Нижнем мире, но не живете в нем. – Он приблизился губами к уху Эммы, и ей стало не по себе. По шее поползли мурашки от его дыхания. – В этом мире есть вещи гораздо страшнее тебя, Эмма Карстерс.

Эмма отпрянула от него, развернулась и взбежала по ступенькам.

Через десять минут она уже стояла перед Дианой. С мокрых после душа волос на пол капала вода.

Хотя Диана и не жила в Институте, у нее был свой кабинет – уютная угловая комната с видом на горы. Эмма видела, как вздымаются в сумерках их голубоватые склоны, поросшие кустарниками. Первые капли дождя ударили по стеклу.

Кабинет был обставлен очень скромно. На столе разместилась фотография высокого мужчины, который обнимал маленькую девочку, похожую на Диану. Они стояли перед магазином, который назывался «Стрела Дианы».

На подоконнике красовались цветы, которые Диана принесла сюда, чтобы немного оживить кабинет. Сейчас она сидела за столом, скрестив руки, и строго смотрела на Эмму.

– Ты соврала мне вчера, – сказала она.

– Вовсе нет, – возразила Эмма. – Точнее, не совсем. Я…

– Только не говори, что ты просто кое-что утаила, – перебила ее Диана. – Придумай объяснение получше.

– Что вам сказал Джонни Грач? – спросила Эмма и тут же прикусила язычок. Лицо Дианы помрачнело.

– Почему ты мне ничего не сказала? Предлагаю тебе самой во всем признаться и определить для себя наказание. Справедливо?

Эмма насупилась и скрестила на груди руки. Она терпеть не могла, когда ее выводили на чистую воду, а у Дианы это неплохо получалось. Диана была умна, и Эмма часто восхищалась этим, но только не тогда, когда наставница на нее сердилась.

Сейчас у нее был выбор: можно было рассказать Диане обо всем том, что ее разозлило, и, вероятно, выдать больше, чем та уже знала, а можно – промолчать и тем еще сильнее распалить ее. После минутного раздумья Эмма сказала:

– Нужно было позаботиться о котятах. Знаете, котята бывают очень жестокие – острые коготки, дурное поведение…

– Кстати о дурном поведении, – зацепилась за ее слова Диана, задумчиво вертевшая в руках карандаш. – Ты нарушила особое указание и пошла на Сумеречный базар. Говорила там с Джонни Грачом. Он подсказал тебе, что в бар «Саркофаг» подбросят тело, которое может быть связано с гибелью твоих родителей. Ты оказалась там не случайно. Ты сидела в засаде.

– Я заплатила Грачу за молчание, – пробурчала Эмма. – Я ему доверилась!

Диана отбросила карандаш.

– Эмма, да ведь его не случайно прозвали Рвачом! Если уж на то пошло, он входит в список особого контроля, составленный Конклавом: ведь он без разрешения работает с фэйри. Любому обитателю Нижнего мира или простецу, который тайком ведет дела с фэйри, запрещается взаимодействовать с Сумеречными охотниками и просить их о защите. Ты ведь и сама это знаешь!

Эмма всплеснула руками.

– Но это самые нужные люди! Глупо запрещать им вести свои дела, это ничем не помогает Конклаву и очень мешает Сумеречным охотникам!

Диана покачала головой.

– Правила придуманы не просто так. Быть хорошим Сумеречным охотником – это не только тренироваться по четырнадцать часов в день и владеть шестьюдесятью пятью способами убийства салатной ложкой!

– Вообще-то их шестьдесят семь, – автоматически поправила ее Эмма. – Диана, мне очень жаль. Правда. Прошу прощения, что я втянула в это Кристину. Ее вины здесь нет.

– О, в этом я и не сомневалась.

Диана все еще хмурилась. Эмма пошла ва-банк.

– Вчера вечером, – начала она, – вы сказали, что верите мне. Вы сказали, что верите, что Себастьян не убивал моих родителей. Что за их гибелью кроется нечто иное. Они погибли не потому, что Себастьян вырезал всех без разбору. Кто-то желал им смерти. Их гибель что-то значит…

– Так можно сказать о любом погибшем, – сухо заметила Диана и провела рукой по глазам. – Вчера я поговорила с Безмолвными Братьями. Узнала, что им известно. Боже, я все убеждала себя, что нужно тебе солгать, я мучилась целый день…

– Прошу вас, – прошептала Эмма. – Прошу, не надо лжи.

– Я не смогу солгать. Я помню, как впервые приехала сюда, когда ты была совсем маленькой. Тебе было всего двенадцать, но ты уже пережила невероятное потрясение. Ты цеплялась лишь за Джулиана и за свое стремление отомстить. Ты не могла смириться с тем, что твоих родителей убил Себастьян, ведь в таком случае ты лишалась возможности наказать его. – Диана глубоко вздохнула. – Как я поняла, Джонни Грач рассказал тебе о серии убийств. Его сведения верны. Всего двенадцать человек, включая того, которого обнаружили накануне. Никаких улик. Ни одну из жертв не опознали. Зубы сломаны, кожа с пальцев срезана, кошельки украдены.

– И Безмолвные Братья об этом не знали? Конклав, Консул?..

– Они знали. И дальнейшее тебе не понравится. – Диана постучала пальцами по столу. – Несколько погибших – фэйри. Поэтому дело переходит в ведение Схоломанта, Центурионов и Безмолвных Братьев. Институты не будут принимать участие в расследовании. Безмолвные Братья обо всем знали. И Конклав тоже. Нам не сказали специально, потому что никто не хотел нашего вмешательства.

– *Схоломанта?!*

Схоломант был ожившей историей. Мрачный замок с башнями и длинными коридорами, прорубленными в скалах Карпатских гор, веками служил местом, где самые способные Сумеречные охотники учились противостоять двойной угрозе демонов и обитателей Нижнего мира.

Его закрыли до того, как было подписано первое Соглашение – в знак того, что война между Нижним миром и Сумеречными охотниками окончена.

После Холодного перемирия его открыли вновь. Для поступления нужно было сдать уйму сложных экзаменов, а все, чему учили в школе, полагалось держать в секрете. Выпускников Схоломанта называли Центурионами, они становились учеными и воинами. Эмма ни разу не встречала никого из них лично.

– Может, это и несправедливо, но такова правда.

– А как же письмена? Они согласны, что письмена такие же, как на телах моих родителей?

– Они не сказали, – ответила Диана. – Лишь обещали выяснить это. Они велели не вмешиваться в ход расследования и сказали, что это распоряжение самого Консула.

– А тела? – спросила Эмма. – Тела испарялись, когда их пытались переместить? Как тела родителей?

– Эмма! – Диана поднялась на ноги. Кудрявые волосы милым темным облаком обрамляли ее лицо. – Мы больше не вмешиваемся в дела фэйри. Так велит нам Холодное перемирие. Конклав не просто посоветовал нам держаться от Волшебного народа подальше, а полностью запретил взаимодействовать с ним. Если ты нарушишь этот запрет, последствия могут затронуть не только тебя, но и Джулиана.

Это был удар ниже пояса.

– Джулиана?

– Что он делает каждый год? В годовщину Холодного перемирия?

Эмма представила себе Джулиана, который с двенадцати лет из года в год сидел в этом кабинете и строчил письма Конклаву, требуя возвращения своей сестры Хелен с острова Врангеля. Еще совсем мальчишка, с разодранными в кровь локтями и коленками, он упорно не выпускал ручки из рук.

На острове Врангеля – огромной плавучей льдине, затерянной в Северном Ледовитом океане, – были сосредоточены все щиты мира. Тысячу лет назад на него наложили мощные чары, которые должны были оградить землю от многих демонов. После Холодного перемирия Конклав отправил Хелен на этот остров – под предлогом того, что ей необходимо изучить устройство щитов. Но все понимали, что на самом деле это просто изгнание.

С тех пор ее несколько раз отпускали домой, и в один из своих визитов в Идрис она женилась на дочери Консула Алиной Пенхоллоу, но даже это не поспособствовало ее освобождению. Джулиан писал каждый год. И каждый год ему отказывали.

Голос Дианы смягчился.

– Каждый год Конклав отказывает ему из опасения, что Хелен стоит на стороне Волшебного народа. Что там подумают, узнав, что мы ослушались приказа и расследуем убийства фэйри? Останется ли у нее хоть один шанс выйти на свободу?

– Но Джулиан хотел бы… – начала Эмма.

– Джулиан и руку себе отрубит, если ты попросишь. Но разве это повод просить? – Диана потерла виски, как будто у нее болела голова. – Месть – это не семья, Эмма. Это даже не друг, и сердце она не согреет. – Она подошла к окну и взглянула на Эмму через плечо. – Знаешь, почему я согласилась работать в Институте? Только не нужно шуток.

Эмма опустила глаза. Пол был выложен белыми и голубыми плитками, причем на каждой белой плитке было что-то нарисовано: роза, замок, шпиль церкви, крыло ангела, стая птиц – все картинки разные.

– Потому что ты была в Аликанте во время Темной войны, – дрогнувшим голосом ответила Эмма. – Ты была там, когда Джулиану пришлось… остановить отца. Ты видела нас в битве. Ты решила, что в нас достаточно смелости, и захотела помочь. Так ты всегда говорила.

– В юности я встретила одного человека, который помог мне стать той, кто я есть, – сказала Диана.

Эмма навострила уши. Диана редко говорила о своей жизни. Род Рейбернов был довольно старым, но на Диане он обрывался. Она никогда не рассказывала ни о детстве, ни о семье. Складывалось впечатление, что ее жизнь началась, когда к ней перешел отцовский оружейный магазин в Аликанте.

– Я хочу помочь и тебе стать той, кто ты есть.

– И кто же я?

– Лучший Сумеречный охотник в своем поколении, – ответила Диана. – Я никогда не видела, чтобы кто-то так тренировался и сражался, как ты. Поэтому я и не хочу, чтобы ты растратила свой потенциал в стремлении за тем, что не залечит твои раны.

«Растратила свой потенциал?» Диана не знала, не понимала ее. Никто из ее семьи не погиб на Темной войне. А родители Эммы погибли даже не в бою – их убили, их пытали и калечили. Возможно, они даже звали ее в те ужасные минуты – краткие ли, долгие ли или бесконечные – на границе жизни и смерти.

В дверь громко постучали. На пороге стояла Кристина, одетая в джинсы и свитер. Щеки ее горели, как будто ей было неловко прерывать их беседу.

– Блэкторны, – объявила она. – Они вернулись домой.

Эмма напрочь забыла, что собиралась сказать к Диане, и резко повернулась к двери.

– Что? – воскликнула она. – Они же возвращаются завтра?

Кристина беспомощно пожала плечами.

– Только что из портала в холле вышла большая семья.

Эмма прижала руку к груди. Кристина не ошибалась. Эмма почувствовала, как боль, пронзавшая ее сердце с момента отъезда Джулиана, вдруг стала легче и одновременно сильней – теперь казалось, что в груди порхает огромная бабочка.

Эмма выбежала из офиса, скользя босыми ногами по гладкому деревянному полу, и помчалась вниз по лестнице, перепрыгивая по две ступеньки зараз. Теперь и она услышала голоса. Кажется, Дрю что-то тихо спросила, а Ливви ответила ей.

Еще миг – и Эмма уже стояла на площадке второго этажа. Весь холл был у нее как на ладони, залитый светом миллионов искр, оставшихся от исчезающего портала. Посреди холла стояли Блэкторны: Джулиан выше всех, рядом с ним пятнадцатилетние близнецы Ливви и Тай. Друзилла держала за руку маленького Тавви. Он, казалось, спал на ходу, закрыв глаза и уткнувшись кудрявой головой сестре в бок.

– Вы вернулись! – воскликнула Эмма.

Все посмотрели на нее. Блэкторны были очень похожи друг на друга: у всех волнистые темно-каштановые волосы цвета горького шоколада и сине-зеленые глаза. Сероглазый и худощавый Тай с зачесанными назад черными волосами сильно выделялся на их фоне, как будто происходил из другой ветви рода.

Дрю и Ливви заулыбались, Тай приветливо кивнул, но Эмма смотрела только на Джулиана. Руна парабатая у нее на плече вспыхнула, стоило ему взглянуть на нее.

Эмма устремилась вниз. Джулиан наклонился и сказал что-то Дрю, а потом повернулся и сделал несколько шагов навстречу Эмме. Он занял все поле ее зрения, она не видела больше ничего вокруг. Перед ней был не только тот Джулиан, который здесь и сейчас простирал к ней свои объятия, но и тот Джулиан, что сражался с клинком серафимов в руке, тот Джулиан, что всегда накрывал ее одеялом, тот Джулиан, что стоял напротив нее в Безмолвном Городе и приносил свою клятву парабатая, наблюдая, как вздымаются между ними языки белого и золотого пламени.

Они столкнулись посреди холла, и Эмма обхватила Джулиана руками.

– Джулс! – выдохнула она, уткнувшись ему в плечо.

В голове зазвучали слова клятвы парабатаев, а в ноздри ударил знакомый запах: гвоздика, мыло, соль.

«Куда ты пойдешь, туда и я пойду».

На миг Джулиан обнял ее так крепко, что Эмма едва не задохнулась. Затем он отпустил ее и отстранился.

Эмма чуть не упала. То ли она не ожидала столь сильного объятия, то ли не могла смириться с таким неожиданным его окончанием.

Джулиан изменился, но разум Эммы никак не мог это осмыслить.

– Я думала, вы возвращаетесь завтра утром, – сказала она и попыталась поймать взгляд Джулиана и улыбнуться ему. Но он смотрел на братьев и сестер, словно пересчитывая их и проверяя, все ли добрались.

– Малкольм появился раньше, – пожал плечами Джулиан. – Возник на кухне у тетушки Марджори откуда ни возьмись. Прямо в пижаме! Сказал, что забыл о разнице во времени. Тетушка так завопила, что мы все чуть не оглохли.

Эмме перевела дух. Верховный колдун Лос-Анджелеса Малкольм Фейд был давним другом их семьи. Они с Джулианом частенько подшучивали над его чудачествами.

– А потом он случайно перенес нас в Лондон, – добавила Ливви, обнимая Эмму. – Пришлось искать кого-нибудь, чтобы нам открыли новый портал… Диана!

Отскочив от Эммы, Ливви побежала поздороваться с наставницей. В холле воцарилась приятная суета: вопросы, приветствия, объятия. Тавви встрепенулся и сонно бродил вокруг, дергая всех за рукава. Эмма взъерошила ему волосы.

«Народ твой будет моим народом». Когда Джулиан и Эмма связали себя клятвой парабатаев, семья Джулиана стала ей практически родной. В некотором роде это было похоже на брак.

Эмма посмотрела на Джулиана. Тот не спускал глаз со своего семейства и как будто забыл о ее существовании. Только теперь она смогла спокойно разглядеть его и подметить все перемены.

Джулиан всегда стриг волосы коротко, чтобы лишний раз не возиться с ними, но в Англии, похоже, совсем забыл об этом: они отросли и лежали густыми, блестящими волнами, столь типичными для Блэкторнов. За ними не было видно даже ушей. Кожа покрылась загаром, а глаза стали ярче и темнее – теперь в них бушевала синева глубокого океана. Изменилась и форма лица: потеряв детскую мягкость, оно постепенно становилось лицом взрослого юноши – высокие скулы, острый подбородок. Из ворота футболки выглядывали изящные очертания ключиц.

Эмма отвела глаза. К ее удивлению, сердце билось так часто, словно она не могла унять волнение. Смутившись, она встала на колени, чтобы обнять Тавви.

– Да у тебя зубов не хватает! – заметила она, когда он улыбнулся. – И как это тебя угораздило?

– Дрю сказала, что фэйри крадут зубы, пока ты спишь, – объяснил Тавви.

– Это я ей так сказала, – призналась Эмма, поднимаясь на ноги.

В это мгновение кто-то коснулся ее руки.

Джулиан. Он принялся пальцем рисовать буквы у нее на коже – они занимались этим всю жизнь, используя безмолвный язык для общения на скучных занятиях и в присутствии взрослых. «Т-Ы В П-О-Р-Я-Д-К-Е?»

Эмма кивнула. Он заботливо посмотрел на нее, и она едва сдержала вздох облегчения. Взгляд его был очень знакомым. Неужели он и правда так изменился? Джулиан стал крепче, под кожей появились мускулы, но они не лишили его мальчишеской стройности. Он походил на пловцов, фигуры которых всегда казались Эмме удивительно красивыми. Но на запястьях у него болтался все тот же набор браслетов из кожи, ракушек и морских стеклышек. Руки все так же были заляпаны краской. Он по-прежнему был Джулианом.

– Вы так загорели! – воскликнула Диана. – Как вам удалось? Я думала, дождь в Англии не перестает ни на минуту!

– Я не загорел, – заметил Тиберий.

И правда, он казался бледным. Тай ненавидел солнце. Когда все семейство отправлялось на пляж, он обычно усаживался под чудовищно огромным зонтиком и читал очередной детективный роман.

– Тетушка Марджори заставляла нас гулять целыми днями, – объяснила Ливви. – Всех, кроме Тавви. Его она оставляла дома и кормила ежевичным желе.

– А Тиберий прятался, – добавила Друзилла. – В сарае.

– Не прятался я, – буркнул Тай. – Я стратегически перебазировался с одного места на другое.

– Прятался-прятался, – не уступала Дрю.

На ее круглом лице отразилось недовольство. Две косички торчали в разные стороны, как у Пеппи Длинный-чулок. Эмма в шутку дернула за одну.

– Не спорь с братом, – сказал Джулиан и повернулся к Таю. – Не спорь с сестрой. Вы оба устали.

– А как усталость связана со спорами? – спросил Тай.

– Джулиан имеет в виду, что вам пора в постель, – объяснила Диана.

– Но сейчас всего восемь, – запротестовала Эмма. – Они ведь только вернулись!

Диана показала на Тавви, который свернулся калачиком на полу и заснул под лампой, прямо как кот.

– В Англии уже совсем поздно.

Ливви осторожно подняла Тавви на руки. Его голова безвольно свесилась назад.

– Отнесу его в кровать.

Джулиан переглянулся с Дианой.

– Спасибо, Ливви, – сказал он. – Пойду скажу дяде Артуру, что мы вернулись. – Он осмотрелся по сторонам и вздохнул. – С багажом разберемся утром. Всем спать!

Ливви проворчала что-то себе под нос, но Эмма ее не расслышала. Она была озадачена, даже более того. Хотя Джулиан и отвечал на ее сообщения и звонки кратко и нейтрально, она не готова была встретить такого Джулиана, который выглядел иначе и казался совсем другим. Ей хотелось, чтобы он опять посмотрел на нее как обычно и улыбнулся той улыбкой, которой, казалось, улыбался только ей.

Диана взяла ключи от машины и сумочку и стала прощаться, желая всем спокойной ночи. Воспользовавшись моментом, Эмма коснулась руки Джулиана.

«М-Н-Е Н-У-Ж-Н-О С Т-О-Б-О-Й П-О-Г-О-В-О-Р-И-Т-Ь», – написала она.

Не глядя на нее, Джулиан ответил: «О Ч-Е-М?»

Входная дверь открылась и закрылась снова за спиной у Дианы, в холл ворвался прохладный, пропитанный дождем ветерок. Капли попали Эмме на щеку, и она повернулась к Джулиану.

– Это важно, – сказала она.

Неужели Джулиан за это время изменился настолько? Она никогда прежде не признавалась ему, что ей важно о чем-то поговорить. Если она просила о разговоре, он сразу понимал, что дело не терпит отлагательств.

– Просто… – Она понизила голос. – Приходи ко мне, когда закончишь с Артуром.

Джулиан не отвечал. Он убрал со лба растрепавшиеся волосы, и браслеты у него на руке тихонько забренчали. Ливви уже поднималась наверх с Тавви на руках, остальные шли следом. Досада Эммы тут же сменилась чувством вины. Джулиан просто валился с ног от усталости. Вот и все.

– Если ты не слишком устал, – добавила она.

Он покачал головой. Его лицо было непроницаемо – а Эмма привыкла видеть Джулиана насквозь.

– Я приду, – сказал он и положил руку ей на плечо. Этот жест был таким простым, таким обыденным, как будто они и не провели два месяца по разные стороны океана. – Рад снова тебя видеть.

Отвернувшись от нее, он пошел вверх по лестнице.

Само собой, ему нужно было зайти к Артуру, подумала Эмма. Кто-то ведь должен сообщить их чудаку-руководителю, что все Блэкторны вернулись домой. И, само собой, он устал. И вполне естественно, что он казался совсем другим: так всегда происходит, когда встречаешься после долгой разлуки. Проходит день-другой, и люди снова становятся прежними. Знакомыми. Неразлучными. Надежными.

Эмма приложила руку к груди. Хотя та жуткая тянущая боль, которую она чувствовала, пока Джулиан был в Англии, пропала, теперь сердце защемило как-то иначе.

3
И всегда луч луны навевает мне сны…

В институтской мансарде царил полумрак. Когда дядюшка Артур перенес в эту комнату свои книги и документы, он заклеил два прорезанных в крыше световых окна вощеной бумагой, чтобы солнечный свет не повредил хрупкие объекты его изысканий.

Родители Артура и его брата Эндрю, отца Джулиана, были одержимы античной историей и культурой: древнегреческим и латынью, сказаниями о героях, мифологией Древней Греции и Рима.

Джулиан вырос на «Илиаде» и «Одиссее», «Энеиде» и мифе об аргонавтах, на преданиях о людях и чудовищах, о богах и героях. Но если Эндрю просто любил древности (и эта любовь, очевидно, нашла свое отражение в именах его детей, названных в честь римских императоров и их жен, и Джулиан был безмерно благодарен матери, что в итоге его назвали Джулианом, а не Юлием, как поначалу собирался отец), то Артур был ею просто одержим.

Он привез из Англии не одну сотню книг, а за последующие годы их скопились еще сотни и сотни. Библиотека была организована по принципу, понятному только самому Артуру: «Антигона» Софокла лежала поверх «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида, повсюду валялись растрепанные монографии и старые книги с оторванными корешками, а по всем свободным поверхностям были разложены отдельные страницы. В комнате стояло как минимум шесть столов: когда один полностью скрывался под слоем бумаг, керамических черепков и осколков древних статуэток, дядюшка Артур просто покупал новый.

Сейчас он сидел за столом в западной части комнаты. Сквозь прореху в вощеной бумаге, закрывающей соседнее окно, виднелась полоска синего океана. На дядюшке Артуре был старый свитер с закатанными рукавами, потертые брюки защитного цвета и стоптанные домашние тапки. У стены стояла трость, которой он, впрочем, редко пользовался.

– У Ахилла была форминга, – бормотал он, – с серебряной отделкой, а Геракл был обучен игре на кифаре. В переводе оба инструмента называются «лирами», но разве это верно? А если это один и тот же инструмент, почему греки его называют по-разному?

– Привет, дядюшка, – сказал Джулиан, держа в руках поднос с приготовленным на скорую руку ужином. – Мы вернулись.

Артур медленно повернулся, как старый пес, который тревожно оглядывается на звук.

– Эндрю, рад тебя видеть, – ответил он. – Я как раз разбираюсь с греческими представлениями о любви. Агапэ, само собой, стоит выше других, это любовь, которую чувствуют сами боги. Затем есть эрос, романтическое чувство, филия, любовь дружеская, и сторге, любовь семейная. Как по-твоему, какая из них связывает наших парабатаев? Думаешь, она ближе к филии или к агапэ? Эрос, само собой, под запретом. И не значит ли это, что нам, нефилимам, даровано кое-что такое, чего простецам никогда не понять? Но тогда откуда же об этом было известно древним грекам? В этом, Эндрю, и заключается парадокс…

Джулиан вздохнул. Меньше всего на свете ему сейчас хотелось обсуждать, какую именно любовь чувствуют друг к другу парабатаи. А еще ему очень не нравилось, когда его называли именем покойного отца. Он желал лишь провалиться сквозь землю и оказаться подальше отсюда, но все равно подошел к свету, чтобы дядюшка смог разглядеть его лицо.

– Это Джулиан. Говорю, мы вернулись. Все. Тавви, Дрю, двойняшки…

Артур недоуменно таращился на него своими сине-зелеными глазами, и Джулиан уже едва справлялся с раздражением. Ему вообще не хотелось сюда приходить, ему хотелось побыть с Эммой. Но из последнего сообщения Дианы он понял, что в мансарду нужно подняться сразу по возвращении в Институт.

Такова была его обязанность. И никто не спешил его от нее освобождать.

Он поставил поднос на стол, постаравшись не задеть ни одну из стопок бумаг. Возле локтя дядюшки Артура лежала целая кипа исходящей корреспонденции и мятых отчетов о патрулировании местности. Огромной ее было не назвать, но она все же была гораздо больше, чем рассчитывал Джулиан.

– Я принес тебе ужин, – сказал он.

Артур взглянул на поднос, словно на далекий корабль, затерянный в тумане, и нахмурил брови. В мансарде было прохладно, и наспех разогретый на кухне суп быстро остывал. Джулиан аккуратно завернул приборы в салфетку и поставил на поднос корзинку с хлебом, хотя и понимал, что утром, когда он придет забрать посуду, еда останется нетронутой.

– Думаешь, это зацепка? – спросил дядюшка Артур.

– Что именно?

– Кифара и форминга. Они вписываются в схему, но схема очень сложная…

Дядюшка Артур, вздохнув, откинулся на спинку стула и посмотрел на стену, облепленную сотнями исписанных затейливым почерком листочков и записок.

– Жизнь коротка, а мудрость приходит небыстро, – прошептал он.

– Жизнь не так уж и коротка, – заметил Джулиан. – По крайней мере, не всегда.

Пожалуй, жизнь его родителей действительно оборвалась слишком рано. Так часто бывало с Сумеречными охотниками. Но что могло случиться с дядюшкой Артуром, вечно сидящим в заваленной бумагами мансарде? Да он, наверное, их всех переживет.

Джулиан вспомнил об Эмме, о ее постоянной готовности рисковать, о шрамах у нее на теле, которые он всякий раз замечал, когда они плавали или упражнялись вместе. В ее жилах текла кровь Сумеречных охотников, которые поколение за поколением рисковали жизнью и буквально черпали кислород из адреналина и яростных битв. Но затем он представил, как ее настигает участь ее же родителей и Эмма гибнет в борьбе. Эта мысль была невыносима.

– Но нет никого, кто бы дважды вернулся под небо[3], – пробормотал дядюшка Артур, вероятно, процитировав кого-то из классиков. Нечего и говорить, он был очень начитан.

Снова опустив голову, он будто ушел в себя. Джулиан вспомнил, как много лет назад он поднялся в мансарду и увидел, что весь пол покрыт кровавыми отпечатками дядюшкиных ладоней. В тот вечер он впервые обратился к Малкольму Фейду.

– Если позволишь, дядюшка, я пойду, – произнес Джулиан и пошел к двери.

Артур резко поднял голову. На мгновение его взгляд прояснился.

– Ты хороший мальчик, – сказал он Джулиану. – Но в конце концов тебе это не пригодится.

Джулиан замер.

– Что-что?

Но Артур уже вернулся к бумагам.

Джулиан вышел из комнаты и спустился по лестнице. Ступеньки знакомо скрипели у него под ногами. Лос-Анджелесский Институт был не очень стар, его явно построили позже других Институтов, но мансарда казалась совсем древней, очень пыльной, совершенно отрезанной от остального здания.

На мгновение Джулиан остановился у подножия лестницы и растворился в темноте и тишине.

В тишине он оказывался очень редко, разве что перед сном. Обычно вокруг галдели братья и сестры. Они не оставляли его в покое ни на минуту, им постоянно требовалось его внимание и помощь.

[3] Цитата из стихотворения Элджернона Чарльза Суинберна «Vicisti, Galilaee».

Джулиану вспомнился уединенный коттедж в английской глубинке, тихое жужжание пчел в саду, островки спокойствия под кронами деревьев. Вокруг синева и зелень, столь не похожие на сухие коричневые краски и тусклое золото пустыни. Джулиану не хотелось уезжать так далеко от Эммы, но в то же время он считал, что это пойдет ему на пользу – как наркоману полезно лишиться объекта своей зависимости.

Хватит. Были вещи, о которых даже думать не следовало. Джулиан скрывался в тени среди секретов, и это годами помогало ему жить.

Глубоко вздохнув, он вышел в коридор.

Эмма стояла на пляже. Вокруг не было ни души. По обе стороны возвышались длинные песчаные дюны, слегка поблескивавшие в лучах солнца, пробивавшихся сквозь облака.

Перед ней раскинулся океан. Он был столь же прекрасен и опасен, как и населявшие его существа – большие белые акулы и причудливо окрашенные черно-белые косатки. Эмма смотрела на океан и чувствовала то же самое, что и всегда: томление вперемешку со страхом, желание окунуться в холодные зеленые волны, которое было сродни желанию прибавить газа и помчаться быстрее, прыгнуть выше, вступить в схватку без оружия.

Артур сказал бы, что это Танатос. Глубинное влечение к смерти.

Океан вдруг взревел, как дикий зверь, и начал отступать. Он отходил все дальше, оставляя на песке погибающую рыбу, клубки водорослей, остовы погибших кораблей и все придонные отложения. Эмма понимала, что нужно бежать, но стояла, не в силах пошевелиться, и наблюдала, как вода собиралась в громадную башню, в высокую стену с ровными краями, и уносила с собой беспомощных дельфинов и акул. Вскрикнув, Эмма упала на колени – за прозрачной стеной из воды, как за стенкой огромного стеклянного гроба, плавали тела ее родителей: мама то и дело вздрагивала, а отец простирал к Эмме руку сквозь пену и бурление волн…

Эмма резко села на кровати и потянулась к лежавшей на тумбочке Кортане. Рука соскользнула, меч упал на пол. Нащупав выключатель лампы, Эмма нажала на кнопку.

Комнату залил теплый желтоватый свет. Часто заморгав, Эмма осмотрелась по сторонам. Она была в пижаме и, похоже, заснула прямо поверх одеяла.

Она спустила ноги на пол, протерла глаза. Видимо, она прилегла на кровать в ожидании Джулиана. Дверь в гардеробную была открыта, внутри горел свет.

Эмме хотелось показать Джулиану новые фотографии. Ей хотелось все ему рассказать, услышать его голос – такой спокойный, такой знакомый, такой ласковый. Ей хотелось, чтобы Джулиан помог ей разобраться, подсказал, что делать дальше.

Но Джулиан не пришел.

Она встала с кровати и взяла свитер, висевший на спинке стула. Часы на тумбочке показывали без нескольких минут три. Поморщившись, Эмма вышла в коридор.

Было темно и тихо. Свет не пробивался ни из-под одной из дверей. Все спали. Эмма дошла до комнаты Джулиана, отворила дверь и скользнула внутрь.

Она не ожидала увидеть его там. Она думала, что он, возможно, пошел в свою студию – само собой, в Англии он успел соскучиться по ней, – но Джулиан спал, развалившись на кровати.

В комнате было светлее, чем в коридоре. В окно светила висящая над горами луна, заливая спальню серебряным сиянием. Волнистые волосы Джулиана темным облаком разметались по подушке, длинные и мягкие ресницы были чернее ночи.

Он закинул руку за голову, и футболка немного задралась. Эмма отвела глаза, заметив приоткрывшуюся у него на животе полоску кожи, присела на край кровати и дотронулась до плеча Джулиана.

– Джулиан, – тихо позвала она. – Джулс.

Он вздрогнул, потом медленно открыл глаза. В лунном свете они казались серебристо-серыми, как у Тая.

– Эмма, – сказал он хриплым спросонья голосом.

«Я думала, ты придешь ко мне», – хотела упрекнуть его Эмма, но не смогла: он казался таким усталым, что она тотчас смягчилась. Протянув руку, чтобы поправить ему волосы, она на мгновение замерла и в конце концов уронила ее ему на плечо. Джулиан повернулся на бок, и Эмма узнала его растянутую футболку и домашние штаны.

Его веки подрагивали, глаза закрывались.

– Джулиан, – порывисто сказала Эмма, – можно я останусь у тебя?

Это был условный знак, краткая версия целой череды вопросов: «Можно я останусь и забуду о своих кошмарах? Можно я останусь и посплю рядом? Можно я останусь, и ты прогонишь мой страх, прогонишь воспоминания о крови, о мертвых родителях, о темных воинах с пустыми, угольно-черными глазами?»

Они оба не раз задавали друг другу эти вопросы. Еще совсем детьми они прибегали друг к другу в спальни и устраивались на одной кровати. Эмма однажды представила, как переплетаются их сны, когда они засыпают вместе, делясь частицами своего мира сновидений. Отчасти поэтому Эмме и нравилось, что у нее есть парабатай: ведь парабатаи в некотором смысле никогда не оставались одни. Засыпая и просыпаясь, сражаясь и отдыхая после битвы, ты понимал, что кто-то всегда рядом, что есть человек, который предан твоей жизни, твоим надеждам, твоему счастью, который готов поддержать тебя всегда и везде.

Джулиан подвинулся и пробормотал в подушку:

– Оставайся.

Эмма залезла под одеяло. Извиваясь всем телом, Джулиан отполз еще дальше. Эмма скользнула на нагретое им место, где пахло гвоздикой и мылом.

Она все еще дрожала. Подвинувшись ближе к другу, она почувствовала тепло его тела. Джулиан спал на спине, закинув одну руку за голову и положив вторую на живот. Браслеты у него на запястьях поблескивали в лунном свете. Он посмотрел на Эмму – он явно заметил, что она подвинулась к нему, – а затем как будто нарочно закрыл вдруг вспыхнувшие в темноте глаза, и черные ресницы легли ему на щеки.

Его дыхание вскоре выровнялось. Он заснул, но к Эмме сон не приходил, и она смотрела на Джулиана, наблюдая, как размеренно вздымается и опускается его грудь.

Они не касались друг друга. Они вообще редко касались друг друга во сне. В детстве они каждый раз устраивали настоящую битву за одеяла и разделяли кровать книгами, чтобы сразу видеть, кто залезал на чужую сторону. Теперь они научились сосуществовать мирно, но между ними все равно всегда оставалось расстояние, равное ширине книги, – этакая дань прошлому.

Эмма слышала шум океанского прибоя вдали, и у нее перед глазами снова и снова поднималась зеленая волна из кошмарного сна. Но все это казалось ужасно далеким: тихое дыхание парабатая заглушало даже самые жуткие звуки.

Когда-нибудь у Эммы появится муж, а у Джулиана – жена, и они больше не смогут залезать в кровати друг к другу. Настанет конец их полночным беседам. Они по-прежнему будут близки, но эта близость станет совсем иной. И Эмме придется научиться жить с этим.

Когда-нибудь. Но не сейчас.

Когда Эмма проснулась, Джулиана уже не было рядом.

Она медленно села. Утро было в разгаре, и комнату заливал золотисто-розовый свет – обычно Эмма поднималась гораздо раньше. Темно-синяя простыня Джулиана и одеяло были скомканы в ногах. Положив руку на его подушку, Эмма почувствовала тепло – должно быть, Джулиан только что ушел.

Ей стало не по себе от того, что он ничего ей не сказал, но она отбросила эти мысли. Скорее всего, ему просто не хотелось ее будить: Джулиан всегда спал беспокойно, а из-за разницы во времени ему, наверное, было совсем нелегко. Убеждая себя, что это неважно, Эмма вернулась к себе в комнату и переоделась в леггинсы и футболку, а затем сунула ноги в шлепанцы.

Обычно она сперва заходила в студию Джулиана, но сейчас за окном стоял яркий летний день. Небо было усеяно рваными белыми облачками. Океан искрился на солнце, по его поверхности танцевали золотые искры. Вдалеке виднелись темные силуэты серфингистов.

Эмма знала, что Джулиан скучал по океану, – он писал об этом в коротких, нерегулярных сообщениях, которые присылал ей, пока был в Англии. Она вышла на улицу и спустилась по тропинке к шоссе, а затем перебежала его, уворачиваясь от фургонов серфингистов и роскошных кабриолетов, блестевших на солнце.

Когда она вышла на пляж, Джулиан был именно там, где она и ожидала его найти: он стоял лицом к океану, а соленый ветер трепал ему волосы и теребил легкую ткань его футболки. Интересно, сколько он уже простоял вот так, неподвижно, засунув руки в карманы джинсов?

Эмма неуверенно ступила на мокрый песок.

– Джулиан?

Он повернулся к ней. На мгновение показалось, что его ослепило солнце, хотя оно стояло уже высоко в небе – Эмма чувствовала, как жаркие лучи пригревают спину.

Джулиан улыбнулся. Эмму захлестнула волна облегчения. Улыбка на губах Джулиана была совсем знакомой, совсем родной; она озарила его лицо. Эмма ринулась к океану. Набежавшая волна почти достигла кончиков ботинок Джулиана.

– Ты рано встал! – воскликнула Эмма.

Вода плескалась у нее под ногами и серебристыми ручейками струилась по песку.

– Скоро полдень, – ответил Джулиан. Его голос звучал знакомо, но Эмме до сих пор казалось, что Джулиан выглядит иначе, совсем необычно: другой овал лица, другая линия плеч под футболкой. – О чем ты хотела поговорить?

– Что? – Вопрос застал Эмму врасплох: совсем не об этом она сейчас думала.

– Вчера, – уточнил Джулиан. – Ты сказала, что хочешь поговорить. Может, поговорим сейчас?

– Давай. – Эмма подняла голову и посмотрела на парящих в небесах чаек. – Давай присядем куда-нибудь. Не хочу, чтобы нас окатило волной.

Они отошли чуть дальше от моря и устроились на нагретом солнцем песке. Эмма сбросила тапки и зарылась в песок ногами. Джулиан рассмеялся.

Эмма искоса взглянула на него.

– Чего смеешься?

– Ты такая забавная на пляже, – объяснил он. – Любишь песок, но терпеть не можешь воду.

– Ага, – кивнула она и состроила Джулиану гримасу. – Какой парадокс, да?

– Да нет, это просто твоя странность.

– О, ты меня потряс, – бросила Эмма, вытаскивая телефон. – Я в шоке.

– Слышу нотки сарказма, – парировал Джулиан, принимая телефон у нее из рук.

На экране появились фотографии, сделанные Кристиной накануне. Пока Джулиан листал их, Эмма рассказывала, как воспользовалась подсказкой Джонни Грача и отправилась в бар «Саркофаг», как обнаружила тело и как Диана отчитала ее после визита Грача в Институт. Излагая события прошлого вечера, Эмма постепенно расслаблялась, чувствуя, как пропадает

ее странная настороженность по отношению к Джулиану. Все было как обычно, они всегда вот так говорили, слушали друг друга, были истинными парабатаями.

– Уверена, письмена те же, – заключила Эмма. – Я ведь не сошла с ума?

Джулиан посмотрел на подругу.

– Нет, – ответил он. – А Диана действительно полагает, что твое вмешательство в расследование может еще больше настроить Конклав против Хелен?

– Ага, – вздохнула Эмма.

Немного поколебавшись, она взяла его за руку. На левом запястье у него мелодично звякнул браслет из морских стеклышек. Эмма почувствовала под пальцами знакомые мозоли на руке Джулиана.

– Я бы никогда не сделала ничего такого, что могло бы повредить Хелен, или Марку, или тебе, – призналась она. – Если ты считаешь, что Диана права, я не стану… – Она помедлила. – Я не стану вмешиваться.

Джулиан взглянул на их переплетенные пальцы. Он был спокоен, но жилка у него на шее забилась чаще, и это не укрылось от Эммы. Должно быть, его встревожило упоминание о сестре.

– Прошло уже пять лет, – сказал он и отнял руку.

Он не вырвал ее, ничего подобного, просто мягко высвободил, повернувшись к океану. Движение было абсолютно естественным, но Эмме все равно стало неловко.

– Конклав и пальцем не пошевелил, чтобы вернуть Хелен домой. Или чтобы найти Марка. Там даже не задумались о том, что твоих родителей, возможно, убил не Себастьян. По-моему, глупо отказываться от шанса выяснить, что случилось с твоими родителями, ради пустых надежд.

– Нет, Джулиан! Не стоит говорить, что эти надежды пусты…

– Можно, впрочем, сказать и по-другому, – продолжал Джулиан, и Эмма словно наяву увидела, как у него в голове закрутились шестеренки. – Если ты сможешь раскрыть это дело… если *мы* сможем его раскрыть, Конклав будет нам обязан. Я верю, что твоих родителей убил не Себастьян Моргенштерн. Нужно искать демона или какую-то другую силу, которая может безнаказанно убить Сумеречного охотника. Если мы одолеем ее…

У Эммы заболела голова. Она ослабила резинку, которая слишком сильно стягивала волосы.

– Тогда они будут с нами считаться? Потому что об этом все узнают?

– Если все узнают, что мы сделали, у них не останется иного выбора, – подтвердил Джулиан. – А мы позаботимся о том, чтобы все узнали. – Он сделал паузу. – У нас есть связи.

– Ты ведь не о Джеме говоришь? – спросила Эмма. – Я не знаю, как с ним связаться.

– Нет, я не о Джеме и не о Тессе.

– Значит, о Джейсе и Клэри, – догадалась Эмма.

Джейс Эрондейл и Клэри Фэйрчайлд возглавляли Институт Нью-Йорка. Они были едва ли не самыми молодыми Сумеречными охотниками, которые заняли столь высокий пост. Эмма дружила с Клэри с двенадцати лет, когда Клэри впервые поддержала ее в зале Совета в Идрисе, оказавшись, похоже, единственной во всем Конклаве, кому было не все равно, что Эмма потеряла родителей.

Джейс, пожалуй, был одним из лучших Сумеречных охотников за всю историю – если судить только по боевым качествам. Талант Клэри состоял в другом – она умела создавать руны. Такое не было под силу никому из Сумеречных охотников. Однажды она рассказала Эмме, что руны приходят к ней помимо ее воли: либо появляются сами, либо не появляются вовсе, и управлять этим она не может. За несколько лет она добавила в Серую книгу несколько очень полезных рун: одна служила для дыхания под водой, другая – для бега на длинные

дистанции, а еще одна – для контрацепции и контроля над рождаемостью – вызвала серьезные споры, но быстро стала одной из самых популярных рун из арсенала Сумеречных охотников.

Все знали Джейса и Клэри. Так случается, когда спасаешь мир. Большинство считало их героями, но для Эммы они были теми, кто протянул ей руку помощи в самые тяжелые времена.

– Да, – кивнул Джулиан и почесал в затылке. Он выглядел утомленным. Под глазами залегли тени, как будто даже кожа его истончилась от усталости и сквозь нее проступили все вены. Он кусал губу, как и всегда в моменты волнения и тревоги. – Они ведь стали едва ли не самыми молодыми главами Института за всю историю. И не забывай, на что пошел Конклав ради Саймона, ради Магнуса и Алека. Когда ты герой, там готовы на многое.

Джулиан поднялся на ноги, и Эмма последовала его примеру. Она стянула резинку с хвоста, и волосы рассыпались по плечам, волнами заструившись по спине. Джулиан кратко взглянул на нее и тут же отвел глаза.

– Джулс… – начала она.

Но он уже отвернулся и зашагал к дороге.

Эмма надела тапки и догнала его возле засыпанного песком тротуара.

– Все в порядке?

– Само собой. Ох, чуть не забыл вернуть, – сказал Джулиан, протягивая Эмме ее телефон. – Знаешь, Конклав принимает законы. И живет по этим законам. Но это не означает, что при должном упорстве эти законы невозможно изменить.

– Ты говоришь загадками.

Джулиан улыбнулся, и в его глазах заплясали озорные огоньки.

– Им не нравится, когда Сумеречные охотники нашего возраста вмешиваются в серьезные дела. Но Джейс, Клэри, Алек и Изабель в нашем возрасте уже спасли мир. И их за это уважают. Результат – вот что заставляет их изменить свое мнение.

Они дошли до шоссе. Эмма посмотрела вверх, на холмы. На одном из них, прямо на обрыве над дорогой, стоял Институт.

– Джулиан Блэкторн, – сказала Эмма, когда они перебежали шоссе. – А ты революционер.

– Так что мы займемся этим, но не будем привлекать внимания, – заключил Джулиан. – Сперва нам нужно сравнить снимки обнаруженного тела со снимками тел твоих родителей. Все нам помогут. Не переживай.

Они прошли полдороги до Института. Машин было немало – простецы ехали на работу в центр. Солнце отражалось в лобовых стеклах.

– А если выяснится, что эти письмена невозможно расшифровать? Что это просто абракадабра, которую рисует на телах какой-нибудь чокнутый запойный убийца?

– На запойные убийства это не похоже. Они обычно происходят почти одновременно, но в разных местах. Запойный убийца переезжает с места на место и убивает случайных людей.

– Что же тогда у нас? Массовое убийство?

– Массовые убийства тоже происходят одновременно, но при этом в одном месте, – со знанием дела заявил Джулиан, говоря тем же тоном, которым объяснял Тавви, почему нельзя съесть полпачки сладких колечек на завтрак. – Это явно серийный убийца. Серийные убийства происходят друг за другом, с перерывами.

– Мне как-то не по себе из-за того, что ты все это знаешь, – призналась Эмма.

Перед Институтом раскинулась выжженная солнцем лужайка, доходившая до края обрыва. У самой ее кромки росли невысокие кустарники и морская трава. Обитатели Института нечасто выходили сюда: шоссе неслось слишком близко, сухая трава колола ноги, а от жаркого солнца не было никакого спасения.

– Дрю очень увлечена историей криминалистики, – объяснил Джулиан, когда они дошли до лестницы. – Она мне все уши прожужжала о том, как нужно прятать тело.

Эмма взбежала на три ступеньки выше Джулиана и повернулась к нему.

– А я тебя выше! – воскликнула она.

Они частенько играли в эту игру, когда были детьми: Эмма всегда уверяла Джулиана, что его перерастет, пока в четырнадцать он не вытянулся на целых двадцать сантиметров.

Джулиан взглянул на нее. Солнце било ему прямо в глаза и застилало золотом его сине-зеленые радужки, из-за чего они напоминали патину, покрывавшую римское стекло из коллекции Артура.

– Эм, – начал Джулиан, – сколько бы мы ни шутили об этом, знай, я отношусь к делу со всей серьезностью. Это твои родители. Ты *заслуживаешь* знать, что произошло.

У Эммы в горле вдруг встал ком.

– На этот раз все иначе, – прошептала она. – Знаю, мне уже не раз казалось, что я что-то нашла, но на деле все оказывалось просто пшиком. Я снова и снова ходила по ложному следу. Но сейчас, Джулс, я чувствую, что это другое. Как будто это – настоящее.

Зазвонил ее телефон. Она опустила голову и вытащила его из кармана. Увидев имя на экране, она поморщилась и сунула телефон обратно. Джулс недоуменно изогнул бровь.

– Кэмерон Эшдаун? – спросил он. – Почему ты не берешь трубку?

– Я не в настроении, – к собственному удивлению, ответила Эмма. Почему бы ей просто не сказать Джулиану правду? «Мы с Кэмероном расстались»?

Дверь Института распахнулась.

– Эмма! Джулс!

На пороге появились Друзилла и Тавви, оба еще в пижамах. В руке у Тавви был зажат леденец, который он сосредоточенно сосал. Когда он увидел Эмму, его глаза загорелись и он побежал к ней навстречу.

– Эмма! – воскликнул он, не вынимая леденец изо рта.

Она подпустила его к себе и крепко сжала руками его мальчишеское тело. Тавви захихикал.

– Тавви! – укоризненно сказал Джулиан. – Не бегай с леденцом во рту. Так можно подавиться.

Тавви вытащил леденец и посмотрел на него с таким видом, словно перед ним был заряженный пистолет.

– И умереть?

– Ужасной смертью, – подтвердил Джулиан. – В муках.

Он повернулся к Друзилле, которая стояла, уперев руки в бока. На ней была черная пижама с рисунком – бензопилами и скелетами.

– Как дела, Дрю?

– Уже пятница, – сказала Друзилла. – Блинный день. Помнишь? Ты обещал!

– Точно, было дело, – кивнул Джулиан и слегка дернул сестру за косичку. – Иди разбуди Ливви и Тая, а я…

– Они уже встали, – перебила его Друзилла. – Сидят на кухне. Ждут. – Она выразительно посмотрела на старшего брата.

Джулиан улыбнулся.

– Ладно, уже иду. – Он поднял Тавви на верхнюю площадку лестницы и слегка подтолкнул его к двери. – Бегите на кухню и скажите близнецам, пока они не умерли с голоду, что завтрак уже на подходе.

Друзилла и Тавви, захихикав, скрылись в холле, а Джулиан вздохнул и повернулся к Эмме.

– Ну вот, меня оконфетили, – пробормотал он и показал на голубоватое сахарное пятно, которое Тавви успел поставить ему на воротник.

– Это знак почета, – рассмеялась Эмма. – Увидимся на кухне. Я заскочу в душ. – Она поднялась по лестнице, на секунду замерла возле открытой двери и обернулась, чтобы взгля-

нуть на Джулиана. В окружении синего моря и голубого неба его глаза как будто сливались с ландшафтом. – Джулс, ты ни о чем не хочешь спросить?

Он отвел глаза и покачал головой.

– Нет. Ни о чем.

Кто-то тряс Кристину за плечо. Она проснулась не сразу и часто заморгала. Ей снился дом, летняя жара, прохлада тенистых садов вокруг Института и нежные розы, которые ее мама умудрялась выращивать в столь недружественном для этих цветов климате. Особенно ей нравились желтые розы, ведь их обожал ее любимый писатель[4], но были и розы других цветов, посаженные в честь гордого имени семейства Розалес.

Кристина гуляла по саду и как раз собиралась завернуть за угол, когда до нее донеслись знакомые голоса. Она ускорила шаг, на лице ее засияла широкая улыбка. Хайме и Диего… Ее самый старый друг и ее первая любовь. Само собой, они обрадуются встрече.

Завернув за угол, она посмотрела по сторонам. Никого. Только эхо далеких голосов, эхо издевательской насмешки.

Затем тенистый сад пропал, и Кристина увидела склонившуюся над ней Эмму, одетую в одно из своих ярких платьев в цветочек. Светлые волосы ниспадали ей на плечи влажными после душа прядями.

– *Termina de molestarme, estoy despierta!* – запротестовала Кристина, отбиваясь от Эммы. – Эмма! Прекрати! Я проснулась!

Она села и обхватила голову руками. Кристина гордилась тем, что не путает родной язык с английским, но иногда, в минуты усталости или спросонья, испанский все же срывался с ее губ.

– Пойдем завтракать, – пригласила ее Эмма. – Хотя для завтрака уже поздновато. Скоро полдень. Но это неважно, я хочу тебя со всеми познакомить. Там Джулиан…

– Я видела его вчера вечером, – зевнув, сказала Кристина. – У него красивые руки.

– Прекрасно, вот и скажешь ему лично.

– Ну уж нет.

– Вставай, – велела Эмма. – Или я сяду на тебя верхом.

Кристина бросила в нее подушкой.

– Подожди в коридоре.

Через несколько минут Кристина, быстро натянув на себя светлый свитер и узкую юбку, уже спускалась по лестнице. Из кухни доносился гул голосов. Она прикоснулась к висевшему на шее медальону, чтобы набраться сил.

С самого первого дня в Институте она много слышала о Блэкторнах и особенно о Джулиане, и это семейство теперь казалось ей едва ли не легендарным. Она боялась встречи с ними – и не только потому, что они играли важнейшую роль в жизни Эммы, но и потому, что они могли превратить остаток ее пребывания в Лос-Анджелесе либо в сказку, либо в кошмарный сон.

Кухня представляла собой просторную комнату с разрисованными стенами и окнами с видом на сине-зеленый океан. В центре стоял массивный деревянный стол, вокруг него – скамьи и стулья. На столешнице были мозаикой выложены яркие узоры, они напоминали испанские, но при ближайшем рассмотрении складывались в сцены из классической литературы: Ясон и аргонавты, Ахилл и Патрокл, Одиссей и сирены. В свое время кто-то с любовью обставил эту кухню – выбрал медную плиту и фаянсовые раковины, выкрасил стены в ярко-желтый цвет.

[4] Желтые розы были любимыми цветами Габриэля Гарсии Маркеса.

Джулиан босиком стоял у плиты. На его широкие плечи было наброшено кухонное полотенце. Остальные Блэкторны облепили стол. Эмма шагнула в кухню и потянула Кристину за собой.

– Знакомьтесь, это Кристина, – сказала она. – Она уже раз шестнадцать спасла мне жизнь за лето, так что будьте с ней повежливее. Кристина, это Джулиан…

Джулиан посмотрел на нее и улыбнулся широкой улыбкой, от которой сделался похож на луч солнца в человеческом обличье. И неважно, что на плечах у него лежало полотенце с котятами, а руки были испачканы в тесте для блинчиков.

– Спасибо, что присмотрела за Эммой, – сказал он. – Может, она и считает иначе, но нам она еще пригодится.

– Я – Ливви, – представилась хорошенькая девочка, которая подошла пожать Кристине руку. – А это – Тай. – Она указала на черноволосого мальчишку, сидевшего на скамье и читавшего «Архив Шерлока Холмса». – Вон та, с косичками, – Дрю, а малыш с леденцом – это Тавви.

– Не бегай с леденцом во рту, Кристина, – сказал Тавви. Ему было лет семь, но его узкое лицо казалось на удивление серьезным.

– Я… не буду, – недоуменно заверила его Кристина.

– Тавви, перестань, – упрекнул брата Джулиан.

Он начал выливать тесто из белой керамической миски на раскаленную сковороду. В кухне запахло маслом и блинами.

– Ну-ка, бездельники, поднимайтесь и накрывайте на стол, – велел он и смущенно добавил: – К тебе, Кристина, это не относится. Ты у нас в гостях.

– Я приехала на год, так что сложно назвать меня гостем, – заметила Кристина и вместе со всеми подошла к буфету за тарелками и столовыми приборами.

В кухне царила приятная суета, и Кристина чувствовала себя как нельзя лучше. Если честно, она боялась, что Блэкторны нарушат прекрасный и размеренный ритм ее жизни с Эммой и Дианой, но теперь, когда вся семья была в сборе, ей стало неловко от таких мыслей.

– Первые блинчики готовы, – объявил Джулиан.

Тай отложил книгу и взял тарелку. Кристина подошла к холодильнику, чтобы достать еще масла, и услышала, как он сказал Джулиану:

– Я уж думал, ты забыл, что сегодня блинный день.

В его голосе слышался упрек и еще что-то – может, беспокойство? Эмма, кажется, упоминала, что Тай расстраивается, когда нарушают его распорядок.

– Что ты, Тай, я не забыл, – мягко ответил Джулиан. – Я просто отвлекся. Но не забыл.

Тай, похоже, успокоился.

– Тогда ладно, – сказал он.

Он вернулся к столу, и следующим к Джулиану подошел Тавви. Сами того не сознавая, Блэкторны были прекрасно, по-семейному организованы: они знали, кто первым получает блинчики (Тай), кто любит есть их с маслом и сиропом (Дрю), кто – только с сиропом (Ливви), а кто – с сахаром (Эмма).

Кристина не стала ничем приправлять свою порцию. Блинчики были масляные и не слишком сладкие, слегка хрустящие по краям.

– Очень вкусно, – сказала она Джулиану, который наконец-то сел возле Эммы.

Вблизи она заметила усталые морщинки вокруг его глаз, которые были совсем не к месту на таком юном лице.

– Дело практики, – улыбнулся он. – Я их с двенадцати лет готовлю.

Ливви слегка подпрыгнула от удовольствия. На ней было черное платье без рукавов, и она напомнила Кристине стильных жительниц Мехико, которые вечно куда-то спешили по

улицам Кондезы и Ромы[5] в облегающих платьях и изящных босоножках на каблуках. Каштановые волосы Ливви выгорели на солнце, и теперь в них виднелись золотистые пряди.

– Как хорошо дома! – сказала она, слизывая с пальца сироп. – У тетушки Марджори было неплохо, но нам не хватало вашего присмотра. – Она посмотрела на Эмму и Джулиана. – Теперь я понимаю, почему говорят, что нельзя разлучать парабатаев. Вы просто всегда вместе, прямо как…

– Шерлок Холмс и доктор Ватсон, – закончил за нее Тай, который снова с головой ушел в книгу.

– Шоколад и арахисовое масло, – предложил Тавви.

– Капитан Ахав и кит, – добавила Дрю, задумчиво рисуя узоры из сиропа на пустой тарелке.

Эмма чуть не подавилась соком.

– Дрю, но капитан Ахав и кит ведь враждовали друг с другом!

– Верно, – кивнул Джулиан. – Но кит без Ахава – просто кит. Кит, у которого нет никаких проблем. Беззаботный кит.

Дрю с вызовом посмотрела на них.

– Я слышала ваш разговор, – сказала она Эмме и Джулиану. – Я была на лужайке и только потом вернулась за Тавви. Эмма нашла тело?

Тай тотчас оторвался от книги.

– Эмма нашла тело? – повторил он.

Эмма встревоженно посмотрела на Тавви, но тот, казалось, был полностью поглощен едой.

– Что ж, ребята, пока вас не было, здесь произошла серия убийств…

– Убийств? Почему ты ничего не сказала ни нам, ни Джулиану? – Тай едва не выронил книгу из рук. – Могла бы прислать письмо или сообщение, открытку, в конце концов…

– Открытку об убийствах? – поморщилась Ливви.

– Я сама о них только позавчера узнала, – объяснила Эмма и быстро рассказала, что произошло в «Саркофаге». – На теле были руны, – заключила она. – Такие же, как на телах моих родителей.

– Их ведь так никто и не расшифровал? – уточнила Ливви.

– Нет, – покачала головой Эмма. – Пытались все – Малкольм, Диана, даже Спиральный Лабиринт, – добавила она, упомянув название подпольного штаба чародеев, где было скрыто немало тайных знаний.

– Прежде эти руны были единственными в своем роде, – заметил Тай, сверкнув удивительными серебристо-серыми глазами. У него на шее висели наушники, провод уходил под футболку. – Но теперь появился еще один образец. Сравнив их, мы можем что-нибудь выяснить.

– Я составила список всего, что известно о теле, – сказала Эмма, вытаскивая из кармана сложенный лист бумаги, который она тотчас развернула на столе. Тай в ту же секунду подхватил его. – Кое-что я видела сама, кое-что слышала от Джонни Грача и Дианы. Кожа на пальцах срезана, зубы сломаны, кошелек украден.

– Личность жертвы явно попытались скрыть, – заключил Тай.

– Это, пожалуй, не так уж необычно, – кивнула Эмма. – Но важно, что тело какое-то время пролежало в морской воде и на нем были ожоги, а вокруг – нарисованные мелом символы. И оно было покрыто письменами. Вот это действительно странно.

– Можно покопаться в архивах газет, – предложил Тай, и его серые глаза загорелись. – Я займусь.

---

[5] Районы Мехико.

– Спасибо, – сказала Эмма. – Но… – Она взглянула на Джулиана, а затем снова обвела остальных взглядом серьезных карих глаз. – Не говорите Диане, ладно?

– Почему? – нахмурившись, спросила Дрю.

Тавви вообще не обращал внимания на их разговор: он слез на пол и играл под столом в машинки.

Эмма вздохнула.

– Несколько тел принадлежали фэйри. А это означает, что нам вообще нельзя вмешиваться в ход расследования. – Она посмотрела на Кристину. – Если ты не хочешь принимать в этом участия, ничего страшного. С фэйри шутки плохи, тем более Диана не хочет, чтобы мы этим занимались.

– Ты ведь знаешь, как я отношусь к Холодному перемирию, – ответила Кристина. – Само собой, я с вами.

Послышался гул одобрения.

– Я же говорил, переживать не стоит, – сказал Джулиан, легонько коснувшись плеча Эммы, после чего вышел из-за стола и стал собирать тарелки. Было в этом обыденном прикосновении что-то такое, отчего Кристина содрогнулась. – Сегодня занятий не будет – Диана уехала в Охай, – поэтому можно заняться расследованием. Тем более на эти выходные назначено тестирование Конклава.

Все застонали. Тестирование Конклава проводилось дважды в год, чтобы проверить успеваемость учеников и отправить неуспевающих в Академию, которая находилась в Идрисе.

Но Тай не обратил внимания на слова Джулиана. Он изучал список Эммы.

– Сколько всего погибших? Людей и фэйри?

– Двенадцать, – ответила Эмма. – Всего обнаружили двенадцать тел.

Тавви вдруг вылез из-под стола.

– Они все бегали с леденцами во рту?

Тай в недоумении уставился на брата, Эмма смутилась, а Тавви просто озадаченно озирался по сторонам.

– Пожалуй, разговоров достаточно, – сказал Джулиан, поставив малыша Тавви на ноги. – Давайте посмотрим, что удастся разузнать. Тиберий? Ливия?

Тай что-то согласно пробурчал и поднялся на ноги. Эмма призналась:

– Вообще-то мы с Кристиной хотели потренироваться, но можем…

– Нет! Ничего не отменяйте! – воскликнула Ливви. – Мне тоже нужна тренировка! С девушками. Которые при этом не читают. – Она сверкнула глазами в сторону Дрю. – И не смотрят ужастики. – Она посмотрела на Тая. – Я помогу Таю и через полчаса к вам присоединюсь.

Тай кивнул и надел наушники по дороге к двери. Ливви вышла вместе с ним, все болтая о том, как ей не хватало тренировок и своей сабли и как ужасна была идея тетушки выделить им для занятий старый сарай, кишевший пауками.

Как только она ушла, Кристина снова повернулась к остальным. Яркий солнечный свет окутывал Эмму и Джулиана удивительным сиянием, смазывавшим их черты. Джулиан держал на руках Тавви, и Кристина подумала, что они выглядят точь-в-точь как счастливая молодая семья.

– Ты не обязан делать это ради меня, – тихо, но уверенно сказала Эмма таким голосом, какого Кристина никогда прежде не слышала.

– А по-моему, обязан, – возразил Джулиан. – Помнится мне, я в этом поклялся.

– «Куда ты пойдешь, туда и я пойду, какую глупость ты сотворишь, ту и я сотворю тоже»? – поддразнила его Эмма. – Так звучала клятва?

Джулиан рассмеялся. Если они и продолжили разговор, Кристина уже этого не слышала. Она вышла в коридор и закрыла за собой дверь, не оглядываясь назад. Когда-то она думала, что

и сама обзаведется парабатаем. И хотя она давно похоронила эту мечту, смотреть на близость настоящих парабатаев было больно.

4
Оттого и случилось

Эмма рухнула на мат и быстро перевернулась, чтобы не повредить ни Кортану, которая висела у нее на спине, ни саму спину. Несколько лет назад, только начиная тренироваться, она чаще резалась об острые края Кортаны, чем ошибалась в упражнениях, – и все это из-за упрямого отказа снимать меч.

Кортана принадлежала ей, а до этого – ее отцу и отцу ее отца. Они с Кортаной были единственным, что осталось от семьи Карстерсов. Отправляясь на битву, Эмма всегда брала с собой меч, даже если намеревалась использовать кинжалы, святую воду или огонь. Поэтому ей нужно было научиться сражаться с мечом на спине и твердо знать, как вести себя с ним в любой мыслимой и немыслимой ситуации.

– Ты как?

Кристина приземлилась рядом, но гораздо легче: она была безоружна и одета только в одежду для тренировки.

– Нормально, – ответила Эмма, садясь и потирая ушибленное плечо. Через пару секунд она уже вскочила на ноги: – Еще раз.

Медальон на шее у Кристины блеснул, когда она подняла голову, чтобы посмотреть, как Эмма взбирается по веревочной лестнице. Комнату заливал темно-золотистый солнечный свет – день клонился к вечеру. Девушки занимались уже несколько часов, успев до этого собрать и перенести в компьютерную комнату фотографии и записки со Стены Улик (Кристина отказывалась называть ее Стеной Безумия), чтобы Тай и Ливви смогли их отсканировать. Ливви обещала прийти на тренировку, но явно с головой ушла в поиски зацепок на просторах Интернета.

– Может, хватит? – спросила Кристина, когда Эмма добралась до середины лестницы, но та упорно полезла дальше и не остановилась, пока не уперлась макушкой в потолок.

Эмма посмотрела вниз. Кристина качала головой, каким-то образом умудряясь выглядеть и ободряюще, и осуждающе одновременно.

– Не прыгай так высоко! Эмма…

Но Эмма уже камнем полетела вниз. Она ударилась о мат, перевернулась и села на корточки, рукой потянувшись к Кортане.

Меча не было на месте. Вскочив на ноги, Эмма обнаружила, что его держит Кристина. Она вытащила его из ножен Эммы, пока та занимала позицию.

– Сражения – это не просто прыжки и падения, – заметила Кристина и протянула Кортану подруге.

Усмехнувшись, Эмма взяла меч у нее из рук.

– Ты говоришь, прямо как Джулс.

– Может, он прав? – сказала Кристина. – С каких пор ты стала так пренебрегать собственной безопасностью?

– После Темной войны.

Эмма вложила Кортану в ножны, а затем вытащила из ботинок два стилета, протянула один Кристине и повернулась к мишени, нарисованной на противоположной стене.

Кристина встала рядом с ней и занесла стилет, прицелившись вдоль линии руки. Эмма никогда прежде не метала ножи в компании Кристины, но ее вовсе не удивило, что та стояла и держала стилет идеально – большой палец шел параллельно клинку.

– Порой я жалею, что война меня почти не коснулась. Я пряталась в Мексике. Отец считал, что в Идрисе небезопасно.

Эмма вспомнила Идрис в огне, кровь на улицах и тела, сваленные в Зале Соглашений.

– Твой отец был прав.

Кристина метнула стилет. Он сверкнул в полете и воткнулся прямо в яблочко.

– У мамы был дом в Сан-Мигель-де-Альенде. Мы уехали туда, потому что в Институте было небезопасно. Когда я думаю об этом, мне всегда кажется, что я поступила малодушно.

– Но ты была еще маленькой, – возразила Эмма. – Хорошо, что тебя отправили в безопасное место.

– Может быть, – печально допустила Кристина.

– Правда. Я говорю не просто так, – объяснила Эмма. – Что об этом думает Безупречный Диего? Он тоже считает себя малодушным?

– Сомневаюсь, – поморщилась Кристина.

– Конечно, нет. Он, похоже, вообще ни о чем не переживает. Нам стоит поучиться у Безупречного Диего.

– Привет!

В другом конце комнаты появилась Ливви, облаченная в доспехи для тренировки. Она направилась к девушкам, но по дороге остановилась, чтобы погладить свою саблю, висевшую на стене возле двери вместе с остальными орудиями для фехтования. Ливви выбрала себе саблю, когда ей было двенадцать, и с тех пор упорно практиковалась во владении ею. Она могла часами говорить о типах сабель, об эфесах и гардах и о преимуществах деревянных рукояток перед резиновыми и кожаными (а уж о пистолетных рукоятках в ее присутствии и вовсе лучше было не упоминать).

Эмма восхищалась ее постоянством. Ей-то не пришлось выбирать себе оружие, ведь у нее всегда была Кортана. Но Эмме хотелось владеть всеми возможными техниками, поэтому они с Ливви часто спарринговали.

– Я по тебе скучала, – промурлыкала Ливви, обращаясь к сабле. – Я тебя очень люблю.

– Как мило, – заметила Эмма. – Если бы ты мне такое сказала по возвращении, я бы точно разрыдалась.

Ливви подошла ближе к девушкам. Заняв мат, она принялась разминаться, с легкостью сгибаясь пополам и касаясь руками подошв.

– Я скучала и по тебе, – приглушенно сказала она. – В Англии вообще скука смертная и ни одного симпатичного парня вокруг!

– Джулиан упоминал, что вы жили вдали от людей, – кивнула Эмма. – В любом случае вы здесь ничего не пропустили.

– Кроме серийных убийств, – бросила Ливви и пересекла комнату, чтобы взять пару метательных ножей. Эмма и Кристина отошли в сторону, когда она встала перед мишенью. – А еще, готова поспорить, ты снова встречалась с Кэмероном Эшдауном и снова его бросила.

– Так и есть, – подтвердила Кристина. Эмма посмотрела на нее таким взглядом, в котором ясно читалось: «Предательница».

– Ха! – Нож Ливви не попал в мишень. Она резко повернулась, ее коса описала в воздухе широкую дугу. – Эмма начинает встречаться с ним где-то раз в четыре месяца, а потом все равно бросает его.

– Правда? – Кристина искоса взглянула на Эмму. – И почему ты выбрала для этой жуткой пытки именно его?

– О боже, – вздохнула Эмма. – Все это чепуха.

– Для тебя, – кивнула Ливви. – Держу пари, он считает, что у вас все серьезно. – Она протянула Кристине второй нож. – Попробуешь?

Взяв нож, Кристина встала на место Ливви.

– Кто такой Безупречный Диего? – спросила Ливви.

Нахмурившись, Кристина повернулась и озадаченно посмотрела на нее.

– Я слышала ваш разговор, – радостно заявила Ливви. – Прежде чем вошла. Кто он такой? И почему он безупречен? И почему, раз уж в мире появился безупречный парень, никто мне об этом не сказал?

– Диего – это парень, которого мама Кристины прочит ей в мужья, – объяснила Эмма, и теперь уже Кристина сделала вид, что обиделась. – Не подумай ничего плохого, это не договорной брак, просто ее мама его обожает, а его мама тоже носила фамилию Розалес…

– Он твой родственник? – удивилась Ливви. – Разве так можно? Я понимаю, история любви Джейса Эрондейла и Клэри Фэйрчайлд всем известна, но они ведь на самом деле не брат и сестра. Иначе, наверное…

– Их история любви не получила бы такой огласки, – ухмыльнувшись, закончила за нее Эмма.

Кристина метнула нож. Он вошел в стену близко к центру мишени.

– Его зовут Диего Росио Розалес. Росио – фамилия его отца, а Розалес – матери, и фамилия моей матери тоже Розалес. Но мы даже не кузены. Розалес – это огромное семейство Сумеречных охотников. Мама просто считает Диего безупречным – такой умный, такой красивый, такой прекрасный Сумеречный охотник, он безупречен, безупречен, безупречен…

– Вот так он и получил свое прозвище, – заметила Эмма, вытаскивая ножи из стены.

– А он и правда безупречен? – спросила Ливви.

– Нет, – ответила Кристина.

Когда она расстраивалась, она не сердилась, а просто вдруг замолкала. Вот и сейчас, повернувшись к мишени, она поступила именно так. Эмма протянула ей вынутые из стены ножи.

– Мы защитим тебя от Безупречного Диего, – заверила она Кристину. – Если он приедет сюда, я его изрешечу.

Она встала на линию броска.

– Эмма у нас главная по изрешечению, – объяснила Ливви.

– Тогда первой стоит изрешетить мою маму, – пробурчала Кристина. – Ну же, подруга, удиви меня. Давай-ка два за раз.

Взяв по ножу в каждую руку, Эмма отступила на шаг. Она целый год училась метать два ножа одновременно и метала их без остановки. Звук, с которым ножи входят в дерево, был ей как бальзам на душу. Будучи левшой, для броска она должна была отступать назад и немного вправо, но за годы тренировок она приучила себя пользоваться обеими руками практически на равных, поэтому сейчас отступила прямо назад, а не по диагонали. Она отвела руки, а затем резко выбросила их вперед и разжала пальцы. Ножи полетели в цель, как соколы. Один за другим они вошли прямо в яблочко.

Кристина присвистнула.

– Теперь я понимаю, почему Кэмерон Эшдаун всегда возвращается к тебе. Он боится поступить иначе. – Она подошла к мишени и вытащила из нее все ножи, включая свой. – Теперь снова я. Похоже, я среди отстающих.

– Да нет, я смухлевала, – рассмеялась Эмма. – Я несколько лет тренировалась их метать.

– И все же, – упрямо сказала Кристина. – Если ты когда-нибудь передумаешь и решишь, что я тебе не по душе, мне нужно будет постоять за себя.

– Хороший бросок, – прошептала Ливви, которая шагала из стороны в сторону по линии броска в некотором отдалении от Эммы с Кристиной.

– Спасибо, – шепнула ей Эмма. Она прислонилась к стеллажу с перчатками и защитными доспехами и посмотрела на сияющую Ливви. – Вам с Таем удалось договориться насчет клятвы парабатаев?

Ливви помрачнела.

– Он все еще отказывается. Мы впервые не согласны друг с другом.

– Очень жаль.

Эмма знала, как сильно Ливви хотелось стать парабатаем собственного брата-близнеца. Братья и сестры приносили клятвы парабатаев нечасто, но время от времени такое случалось. Решительный отказ Тая всех удивлял. Он редко отказывал Ливви, но в этом вопросе был непреклонен.

Первый нож Кристины вошел в мишень у самой кромки внутреннего крута. Эмма зааплодировала.

– Мне она нравится, – все так же шепотом сказала Ливви.

– Хорошо, – кивнула Эмма. – Мне она тоже нравится.

– А еще мне кажется, что Безупречный Диего разбил ей сердце.

– Он точно что-то сделал, – осторожно заметила Эмма. – Насколько я поняла.

– Поэтому нам нужно свести ее с Джулианом.

Эмма чуть не перевернула стеллаж.

– Что?

Ливви пожала плечами.

– Она красивая и милая и будет жить с нами. А у Джулса никогда не было девушки – и ты знаешь почему. – Эмма во все глаза смотрела на Ливви. Все мысли куда-то испарились, и в голове остался лишь белый шум. – Понимаешь, это ведь все из-за нас – из-за нас с Таем, из-за Дрю, из-за Тавви. Воспитывая четырех детей, о свиданиях как-то не думаешь, да и времени не хватает. Поэтому, раз уж мы не позволяем ему завести девушку…

– Ты хочешь устроить все сама, – безучастно произнесла Эмма. – Ливви, но все ведь не так просто. Они должны друг другу понравиться…

– И пусть понравятся! – воскликнула Ливви. – Мы им поможем. Что скажешь?

Сине-зеленые глаза Ливви, так похожие на глаза Джулиана, сияли озорством. Эмма уже открыла рот, чтобы что-то сказать, хотя даже сама не поняла, что именно, но в это мгновение Кристина метнула второй нож. Он так глубоко вошел в стену, что дерево треснуло.

Ливви захлопала в ладоши.

– Молодец! – Она триумфально взглянула на Эмму, словно говоря: «Вот видишь, она безупречна!» – а затем посмотрела на часы. – Так, мне нужно бежать к Таю. Кликните меня, если случится что-нибудь потрясающе невероятное!

Все еще немного сбитая с толку Эмма кивнула, а Ливви, пританцовывая, повесила на место ножи и ушла в библиотеку. Кристина тем временем подошла к Эмме сзади и неожиданно заговорила прямо у нее за плечом, чем напугала подругу до полусмерти. Она, казалось, была чем-то обеспокоена.

– О чем вы говорили? – спросила она. – На тебе лица нет.

Эмма хотела было ответить, но тут снизу раздался какой-то грохот: кто-то громко постучал в дверь, после чего послышались торопливые шаги.

Она схватила Кортану и пулей выбежала в коридор.

Стук в дверь Института эхом разносился по всему зданию.

– Минутку! – крикнул Джулиан, застегивая толстовку, и подбежал к двери.

Он даже обрадовался, что кто-то заглянул к ним на огонек. Тай и Ливви выставили его из компьютерной комнаты, заявив, что они не могут сосредоточиться из-за того, что Джулиану не сидится на месте, и ему было так скучно, что он уже всерьез подумывал навестить дядюшку Артура и тем самым испортить себе настроение на весь остаток дня.

Джулиан открыл дверь. На пороге стоял высокий светловолосый мужчина в узких черных брюках и рубашке, расстегнутой до середины груди. На плечи его был накинут клетчатый пиджак.

– Ты похож на стриптизера, – сказал Джулиан Малкольму Фейду, верховному колдуну Лос-Анджелеса.

Когда-то Джулиана так поражало, что Малкольм – верховный маг и все остальные чародеи, по крайней мере в Южной Калифорнии, ему подчиняются, что рядом с ним юный Блэкторн чувствовал себя не в своей тарелке. Все изменилось после Темной войны, когда Малкольм стал часто бывать в Институте. На самом деле Малкольм был таким, каким большинство людей представляло Артура, – настоящим рассеянным профессором. Уже почти двести лет он вечно забывал все самое важное.

Все чародеи – потомки людей и демонов были бессмертны. Они переставали стареть в разном возрасте, в зависимости от того, какой демон их породил. Малкольм выглядел лет на двадцать семь, хотя родился (по собственным его словам) в 1850 году.

Почти все демоны, с которыми сталкивался Джулиан, были просто омерзительны, поэтому он предпочитал не думать о том, как познакомились родители Малкольма. Сам Малкольм тоже не спешил делиться этой информацией. Джулиан знал, что маг родился в Англии – это до сих пор угадывалось в его выговоре.

– А что, стриптизеры, бывает, приходят без вызова? – недоуменно спросил Малкольм, а потом опустил голову и взглянул на свой внешний вид. – Прости, забыл застегнуться перед выходом.

Он переступил порог и вдруг упал, растянувшись на мраморном полу. Джулиан отпрыгнул, а Малкольм недовольно перевернулся на спину и посмотрел на ноги.

– Похоже, я еще и шнурки друг с другом связал.

Порой Джулиану становилось горько от того, что все его друзья и союзники – либо такие люди, которых волей-неволей приходится обманывать, либо сущие растяпы, либо и то, и другое одновременно.

Эмма сбежала по лестнице, держа в руке Кортану. На ней были джинсы и спортивная майка, ее влажные волосы стягивала резинка. Майка промокла от пота и прилипла к коже – Джулиану оставалось лишь мечтать, чтобы эта деталь не бросалась ему в глаза. Подойдя ближе, Эмма замедлила шаг и опустила меч.

– Привет, Малкольм! Ты почему на полу?

– Я связал шнурки, – объяснил колдун.

Эмма подошла к нему, взмахнула Кортаной и аккуратно разрезала шнурки, освободив ему ноги.

– Ну вот, готово, – сказала она.

Малкольм с опаской посмотрел на нее.

– Она может быть опасна, – бросил он Джулиану. – Впрочем, все женщины опасны.

– Все люди опасны, – ответил Джулиан. – Что тебя привело, Малкольм? Только не подумай, будто я не рад тебя видеть.

Малкольм с трудом поднялся на ноги и застегнул рубашку.

– Я принес лекарство Артуру.

Сердце Джулиана стукнуло так громко, что ему показалось, словно этот удар услышали все. Эмма нахмурилась.

– Артур болен? – спросила она.

Малкольм уже потянулся к карману, но вдруг застыл. Джулиан увидел, как на лице у мага отразилось понимание, что он сказал нечто такое, чего говорить не следовало, и молча проклял Малкольма вместе с его забывчивостью.

– Вчера Артур сказал мне, что неважно себя чувствует из-за погоды, – объяснил Джулиан. – Ничего необычного, у него такое часто бывает. Просто сонливость.

– Я бы поискала что-нибудь на Сумеречном рынке, если бы знала, – сказала Эмма, садясь на нижнюю ступеньку лестницы и вытягивая перед собой свои длинные ноги.

– Кайенский перец и драконья кровь. – Малкольм вынул из кармана флакон и протянул его Джулиану. – Он сразу проснется.

– Да от этого и мертвец проснется! – воскликнула Эмма.

– Некромантия вне закона, Эмма Карстерс, – укорил ее Малкольм.

– Она просто пошутила. – Джулиан сунул флакон в карман, не сводя глаз с Малкольма и безмолвно умоляя его больше ничего не говорить.

– Джулиан, а когда ты успел сообщить Малкольму, что дядюшка Артур плохо себя чувствует? Вчера вечером ты мне ничего не сказал, – заметила Эмма.

Джулиан обрадовался, что Эмма не видит его лица: он явно побледнел.

– Вампирская пицца, – вдруг сказал Малкольм.

– Что? – удивилась Эмма.

– Найтшейд открыл итальянский ресторанчик на Кросс-Крик-роуд, – объяснил Малкольм. – Лучшая пицца в округе, и доставка есть.

– И что же они в соус добавляют? – спросила Эмма, забыв о своих сомнениях. – О! – Она приложила ладонь ко рту. – Кстати, Малкольм, ты не мог бы кое на что взглянуть?

– Что, бородавка вскочила? – поинтересовался Малкольм. – Могу свести, но не бесплатно.

– И почему всем кажется, что это бородавка? – Эмма вытащила телефон и принялась перелистывать фотографии тела, обнаруженного возле бара «Саркофаг». – Там было несколько белых знаков, вот они, – показала она. – Похожи на граффити, но нарисованы не краской, а мелом или чем-то таким…

– Во-первых, фу, – сказал Малкольм. – Не показывай мне, пожалуйста, фотографии трупов без предварительного предупреждения. – Он всмотрелся в снимок. – Во-вторых, знаки похожи на остатки церемониального кольца. Кто-то нарисовал на земле защитный круг. Может, чтобы без проблем наложить те жуткие чары, которые убили этого парня.

– Его сожгли, – уточнила Эмма. – И утопили, похоже. По крайней мере, его одежда промокла насквозь и пахла морской водой.

Эмма нахмурилась, глаза ее потемнели – то ли она снова представила себе тело, то ли просто подумала об океане. До океана всегда было рукой подать, она каждое утро бегала вдоль его кромки, но Джулиан знал, как она на самом деле его боится. Она могла заставить себя нырнуть в холодные волны, дрожа от ужаса, но ему не нравилось смотреть на это, ему не нравилось смотреть, как его сильная Эмма умирает от страха столь первобытного и неописуемого, что она даже сама не понимала его сути.

При виде этого Джулиану хотелось убивать, хотелось разрушать все вокруг, только бы она была в безопасности. Даже несмотря на то, что Эмма и сама могла постоять за себя. Даже несмотря на то, что он не знал человека смелее.

Джулиан вернулся к действительности.

– Перешли мне фотографии, – сказал Малкольм. – Я внимательнее изучу их и сообщу тебе свои выводы.

– Эй! – На верхней площадке лестницы появилась Ливви, уже сменившая тренировочные доспехи на обычную одежду. – Тай кое-что нашел насчет убийств.

Малкольм озадаченно посмотрел на нее.

– На компьютере, – объяснила Ливви. – Том самом, которым нам даже нельзя пользоваться. Ой, привет, Малкольм! – Она замахала руками. – Скорее поднимайтесь к нам!

– Останешься, Малкольм? – спросила Эмма. – Твоя помощь нам не помешает.

– Зависит от того, показывает ли компьютер кино, – загадочно ответил Малкольм.

– Он может, – осторожно сказал Джулиан.

Малкольм обрадовался.

– Посмотрим «Ноттинг Хилл»?

– Мы что угодно посмотрим, если ты согласишься нам помочь, – заверила его Эмма и взглянула на Джулса. – Но прежде выясним, что раскопал Тай. Ты с нами?

Джулиан молча проклял любовь Малкольма к романтическим комедиям. Ему хотелось закрыться у себя в студии и порисовать. Но нельзя было ни бросить Тая, ни оставить Малкольма без присмотра.

– Принесу с кухни чего-нибудь пожевать, – радостно сказала Эмма.

Как-никак это было традицией – они много лет все вместе смотрели старые фильмы на телевизоре, питающемся от колдовского огня, и все вместе хрустели попкорном.

Джулиан покачал головой.

– Я не голоден.

Ему показалось, что Эмма вздохнула. Спустя мгновение она уже взлетела вверх по лестнице следом за Ливви и исчезла за поворотом. Джулиан хотел было пойти за ними, но Малкольм остановил его, положив руку ему на плечо.

– Становится хуже? – спросил он.

– Дядюшке Артуру? – От неожиданного прикосновения Джулиан вздрогнул. – Вряд ли. Плохо, конечно, что меня так долго не было рядом, но, если бы мы и дальше отказывались от поездки в Англию, возникли бы подозрения.

– Не дядюшке Артуру, а тебе. Она о тебе знает?

– Кто и о чем?

– Не притворяйся, что не понимаешь, – ответил Малкольм. – Эмма. Она знает?

Сердце сжалось в груди у Джулиана. У него не было слов, чтобы описать то чувство, которое пробудил вопрос Малкольма. Казалось, его сбила с ног и поволокла по песку гигантская волна.

– Перестань.

– Ни за что, – отмахнулся Малкольм. – Я люблю счастливые концы.

– Малкольм, это *тебе не история любви,* – сквозь зубы процедил Джулиан.

– Нет такой истории, которая не была бы историей любви.

Джулиан отвернулся и пошел по лестнице. Он редко сердился на Малкольма, но в этот момент его сердце просто выпрыгивало из груди. Он успел дойти до площадки второго этажа, прежде чем Малкольм снова окликнул его. Джулиан против воли повернулся и увидел, что чародей с него глаз не сводит.

– Законы бессмысленны, парень, – тихо проговорил Малкольм полным тревоги голосом. – Нет ничего важнее любви. И нет закона выше.

Строго говоря, в Институте не должно было быть компьютера.

Конклав отрицал наступление цифровой эры и всячески старался оградить Сумеречных охотников от взаимодействия с культурой простецов. Но это не могло остановить Тиберия. Он с десяти лет начал выпрашивать компьютер, чтобы следить за расследованием жестоких преступлений в мире простецов, и, когда после Темной войны они вернулись из Идриса, Джулиан исполнил его желание.

Тай потерял мать и отца, брата и старшую сестру, сказал тогда Джулиан, сидя на полу среди спутанных проводов и пытаясь понять, как подключить компьютер к одной из немногих электрических розеток, которые были у них в распоряжении: практически все в Институте функционировало на колдовском огне. Раз уж он мог таким образом порадовать Тая, он не собирался отказывать ему.

И Тай влюбился в компьютер. Он назвал его Ватсоном и часами учился работать на нем, ведь помочь ему с этим никто не мог. Джулиан велел ему не делать ничего противоправного, понимая, что дядюшка Артур, который вечно сидит в своем кабинете, все равно ничего не заметит.

Преданная брату Ливви тоже научилась пользоваться компьютером, и Тай, который к тому времени уже разобрался с его устройством, охотно помог сестре. Они были прекрасной командой.

Похоже, Тай, Дрю, Ливви и даже Тавви не теряли времени даром. Дрю разложила на полу несколько карт. Тавви стоял возле белой доски с маркером в руках и делал важные заметки, хотя расшифровать его детский почерк было бы нелегко.

Тай сидел за компьютером на крутящемся стуле, его пальцы быстро бегали по клавиатуре. Ливви, по своему обыкновению, устроилась на столе, но вовсе не мешала Таю, который прекрасно видел сестру, но при этом оставался полностью сосредоточен на своей задаче.

– Нашли что-то? – спросил Джулиан, заходя в комнату.

– Да. Секунду. – Тай властно поднял руку. – Можете разговаривать, если хотите.

– Спасибо за позволение, – ухмыльнулся Джулиан.

Кристина влетела внутрь, на ходу заплетая влажные темные волосы. Похоже, она сходила в душ и переоделась, и теперь на ней были джинсы и блузка в цветочек.

– Ливви сказала…

– Тс-с. – Эмма приложила палец к губам и показала на Тая, который напряженно смотрел в монитор. Тонкие черты его лица подсвечивались голубоватым сиянием экрана. Эмме очень нравились моменты, когда Тай играл в детектива: эта роль подходила ему как нельзя лучше и вписывалась в его мечту стать Шерлоком Холмсом, у которого всегда и на все готовы ответы.

Кивнув, Кристина присела на пухлый диванчик рядом с Друзиллой. Дрю было всего тринадцать, но по росту она ей практически не уступала. Она была из тех девчонок, у которых тело развивается очень быстро: она уже могла похвастаться округлой грудью и бедрами очень мягкой, женственной формы. Это порой приводило к неловким ситуациям с парнями, которые считали, что ей никак не меньше семнадцати, и Эмме не раз приходилось в последний момент удерживать Джулиана от убийства очередного подростка-простеца.

Малкольм уселся в старое заплатанное кресло.

– Ну, раз уж мы все равно ждем… – пробормотал он и принялся печатать что-то у себя на телефоне.

– Что ты делаешь? – спросила Эмма.

– Заказываю пиццу у Найтшейда, – объяснил Малкольм. – У них есть специальное приложение.

– Что-что? – не поняла его Дрю.

– У Найтшейда? – переспросила Ливви. – У вампира?

– Он открыл пиццерию. Соус просто божественный, – причмокнув, кивнул Малкольм.

– И ты не боишься? – спросила Ливви. – Мало ли что там в составе.

– Вы, нефилимы, такие опасливые, – бросил Малкольм и снова углубился в телефон.

Тут Тай прочистил горло и повернулся на стуле лицом к остальным. Все расселись на диванах и стульях, и только Тавви сидел на полу возле белой доски.

– Я кое-что обнаружил, – сказал Тай. – В последнее время действительно находили тела, соответствующие описанию Эммы. Срезанная кожа на пальцах, ожоги, морская вода. – Он вывел на экран первую полосу какой-то газеты. – Из-за меловых меток вокруг тел простецы считают, что это связано с каким-то сатанинским культом.

– Простецы считают, что с каким-то сатанинским культом связано все на свете, – проворчал Малкольм. – Забавно, кстати, что на самом деле в сатанинских культах чаще служат вовсе не Люциферу, а другим демонам. Люцифера, конечно, знают все, но достучаться до него не так-то просто. Он редко оказывает услуги. Почитаешь ты его, почитаешь – а ему хоть бы хны.

Эмма и Джулиан весело переглянулись. Тай щелкнул мышкой, и на экране появились фотографии. Лица – люди разных возрастов, полов и рас. И все мертвые.

– Профилю соответствует лишь несколько убийств, – объяснил Тай, явно обрадовавшись, что удалось так ловко ввернуть словечко «профиль». – В прошлом году они происходили по одному в месяц. Всего найдено двенадцать тел, включая то, что обнаружила Эмма.

– Но раньше ничего? – уточнила Эмма.

Тай покачал головой.

– Значит, после убийства моих родителей был перерыв в четыре года. Преступник – если, конечно, это один человек – остановился, а затем снова начал убивать.

– Погибших что-то связывает? – спросил Джулиан. – Диана сказала, что несколько тел принадлежало фэйри.

– Мы же читаем новости простецов, – напомнила Ливви. – Откуда им знать? Даже если тела принадлежали эльфам, их, скорее всего, сочли человеческими. А что до связи между погибшими – трудно сказать. Ведь ни одно из тел так и не опознали.

– Странно, – заметила Дрю. – А как же кровь? В кино людей идентифицируют по крови и ДСК.

– ДНК, – поправил сестру Тай. – Судя по газетным сообщениям, ни одно из тел опознать не удалось. Возможно, примененные к погибшим чары изменили состав их крови. Или тела слишком быстро разложились, как тела родителей Эммы.

– Но есть и кое-что еще, – сказала Ливви. – В статьях сообщается, где именно находили тела, и мы отметили все эти места на карте. И у этих мест кое-что общее есть.

Тай вытащил из кармана одну из своих игрушек – моток гибкой проволоки – и принялся распутывать ее. У Тая был очень быстрый ум, и порой ему приходилось вертеть что-нибудь в руках, чтобы успокоиться.

– Все тела обнаружены возле лей-линий. Все до единого, – объявил Тай, и Эмма услышала в его голосе неподдельное возбуждение.

– Лей-линий? – наморщив лоб, переспросила Дрю.

– Существует опоясывающая землю сеть древних магических путей, – объяснил Малкольм. – Они усиливают любую магию, поэтому обитатели Нижнего мира веками использовали их для открытия порталов в мир фэйри и всего такого. Аликанте стоит на пересечении нескольких лей-линий. Эти линии невидимы, но можно научиться их чувствовать. – Он нахмурился, присмотревшись к одному из снимков, сделанных Кристиной в баре «Саркофаг», который как раз появился на экране компьютера. – А ты можешь сделать так, чтобы картинка увеличилась?

– Приблизить фрагмент? – уточнил Тай.

Не успел Малкольм ответить, как в дверь Института позвонили. Звонок был необычным: вместо пронзительного дребезжания в Институте раздался оглушительный удар гонга, от звука которого содрогнулось все здание, задрожали стены и стекла, а кое-где даже посыпалась штукатурка.

Эмма в ту же секунду вскочила на ноги.

– Я открою, – сказала она и поспешила вниз, не обращая внимания на Джулиана, который тоже поднялся, чтобы сопроводить ее.

Ей хотелось хотя бы на секунду остаться одной. Ей хотелось осознать, что эти убийства начались в том году, когда погибли родители. Что ее мама и папа стали первыми жертвами маньяка.

Все убийства были связаны. Эмма видела, как ниточки сходятся вместе и начинают складываться в узор, который она еще не могла толком разглядеть, но в реальности которого сомневаться не приходилось. Кто-то сделал это. Кто-то пытал ее родителей и убил их, нанес те жуткие письмена им на кожу и бросил их гнить в океане. Кто-то лишил Эмму детства, разрушил дом ее жизни и оставил ее одну, беззащитную и беспомощную.

И этот кто-то поплатится за свои грехи. «Месть не согреет сердце», – сказала Диана, но Эмма ей не поверила. Месть снова даст ей вздохнуть свободно. Месть снова даст ей возмож-

ность думать о родителях, не холодея от ужаса. Эмма снова сможет спать, не видя во сне их мертвые лица и не слыша, как их голоса взывают к ней о помощи.

Эмма подошла к двери Института и распахнула ее. Солнце только что село. На пороге стоял угрюмый вампир со стопкой коробок в руках. Короткие каштановые волосы, веснушки на носу – на вид он был не старше подростка, но это ни о чем не говорило.

– Доставка пиццы, – сказал он таким удрученным тоном, словно ему только что сообщили о смерти всех близких родственников.

– Да ладно? – удивилась Эмма. – Малкольм не пошутил? Вы и правда пиццу доставляете?

Курьер безучастно посмотрел на нее.

– А что, нельзя?

Эмма подскочила к стоявшему возле двери столику, на котором обычно лежали наличные деньги.

– Не знаю. Вы же вампир. Я решила, что вы могли бы и чем-то получше в жизни заняться. Или в смерти. Неважно.

– Да ты хоть знаешь, как сложно найти работу, когда в паспорте написано, что тебе сто пятьдесят лет, а на улице ты можешь появляться только ночью? – уязвленно воскликнул вампир.

– Нет, – призналась Эмма и взяла коробки у него из рук. – Об этом я не подумала.

– Вечно вы, нефилимы, ни о чем не думаете. – Он сунул пятьдесят долларов в карман джинсов, и Эмма обратила внимание, что на его серой футболке написано: ОС.

– Отряд сопровождения? – предположила она.

Вампир просиял.

– «Орудия смерти». Группа такая. Из Бруклина. Слышала о них?

Само собой, Эмма о них слышала. Саймон, лучший друг и парабатай Клэри, входил в эту группу, пока был простецом. Именно он и назвал свой музыкальный коллектив в честь трех священных предметов из мира Сумеречных охотников. Теперь Саймон тоже стал Сумеречным охотником. Интересно, не скучает ли он по группе? А по всему остальному?

Эмма снова поднялась на второй этаж, думая о Клэри и остальных обитателях Нью-Йоркского Института. Клэри узнала, что она – Сумеречный охотник, когда ей было пятнадцать. Одно время она думала, что ее удел – жизнь простецов. Она как-то рассказывала Эмме об этом, словно вспоминая о том пути, по которому ей пройти так и не удалось. С головой окунувшись в жизнь Сумеречных охотников, она забрала с собой многое из мира простецов, включая и лучшего друга – Саймона. Но она могла выбрать другую дорогу. Могла остаться обычным человеком навсегда.

Эмме вдруг жутко захотелось поговорить с ней, спросить, как бы тогда все сложилось. Саймон и Клэри дружили всю жизнь, как и Джулиан с Эммой. Затем, как только Саймон стал Сумеречным охотником, они принесли клятву парабатаев. Что изменилось? Эмма не знала ответа. Каково это – превратиться из лучшего друга в парабатая, заранее не зная о том, что так однажды произойдет? Была ли какая-нибудь разница?

И почему она сама не могла ответить на этот вопрос?

Когда она вернулась в компьютерную комнату, Малкольм стоял у стола, изучая фотографию своими фиолетовыми глазами.

– Видите ли, это вовсе не защитный круг, – сказал он и тут же воскликнул, увидев Эмму: – Это пицца!

– Это явно не пицца, – заметил Тай, сосредоточенно смотря на экран. Он уже практически распутал клубок проволоки своими длинными пальцами, а как только закончил с ним, спутал опять и начал заново.

– Так, хватит, – скомандовал Джулс. – Сделаем перерыв и отвлечемся от убийств и профилей на ужин. – Он взял у Эммы коробки, благодарно взглянул на нее и поставил пиццу на

журнальный столик. – Говорите о чем угодно, под запретом только кровь и убийства. Уточняю: любая кровь.

– Но это вампирская пицца, – заметила Ливви.

– Неважно, – отмахнулся Джулиан. – Марш на диван!

– Может, кино посмотрим? – предложил Малкольм, сказав это совсем как Тавви.

– Посмотрим, – согласился Джулиан. – Но сейчас, Малкольм, хоть ты и верховный чародей Лос-Анджелеса, сиди на попе ровно.

Вампирская пицца оказалась потрясающе вкусной. Эмма довольно быстро решила, что ей все равно, из чего готовят соус. Мышиные головы, тушеная человечина – неважно. Вкус пиццы был выше всех похвал. Хрустящая корочка, много свежей моцареллы – Эмма слизывала тягучий сыр прямо с пальцев и хитро поглядывала на Джулса, которого отличали прекрасные манеры.

Фильм был довольно странным. В нем рассказывалось о мужчине, который владел книжным магазином и был влюблен в знаменитую женщину, вот только Эмма не узнала ни одного из них и сомневалась, были ли они вообще ей знакомы. Кристина смотрела на экран с недоумением, Тай надел наушники и закрыл глаза, а Дрю и Ливви, сидя по обе стороны от Малкольма, тихонько гладили его по голове, когда он начинал плакать.

– Любовь так прекрасна, – вздохнул он, когда мужчина на экране бросился прямо в поток машин.

– Это не любовь, – возразил Джулиан, откинувшись на спинку дивана. В неровном свете экрана он казался совсем другим, незнакомым: на его гладкой светлой коже плясали темные пятна, под скулами и возле подбородка залегли глубокие тени. – Это кино.

– Я приехал в Лос-Анджелес, чтобы вернуть любовь, – признался Малкольм, блеснув печальными фиолетовыми глазами. – Все великие фильмы – о любви. О любви потерянной, обретенной, разрушенной, возвращенной, купленной, проданной, умирающей и рождающейся. Я люблю кино, но теперь таких фильмов уже не снимают. Взрывы, спецэффекты – ничего этого не было, когда я только появился здесь. Тогда в кино лишь подсвечивали сигаретный дым, чтобы он походил на небесный огонь. И женщин тоже подсвечивали – чтобы они напоминали ангелов. – Малкольм вздохнул. – Я приехал сюда, чтобы вернуть истинную любовь из мертвых.

– О Малкольм! – воскликнула Друзилла и разразилась слезами. Ливви протянула ей салфетку с логотипом пиццерии. – И почему только у тебя нет парня?

– Я не гей, – удивленно ответил Малкольм.

– Тогда девушки. Найди себе хорошую девушку из Нижнего мира, например вампиршу, чтобы она жила вечно.

– Дрю, не вмешивайся в любовные дела Малкольма, – упрекнула сестру Ливви.

– Истинную любовь найти нелегко, – сказал Малкольм, показав на целующихся на экране людей.

– Такую любовь, как в кино, действительно нелегко отыскать, – кивнул Джулиан. – Потому что она ненастоящая.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Кристина. – Ты что, говоришь, что истинной любви не существует? Не верю!

– Любовь заключается не в том, чтобы гоняться за кем-то по аэропорту, – объяснил Джулиан и слегка подался вперед. Эмма заметила выглядывающий из ворота его футболки кусочек руны парабатая. – Любовь заключается в том, чтобы просто видеть человека. И все.

– Просто видеть? – с сомнением в голосе повторил Тай. Он выключил плеер, но не снял наушники. Его черные волосы слегка взъерошились вокруг них.

Джулиан взял в руки пульт. Фильм закончился, на экране шли титры.

– Когда любишь кого-то, этот человек становится частью тебя. Он во всем, что ты делаешь. Он в воздухе, которым ты дышишь, в воде, которую ты пьешь, в крови, что течет по твоим венам. Его прикосновение навсегда остается на твоей коже, его голос всегда звучит в твоих ушах, его мысли не выходят у тебя из головы. Ты знаешь его сны, потому что от его кошмаров твое сердце обливается кровью, а его приятные сновидения ты видишь и сам. И ты не считаешь его идеальным, а знаешь его пороки, знаешь его настоящего, знаешь все его тайны, но эти тайны не отпугивают тебя, ведь из-за них ты любишь его лишь сильнее, понимая, что не хочешь идеала. Ты хочешь его. Ты хочешь…

Он осекся, как будто внезапно поняв, что все на него смотрят.

– Хочешь чего? – спросила Дрю, сверкнув огромными глазами.

– Ничего, – ответил Джулиан. – Все это просто слова.

Он выключил телевизор и собрал коробки из-под пиццы.

– Пойду выкину мусор, – сказал он и вышел из комнаты.

– Когда он влюбится, – пробормотала Дрю, смотря ему вслед, – это будет просто… невероятно.

– И после этого мы его, наверное, уже никогда не увидим, – добавила Ливви. – Какой же счастливицей будет его девушка!

Тай нахмурил брови.

– Ты ведь шутишь, да? – уточнил он. – Ты ведь на самом деле не думаешь, что мы его больше не увидим?

– Конечно, нет, – заверила его Эмма.

Когда Тай был помладше, его всегда озадачивало, как люди намеренно преувеличивают в разговоре, чтобы донести свою мысль. Выражения вроде «в такую погоду собаку из дома не выгонишь» вызывали у него недоумение и даже раздражение, ведь собаки ему очень нравились и он никак не мог понять, зачем вообще их выгонять из дома в какую бы то ни было погоду.

В конце концов Джулиан стал рисовать для него веселые картинки, которые иллюстрировали буквальное значение подобных выражений и их метафорическое значение. Тая забавляли собаки, радостно сидевшие в тепле, пока за окном из огромного ведра лил дождь, а остроумные подписи к этим картинкам, в которых разъяснялся истинный смысл речевых оборотов, значительно облегчали ему понимание окружающего мира. Поняв, что все порой не так просто, как кажется, Тай стал частенько засиживаться в библиотеке и выписывать из словарей необычные выражения, стараясь запомнить их наизусть. Он не возражал, когда ему наглядно объясняли что-то, и никогда не забывал уроков, но все же предпочитал заниматься самостоятельно.

Он до сих пор иногда переспрашивал, была ли какая-то конкретная фраза преувеличением, даже если сам был уверен в этом на 90 процентов. Ливви, которая лучше других знала, как раздражают ее брата неточные выражения, вскочила на ноги и тотчас подошла к Таю, обняла его и положила подбородок ему на плечо. Тай прижался к сестре, полузакрыв глаза. Когда он был в настроении, ему нравились физические проявления привязанности, лишь бы они были не чрезмерны, – он любил, когда ему взъерошивали волосы или когда его гладили по спине. Бывало, он напоминал Эмме их кота Черча, который время от времени требовал ласки.

Свет вдруг потух. Кристина снова зажгла колдовской огонь, и он озарил комнату. Вернулся Джулиан, который успел полностью взять себя в руки.

– Уже поздно, – сказал он. – Пора спать. Особенно тебе, Тавви.

– Не хочу спать, – отмахнулся Тавви, который сидел на коленях у Малкольма и вертел в руках какую-то безделушку, которую дал ему маг: небольшой лиловый кубик, искрящийся в ярком свете.

– Вижу будущего революционера, – ухмыльнулся Джулс. – Малкольм, спасибо. Уверен, нам еще понадобится твоя помощь.

Малкольм осторожно пересадил Тавви на диван, встал на ноги и стряхнул крошки от пиццы с мятой одежды. Подхватив пиджак, он вышел в коридор. Эмма и Джулиан последовали за ним.

– Что ж, вы знаете, где меня искать, – сказал Малкольм, застегивая пиджак. – Я завтра поговорю с Дианой о…

– Диане рассказывать нельзя, – перебила его Эмма.

Малкольм недоуменно взглянул на нее.

– О чем именно?

– О том, что мы этим занимаемся, – объяснил Джулиан, не дав Эмме ответить. – Она не хочет, чтобы мы вмешивались. Говорит, что это опасно.

– Могли бы и раньше об этом упомянуть! – возмутился Малкольм. – Не нравится мне от нее скрываться.

– Прости, – сказал Джулиан, немного виновато посмотрев на мага. Эмма, как всегда, поразилась и немного испугалась его способности лгать. При необходимости Джулиан становился непревзойденным лжецом, умело скрывая свои истинные чувства. – Все равно мы не сможем продвинуться дальше без помощи Конклава и Безмолвных Братьев.

– Ладно. – Малкольм внимательно посмотрел по очереди на каждого из ребят. Эмма постаралась сделать лицо столь же непроницаемым, как лицо Джулиана. – Только завтра же поговорите с Дианой. – Он сунул руки в карманы. Его бесцветные волосы блестели в свете колдовского огня. – Я не успел вам кое-что сказать. Знаки вокруг найденного Эммой тела – это не защитный крут.

– Но ты же говорил… – начала Эмма.

– Я присмотрелся внимательнее и изменил свое мнение, – объяснил Малкольм. – Это не защитные руны. Это призывные руны. Кто-то использовал энергию мертвых тел для призыва.

– Призыва кого? – уточнил Джулс.

Малкольм покачал головой.

– Для призыва кого-то в этот мир. Демона или ангела – не знаю. Я изучу фотографии получше и осторожно наведу справки в Спиральном Лабиринте.

– А если это действительно призывные чары, – сказала Эмма, – увенчалось ли их применение успехом?

– Поверь мне, увенчайся такое заклинание успехом, мы бы уже об этом узнали, – ответил Малкольм.

Эмма проснулась от жалобного мяуканья.

Открыв глаза, она увидела у себя на груди персидского кота. А точнее, персидского голубого кота, очень толстого, с огромными желтыми глазами. Его уши были прижаты к голове.

Взвизгнув, Эмма вскочила на ноги. Кот отлетел в сторону. На несколько мгновений в комнате воцарился хаос: Эмма споткнулась о тумбочку, кот взвыл. Наконец она сумела включить свет. Кот важно сидел у двери, явно чувствуя собственное превосходство.

– Черч! – воскликнула Эмма. – Ты что, с ума сошел? Тебе посидеть негде?

На морде у Черча было написано, что сидеть ему и правда было негде. Черч время от времени принадлежал Институту. Четыре года назад Эмма открыла парадную дверь и увидела на пороге коробку, в которой сидел этот кот и лежала адресованная ей записка: «Присмотри, пожалуйста, за моим котом. Брат Захария».

В тот момент Эмма не поняла, почему Безмолвный Брат, пусть он и не был больше Безмолвным Братом, просит ее присмотреть за его котом. Она позвонила Клэри, и та объяснила, что кот когда-то жил в Нью-Йоркском Институте, но на самом деле принадлежит Брату Захарии, и сказала, что если им с Джулианом хочется завести кота, то они могут оставить его себе.

Его зовут Черч, добавила она.

Черч был из тех котов, которые не сидят на одном месте. Он постоянно выпрыгивал из окон и исчезал на несколько дней или даже недель. Сперва Эмма места себе не находила всякий раз, когда он пропадал, но в конце концов он всегда возвращался и был при этом преисполнен гордости. Когда Эмме исполнилось четырнадцать, он стал приносить ей подарки, привязанные к ошейнику: ракушки и морские стеклышки. Эмма разложила эти ракушки на подоконнике, а из морских стеклышек сделала Джулиану счастливый браслет.

К тому времени Эмма уже знала, что подарки присылает Джем, но не могла даже связаться с ним, чтобы сказать спасибо. Поэтому она старалась как можно лучше заботиться о Черче. Стоявшая в холле миска Черча никогда не пустовала, а рядом всегда была небольшая баночка с чистой водой. Все радовались коту, когда он появлялся в Институте, и не переживали, когда он на время пропадал.

Черч мяукнул и принялся царапать дверь. Эмма уже знала этот сигнал: он означал, что Черч хочет, чтобы она пошла за ним. Вздохнув, она натянула свитер поверх майки и леггинсов и всунула ноги в тапки.

– Надеюсь, ты не зря меня позвал, – сказала она Черчу, прихватив стило. – Иначе я превращу тебя в теннисную ракетку.

Черч, похоже, совсем не испугался. Он провел Эмму по коридору, вниз по лестнице, во двор. Яркая луна висела высоко в небе и отражалась в водах блестящего вдалеке океана. Не отводя глаз от чарующей лунной дорожки, Эмма шла вслед за Черчем. У шоссе она взяла его на руки и опустила на землю на другой стороне, когда они оказались на пляже.

– Ну вот мы и пришли, – сказала она. – Самая большая помойка в мире.

Черч укоризненно посмотрел на нее, явно не оценив шутки, и побежал к воде. Они бок о бок пошли вдоль берега. Ночь была тихой, прибой шуршал не громче ветра. Черч время от времени подбегал к песчаному крабу, но всегда возвращался и шагал чуть впереди Эммы, направляясь к северным созвездиям. Эмма уже начала сомневаться, что кот действительно ведет ее куда-то, как вдруг поняла, что они обогнули гряду скал, отделявшую их с Джулианом секретный пляж, и этот пляж не был пуст.

Эмма замедлила шаг. Песок был залит лунным светом, и прямо в центре пляжа, далеко от линии прибоя, сидел Джулиан. Эмма подошла к нему, неслышно ступая по песку. Он не поднял головы.

Ей редко удавалось посмотреть на Джулиана без его ведома. Было странно, даже немного страшно. В ярком свете луны она могла различить его старые голубые джинсы, босые ноги и даже цвет футболки – красный. Браслет из морских стеклышек светился тусклым светом. Эмма редко жалела, что не умеет рисовать, но в этот момент ей вдруг очень захотелось запечатлеть своего друга всего несколькими точными штрихами – согнутая в колене нога, идеальная дуга спины.

Она остановилась в паре шагов от него.

– Джулс?

Он поднял глаза. Его как будто совсем не удивило ее появление.

– Тебя Черч привел?

Эмма оглянулась, но не сразу отыскала кота, который лизал лапу, сидя на одной из скал.

– Он вернулся, – сказала она, садясь на песок рядом с Джулсом. – Как всегда, погостить.

– Я видел, как ты вышла из-за скал. – Джулиан улыбнулся ей. – Я решил, что мне это снится.

– Тебе не спалось?

Он потер рукой глаза. Костяшки его пальцев были заляпаны краской.

– Можно и так сказать. – Он покачал головой. – Кошмары. Демоны, фэйри…

– Обычное дело для Сумеречных охотников, – заметила Эмма. – Ничего из ряда вон выходящего.

– Да, Эмма, толку от тебя никакого.

Джулиан лег на песок, и его волосы рассыпались темным ореолом вокруг головы.

– Да я сама толковость!

Эмма плюхнулась рядом с ним и посмотрела в небо. Сияние Лос-Анджелеса добиралось и до этого уединенного пляжа, звезды были словно в тумане. Луна то скрывалась в облаках, то снова появлялась на небосклоне. Эмма почувствовала удивительное спокойствие, как будто вдруг оказалась на своем месте. Ей еще не было так хорошо с того момента, как Джулиан и остальные Блэкторны отправились в Англию.

– Я думал о том, что ты сказала, – признался Джулиан. – Обо всех тупиках. Каждый раз мы находили что-нибудь, намекавшее на скорое разрешение загадки с убийством твоих родителей, но на деле все оказывалось пустышкой.

Эмма посмотрела на него. Лунный свет очерчивал его изящный профиль.

– Я подумал, может, это не случайно? – продолжил Джулс. – Может, поиски убийцы нужно было отложить до этого момента? Чтобы ты была готова. Я видел, как ты тренируешься, как оттачиваешь свое мастерство. Ты сражалась все лучше и лучше. С каждым днем. И теперь, кто бы ни был виновен, с чем бы нам ни пришлось столкнуться, ты готова. Ты сможешь одолеть кого угодно. Ты сможешь победить.

В груди у Эммы что-то шевельнулось. В этом был весь Джулс, тот Джулс, которого она знала, который верил в нее сильнее, чем она сама.

– Мне нравится думать, что все происходит не случайно, – тихо сказала она.

– Так и есть. – Он немного помолчал, смотря в небо. – Я считал звезды. По-моему, порой нужно ставить перед собой бессмысленные задачи.

– Помнишь, как детьми мы планировали побег? Собирались ориентироваться по Полярной звезде? – спросила Эмма. – Еще до войны.

Джулиан закинул руку за голову. Его ресницы поблескивали в лунном свете.

– Ага. Я хотел сбежать из дома и вступить во Французский иностранный легион. Взять себе имя Жюльен.

– Да, конечно, ведь *так* тебя бы ни за что не разыскали, – хмыкнула Эмма и повернулась к другу. – Джулс, что тебя тревожит? Я чувствую, что-то не так.

Он не отвечал. Эмма видела, как медленно поднимается и опускается его грудь, но звук его дыхания тонул в шуме прибоя.

Протянув руку, она написала у него на предплечье: «Ч-Т-О Н-Е Т-А-К?»

Джулиан отвернулся от нее и поежился, как будто ему внезапно стало холодно.

– Дело в Марке.

Эмма все еще не видела его лица – только ухо да линию подбородка.

– В Марке?

– Я думал о нем, – сказал Джулиан. – Больше обычного. Понимаешь, Хелен всегда можно позвонить и услышать ее голос, даже если она на острове Врангеля. Но Марк вполне мог погибнуть.

Эмма села.

– Не говори так. Он не погиб.

– Знаю. И как ты думаешь, откуда? – хрипло спросил Джулс. – Я каждую ночь ждал появления Дикой Охоты. Но ни разу не дождался. По статистике, она должна была проскакать здесь хотя бы раз за эти пять лет. Но этого не произошло. Я думаю, Марк этого не допускает.

– Но почему? – Эмма во все глаза смотрела на друга. Пожалуй, еще ни разу она не слышала в его голосе столько горечи.

– Потому что он не хочет нас видеть. Никого из нас.

– Потому что любит вас?

– Или потому что ненавидит. Не знаю. – Джулиан беспокойно заерзал на песке. – Я бы на его месте ненавидел. Порой я и сам его ненавижу.

Помедлив, Эмма призналась:

– Я тоже ненавижу родителей за то, что они погибли. Но только иногда. Джулс, это ведь ничего не значит.

Услышав это, Джулиан повернулся к Эмме лицом. Его глаза казались огромными черными безднами с сине-зелеными ободками.

– Я говорю не о такой ненависти, – тихо сказал он. – Боже, если бы он был здесь, все было бы по-другому. Все сложилось бы по-другому. Мне не нужно было бы каждую ночь оставаться дома, боясь, что Тавви проснется. Не нужно было бы корить себя за то, что я прячусь здесь, на пляже, потому что мне просто хочется вырваться на свободу хоть ненадолго. Тавви, Дрю, Ливви, Тай – у них был бы человек, который смог бы их воспитать. Марку было шестнадцать. А мне – всего *двенадцать.*

– Никто из вас не выбирал…

– Нет, никто из нас не выбирал. – Джулиан сел на песке. – У нас не было выбора. Но если бы у меня был выбор, я бы поступил совершенно иначе.

Эмма понимала, что не нужно задавать вопросов. Джулиан и так был на грани. Но такого не случалось с ним еще ни разу, и она не знала, как вести себя, как *быть.*

– Как? – прошептала она.

– Я вряд ли принес бы клятву парабатая, – четко, ясно и жестко ответил Джулиан.

Эмма содрогнулась. Ей показалось, что она зашла в океан по колено и ее вдруг сильно ударило волной.

– Ты правда так думаешь? – спросила она. – Ты не принес бы клятвы? Со мной?

Джулиан поднялся. Луна полностью вышла из-за облаков и сияла так ярко, что Эмма могла различить все оттенки красок на руках у друга. На его лице, на скулах, на гладкой коже висков, на подбородке плясали тени. Цвет его глаз казался древним, первобытным, первородным.

– Нет, – ответил он. – Не принес бы.

– *Джулс,* – выдохнула Эмма, почувствовав и боль, и раздражение, но Джулиан уже пошел прочь, к линии прибоя. Когда Эмма сумела подняться, он был возле скал. Длинной, узкой тенью он перебрался через них и растворился вдали.

При желании она могла бы догнать его, но ей не хотелось. Впервые в жизни ей не хотелось говорить с Джулианом.

Что-то шевельнулось у щиколоток. Эмма наклонила голову и увидела Черча. В желтых глазах кота читалось сочувствие, поэтому она взяла его на руки и прижала к себе, слушая его мурлыканье сквозь шум набегающих волн.

Идрис, 2007 год, Темная война

Когда Джулиану Блэкторну было двенадцать, он убил своего отца.

Само собой, обстоятельства были чрезвычайными. На самом деле его отец больше не был его отцом. Скорее чудовищем с лицом отца. И все же ночью, когда Джулиана одолевали кошмары, это не имело значения. Он видел лицо Эндрю Блэкторна и меч в своей руке, а потом этот меч обрушивался на отца – и он все понимал.

Он проклят.

Так случается, когда убиваешь собственного отца. Боги проклинают тебя. Так сказал его дядюшка, а дядюшка знал уйму всего, особенно того, что связано с богами, проклятиями и платой за кровопролитие.

Джулиан знал о кровопролитии немало, гораздо больше, чем следует знать мальчишке в двенадцать лет. И все это из-за Себастьяна Моргенштерна, который развязал Темную войну, который чарами и обманом превратил обычных Сумеречных охотников в бездумных и бесчувственных убийц. Он создал целую армию. Армию, которая должна была сокрушить всех нефилимов, отказавшихся присоединиться к нему.

Джулиан, его братья и сестры и Эмма прятались в Зале Соглашений. Крупнейший зал Идриса, он был построен так, чтобы выдержать натиск любого врага. Но Сумеречным охотникам – даже тем, кто потерял свою душу, – вход в него был открыт.

Громадные двери распахнулись, темные Сумеречные охотники ворвались в зал и принесли с собой смерть, которая, подобно ядовитому газу, всюду следовала за ними. Они убивали стражей и детей, которых они стерегли. Им было все равно. У них не оставалось ни единого проблеска сознания.

Дети отступали все дальше. Джулиан постарался собрать всех вместе: к нему прижались серьезные близнецы Ливви и Тай, восьмилетняя Дрю и малыш Тавви. Сам Джулиан встал перед ними и широко раскинул руки, как будто мог защитить всех младших братьев и сестер, как будто своим телом мог создать такую стену, которую было не сломить смерти.

А затем смерть подошла прямо к нему. Темный Сумеречный охотник с сияющими демоническими рунами на коже, со спутанными каштановыми волосами и налитыми кровью сине-зелеными глазами, так похожими на глаза Джулиана.

Его отец.

Джулиан поискал взглядом Эмму, но она сражалась с воином-фэйри, яростно орудуя мечом, Кортаной, который сверкал у нее в руках. Джулиану хотелось ей помочь – и хотелось отчаянно, – но он не мог бросить детей. Их нужно было защитить. Его старшей сестры в зале не было, а старшего брата забрала с собой Дикая Охота. Оставался только он.

И в этот момент Эндрю Блэкторн подошел совсем близко. У него на лице алели кровавые порезы. Его кожа казалась серой и безжизненной, но он крепко держал в руках меч и не спускал глаз с собственных детей.

– Тай, – хрипло произнес он и посмотрел на Тиберия. В его глазах был ненасытный голод. – Тиберий. Мой Тай. Подойди ко мне.

Серые глаза Тая округлились. Его сестра Ливия вцепилась в него, но он все равно пошел вперед, к отцу.

– Папа? – сказал он.

Улыбка словно расколола пополам лицо Эндрю Блэкторна, и Джулиану показалось, что в пропасти этой улыбки он увидел все: первобытное зло, неизбывную тьму, само чудовищное, смертоносное ядро всего ужаса и хаоса, которые двигали телом, некогда принадлежавшим его отцу. Эндрю Блэкторн говорил нараспев:

– Иди ко мне, мой мальчик, мой Тиберий…

Тай сделал еще один шаг, и тут Джулиан выхватил меч из ножен и сделал выпад.

Ему было двенадцать. Он был не слишком силен и не слишком умел. Но боги, которые вскоре возненавидят его, должно быть, улыбнулись его выпаду, потому что меч полетел вперед, как стрела, как пуля, и вошел в грудь Эндрю Блэкторна, и повалил его на землю. Эндрю погиб, еще не коснувшись мраморного пола, и кровь залила все вокруг темно-красным потоком.

– Ненавижу тебя! – Тай накинулся на Джулиана, а Джулиан обхватил младшего брата руками, снова и снова благодаря Ангела за то, что Тай жив, что он дышит, что он колотит его по груди и смотрит на него полными слез и злобы глазами. – Ты убил его, и я тебя ненавижу, ненавижу…

Ливви схватила Тая за спину и попыталась его оттащить. Джулиан чувствовал, как кровь струится по жилам Тая, как поднимается и опускается его грудь. Он чувствовал силу ненависти брата и понимал, что это означает лишь одно – он *жив. Они все живы. Успокаивающая Тая Ливви, которая все гладила его по спине, испуганная Дрю, смотревшая вокруг огромными, полными ужаса глазами, и безутешно рыдающий малыш Тавви.*

И Эмма. Его Эмма.

Он совершил самый древний и самый страшный из грехов: он убил собственного отца, человека, который подарил ему жизнь.

И он готов был сделать это снова.

Что же он за человек?

5
Знатная родня

– Итак, когда были подписаны первые Соглашения? – спросила Диана. – И в чем была их суть?

День был особенно ярким, и учиться совсем не хотелось. В высокие окна светило солнце, лучи били прямо в доску, вдоль которой, похлопывая стилом по ладони, вышагивала взад-вперед Диана. План урока был написан очень неразборчиво: Эмма смогла лишь вычленить слова «Соглашения», «Холодное перемирие» и «эволюция Закона».

Она искоса поглядывала на Джулса, но тот с головой ушел в какие-то бумаги. Сегодня они еще не разговаривали, лишь перекинулись парой слов за завтраком, но это не выходило за рамки обычной вежливости. Проснувшись, Эмма почувствовала пустоту внутри, а пальцы болели от того, что она всю ночь сжимала одеяло.

Еще и Черч убежал, пока она спала. Глупый кот.

– Их подписали в 1872 году, – ответила Кристина. – Это серия договоров между представителями Нижнего мира и нефилимами. Их цель заключалась в поддержании мира и установлении ряда правил, которым обязаны были следовать все стороны.

– Кроме того, они защищали обитателей Нижнего мира, – добавил Джулиан. – До принятия Соглашений Сумеречные охотники не имели права вмешиваться в дела нижнемирцев, если те вступали в противоборство между собой. Соглашения обеспечили жителей Нижнего мира нашей защитой. – Он сделал паузу. – По крайней мере, так было до Холодного перемирия.

Эмма помнила, как впервые услышала о Холодном перемирии. Они с Джулианом присутствовали в Зале Соглашений, когда было предложено наказать фэйри за участие в Темной войне Себастьяна Моргенштерна. Тогда ее обуяли противоречивые чувства. Ее родители погибли из-за этой войны, но разве любимые ею Марк и Хелен заслуживали наказания лишь потому, что в их жилах текла кровь фэйри?

– А где было подписано Холодное перемирие? – спросила Диана.

– В Идрисе, – ответила Ливви. – В Зале Соглашений. При подписании мира должны были присутствовать все, кто обычно участвует в заключении Соглашений, но Королева Благого Двора и Король Неблагого так и не появились, поэтому перемирие было подписано без них.

– Как повлияло на фэйри заключение Холодного мира? – Диана посмотрела на Эмму, но та опустила глаза.

– Фэйри потеряли защиту, дарованную им Соглашениями, – объяснил Тай. – Нам запрещается помогать им. Они не имеют права даже вступать в контакт с Сумеречными охотниками. Взаимодействовать с фэйри имеют право только Центурионы Схоломанта, а также Консул и Инквизитор.

– За владение оружием фэйри может быть приговорен к смертной казни, – дополнил его ответ Джулс. Он казался измученным. У него под глазами лежали синие тени.

Эмме очень хотелось, чтобы он хотя бы взглянул на нее. Они с Джулианом *никогда* не ссорились. Ни разу. Интересно, он был так же расстроен, как она сама? В голове у нее снова и снова вертелись его слова о том, что он не стал бы приносить клятву парабатая. Имел ли он в виду, что вообще не хотел иметь парабатая, или же он не желал видеть на этом месте именно ее?

– Тавви, что такое Конклав? – Для всех остальных вопрос был слишком легким, но Тавви обрадовался, что может ответить хотя бы на него.

– Это правительство Сумеречных охотников, – сказал он. – В Конклав входят все взрослые Сумеречные охотники. Решения принимает Совет. В Совет входят три обитателя Нижнего

мира, каждый из которых представляет одну из рас: чародеев, оборотней и вампиров. После Темной войны в Конклаве не осталось представителя фэйри.

– Очень хорошо, – похвалила его Диана, и Тавви просиял. – Кто может перечислить другие изменения, произведенные Советом после войны?

– Была заново открыта Академия Сумеречных охотников, – ответила Эмма. Эту тему она знала прекрасно – Консул предложил ей войти в число первых студентов Академии, но она решила остаться с Блэкторнами. – Теперь там учится множество Сумеречных охотников, а также проходят подготовку к Восхождению простецы, которые хотят стать нефилимами.

– Также был возрожден Схоломант, – добавил Джулиан. Он поднял голову, и его темные блестящие локоны легли ему на щеку. – Он существовал еще до подписания первых Соглашений. Когда фэйри предали Совет, было решено открыть его заново. В Схоломанте занимаются научными исследованиями, готовят Центурионов…

– Только представьте, каково было в Схоломанте, пока он столько лет стоял закрытым! – мечтательно воскликнула Дрю, в глазах которой вспыхнула любовь к ужасам. – Высоко в горах, заброшенный и темный, полный пауков, теней и призраков…

– Если хочешь представить себе страшное место, подумай о Городе Костей, – предложила ей Ливви.

В Городе Костей жили Безмолвные Братья; он представлял собой сеть подземных тоннелей, построенных из праха мертвых Сумеречных охотников.

– Я бы поехал в Схоломант, – вдруг признался Тай.

– А я – ни за что, – сказала Ливви. – Центурионам нельзя иметь парабатая.

– Я бы все равно поехал, – стоял на своем Тай. – И ты бы могла при желании.

– Я не хочу в Схоломант, – покачала головой Ливви. – Он же в самом сердце Карпатских гор. Там жутко холодно и бродят медведи.

Тай просиял – ему всегда нравилось, когда речь заходила о животных.

– Медведи? – переспросил он.

– Хватит болтать, – велела Диана. – Когда был повторно открыт Схоломант?

Сидевшая ближе всех к окну Кристина подняла руку, чтобы прервать ход урока.

– Там кто-то идет по тропинке к парадной двери, – сказала она. – Точнее, даже несколько человек.

Эмма снова взглянула на Джулса. Мало кто приходил в Институт без предварительного предупреждения – таких визитеров можно было пересчитать по пальцам. Даже большинство членов Конклава назначали встречу с Артуром заранее. Впрочем, может, незнакомцы и назначили встречу с Артуром, но по выражению лица Джулиана было очевидно, что он об этом ничего не знал.

Кристина поднялась на ноги.

– Вы только посмотрите! – воскликнула она.

Все подскочили к огромному окну, которое занимало практически всю стену класса. Оно выходило на лужайку перед Институтом и извилистую тропинку, которая вела к нему от самого пляжа. На синем небе не было ни облачка. Солнце поблескивало на серебристой упряжи трех коней, на спинах которых без седел сидели молчаливые всадники.

– *Hadas,* – по-испански пробормотала пораженная Кристина. – Фэйри.

Так оно и было. Первым шел черный конь. На нем сидел всадник в черных доспехах, похожих на броню из сожженных листьев. Второй конь тоже был черным, но на всаднике была мантия цвета слоновой кости. Последним шел гнедой конь, на котором восседал всадник, с ног до головы укутанный в одежды землистого цвета. Невозможно было определить, мужчина это или женщина, ребенок или взрослый.

– «И первыми черные кони пройдут, и только потом – гнедые», – пробормотал Джулиан, цитируя старинную балладу фэйри. – Один в черном, один в коричневом и один в белом –

это официальная делегация. От одного из Дворов. – Джулиан посмотрел на Диану, которая стояла в другом конце класса. – Я не знал, что у Артура назначена встреча с посланцами фэйри. Думаете, он известил Конклав?

Диана озадаченно покачала головой.

– Я не знаю, – ответила она. – При мне он об этом не упоминал.

Джулиан напрягся всем телом. Эмма понимала его опасения. Делегации фэйри наносили визиты крайне редко и лишь по очень серьезным поводам. Для такой встречи требовалось предварительное одобрение Конклава. Даже если встречу проводил глава Института.

– Диана, мне нужно идти, – сказал Джулиан.

Нахмурившись, Диана постучала стилом по ладони и в конце концов кивнула.

– Хорошо. Иди.

– Я пойду с тобой. – Эмма спрыгнула с подоконника.

Джулиан повернулся у самой двери.

– Нет, – сказал он. – Все в порядке. Я разберусь сам.

Он вышел из класса. Эмма не двигалась.

Обычно, если Джулиан говорил ей, что ее помощь не требуется или что он хочет поработать один, она не придавала этому значения. Невозможно ведь все время было находиться вместе.

Но ночной разговор выбил ее из колеи. Она не понимала, что происходит с Джулсом, и не знала, действительно ли он решил справиться в одиночку или же просто разозлился на нее, или на себя, или на них обоих.

Но то, что Волшебный народ опасен, она знала наверняка, а потому нельзя было допустить, чтобы Джулиан один встречал незваных гостей.

– Я пойду вместе с ним, – объявила она и направилась к двери. По дороге она остановилась, чтобы снять Кортану, которая висела у входа.

– Эмма, – с нажимом сказала Диана, – будь осторожна.

Когда фэйри в прошлый раз пришли в Институт, они помогли Себастьяну Моргенштерну лишить отца Джулиана души. Они забрали Марка.

Эмма тогда увела с собой Тавви и Дрю. Она помогла спасти жизни младших братьев и сестер Джулиана. Они едва успели вырваться из Института живыми.

Но тогда Эмма еще не умела сражаться. В двенадцать лет она еще не убила ни одного демона. Она еще не потратила целые годы на тренировки, не научилась бороться, защищаться и убивать.

Теперь же ничто не могло заставить ее отступить.

Фэйри.

Джулиан бежал по коридору в свою комнату. Мысли путались.

Фэйри на пороге Института. Три коня: два черных, один гнедой. Посланцы одного из Дворов, хотя и неясно, от какого именно – Благого или Неблагого. И никакого знамени в руках.

Они захотят поговорить. Если фэйри что-то и умели, так это одурачивать людей разговорами. Даже Сумеречных охотников. Они умели выжать правду из лжи и разглядеть ложь в самом сердце правды.

Джулиан схватил куртку, которую надевал накануне. Вот, во внутреннем кармане. Флакон, который принес ему Малкольм. Он не ожидал, что придется прибегнуть к нему так скоро. Он надеялся…

Впрочем, какая уже разница? Он вспомнил об Эмме и о целом калейдоскопе рухнувших надежд, которые были с ней связаны. Но не время было думать об этом. Сжав флакон в руке, Джулиан побежал обратно. Достигнув конца коридора, он распахнул дверь в мансарду, взлетел по ступенькам и ворвался в кабинет дядюшки.

Дядюшка Артур сидел за столом. На нем была поношенная футболка, джинсы и мягкие туфли. Каштановые, с проседью волосы доходили ему почти до плеч. Он сравнивал между собой две толстые книги, бормотал что-то себе под нос и делал заметки.

– Дядя Артур! – Джулиан подбежал к его столу. – Дядя Артур!

Дядюшка Артур лишь отмахнулся от него.

– Я очень занят. Очень занят, Эндрю.

– Это Джулиан. – Он зашел за спину Артуру и захлопнул обе книги. Тот удивленно посмотрел на него. Его подернутые поволокой сине-зеленые глаза округлились. – Там посланцы. От фэйри. Ты знал, что они придут?

Казалось, Артур ушел в себя.

– Да, – наконец кивнул он. – Они присылали мне письма, очень много писем. – Он покачал головой. – Но зачем? Все это под запретом. Фэйри теперь не имеют права обращаться к нам.

Джулиан молча взмолился о терпении.

– Дядюшка Артур, где эти письма?

– Они были написаны на листьях, – сказал Артур. – А листья сохнут и ломаются. Все, к чему прикасаются фэйри, ломается, вянет и умирает.

– Но что *было* в этих письмах?

– Они были очень настойчивы. Просили встречи.

Джулиан глубоко вздохнул.

– Дядюшка Артур, ты знаешь, *зачем* им эта встреча?

– Они точно упоминали об этом… – нервно ответил дядюшка Артур. – Но я не могу припомнить. – Он посмотрел в глаза Джулиану. – Может, Нерисса в курсе.

Джулиан похолодел. Нерисса была матерью Марка и Хелен. Джулиан мало о ней знал – принцесса эльфов, очень красивая, если верить Хелен, и очень жестокая. Она умерла много лет назад, и в удачные дни Артур помнил об этом.

У Артура бывали разные дни: спокойные, когда он молча сидел, не отвечая на вопросы, и темные, когда он был сердит, подавлен и даже резок. Сегодня дядюшка Артур заговорил о мертвых, а это означало, что день у него не темный и не спокойный, а худший из всех – хаотичный. В такие дни Джулиан совсем не мог предугадать поведение Артура: он то сгорал от злости, то рыдал в три ручья. В такие дни в душу к Джулиану начинала закрадываться паника.

Дядюшка Артур не всегда был таким. Джулиан помнил его спокойным, молчаливым человеком, который редко появлялся на семейных торжествах. Он был вполне вменяем, когда в Зале Соглашений заявил, что готов взять на себя управление Институтом. Только очень, очень близко знакомые с ним люди могли заподозрить что-то неладное.

Джулиан знал, что отца и Артура держали в тюрьме у фэйри. Что Эндрю влюбился в леди Нериссу и она родила ему двоих детей – Марка и Хелен. Но происходившее с Артуром те годы было окутано завесой тайны. Его безумие, как назвал бы это Конклав, по мнению Джулиана, было вызвано фэйри. Если они и не свели его с ума, то заронили в него семя безумия – и в результате разум Артура стал хрупким, словно стеклянный замок. А годы спустя, во время атаки на Лондонский Институт, этот замок разлетелся на куски.

Джулиан накрыл ладонью руку Артура. Рука дядюшки была худой, словно у немощного старика: сквозь кожу проступали кости.

– К сожалению, тебе придется пойти на встречу, – сказал Джулиан дядюшке Артуру. – Если ты не появишься, у них возникнут подозрения.

Артур снял очки и потер переносицу.

– Но моя монография…

– Знаю, она очень важна, – кивнул Джулиан. – Но это тоже важно. Не только для Холодного перемирия, но и для нас. Для Хелен. Для Марка.

– Ты помнишь Марка? – удивился Артур. Без очков его глаза казались ярче. – Это было так давно.

– Не так уж давно, дядюшка, – возразил Джулиан. – Я прекрасно его помню.

– Мне кажется, что все случилось только вчера, – пожал плечами Артур. – Я помню воинов-фэйри. Они пришли в Лондонский Институт в доспехах, залитых кровью. Крови было столько, словно они стояли в рядах ахейцев, когда Зевс обрушил на них кровавый дождь. – Рука, которой он держал очки, затряслась. – Я не смогу встретиться с ними.

– Но ты должен, – с нажимом произнес Джулиан. Он подумал обо всем невысказанном: что он во время Темной войны был совсем ребенком, что он видел, как фэйри убивают детей, что он слышал крики Дикой Охоты. Но он ничего не сказал. – Дядюшка, ты обязан с ними встретиться.

– Если бы у меня было лекарство… – тихо начал Артур. – Но все закончилось, пока тебя не было.

– Оно у меня с собой. – Джулиан вынул флакон из кармана. – Нужно было попросить Малкольма приготовить еще.

– Я забыл. – Артур снова водрузил очки на нос и принялся наблюдать, как Джулиан растворяет лекарство в стакане воды. – Я забыл, как его найти… кому доверять…

– Ты можешь доверять мне, – дрогнувшим голосом заверил его Джулиан и протянул дядюшке стакан. – Вот. Ты ведь знаешь, какие эти фэйри. Они питаются человеческим беспокойством и извлекают из него выгоду. Но с этим лекарством они тебя не проймут, даже если они решат провернуть одну из своих штучек.

– Верно.

Артур посмотрел на стакан со смесью желания и страха в глазах. Содержимое подействует примерно на час, может, даже меньше. Потом у него будет раскалываться голова, и из-за этой боли он на несколько дней сляжет в постель. Джулиан редко давал ему лекарство – побочные эффекты обычно лишали его всякой ценности, но сейчас без него было не обойтись. Его нужно было выпить.

Дядюшка Артур сомневался. Он медленно поднес стакан ко рту, медленно набрал воду в рот. Медленно проглотил ее.

Зелье действовало мгновенно. Вокруг Артура все внезапно прояснилось, обрело четкие, ровные очертания, как небрежный набросок, превращенный в прекрасную картину. Артур поднялся на ноги и потянулся за пиджаком, который висел на крючке возле стола.

– Джулиан, помоги мне найти приличную одежду, – сказал он. – В Убежище нужно выглядеть подобающе.

Убежище было в каждом Институте.

Так повелось давно. Институт совмещал в себе функции ратуши и резиденции: и Сумеречные охотники, и обитатели Нижнего мира приходили в Институт, чтобы встретиться с его главой. Глава Института был местным представителем Конклава. Во всей Южной Калифорнии не нашлось бы Сумеречного охотника влиятельнее, чем глава Лос-Анджелесского Института. И безопаснее всего было встречаться с ним в Убежище, где всех жителей Нижнего мира защищали клятвы, а вампиры вдобавок могли не бояться ненароком ступить на освященную землю.

В Убежище было две двери. Одна выходила на улицу, и ею мог воспользоваться любой. Войдя в эту дверь, он оказывался в просторной комнате с каменными стенами. Вторая вела в Институт. Как и парадная дверь Института, она открывалась только перед теми, у кого в жилах текла кровь Сумеречных охотников.

Эмма приостановилась на площадке лестницы, чтобы из окна взглянуть на делегацию фэйри. Кони ждали всадников у главного входа. Скорее всего, посланцы Волшебного народа

не в первый раз общались с Сумеречными охотниками, а если так, то они, должно быть, уже зашли в Убежище.

Дверь, соединявшая Убежище с Институтом, находилась в конце коридора, ведущего к парадному ходу. Она была окована медью, которая давно покрылась патиной; по периметру были начертаны защитные и приветственные руны, оплетавшие ее подобно виноградным лозам.

Из-за двери до Эммы доносились незнакомые голоса: один – чистый, как вода, другой – резкий, точно хруст сухой ветки. Крепче сжав Кортану в руке, Эмма вошла внутрь.

Убежище имело форму полумесяца, а окна его выходили на горы: на тенистые каньоны и склоны, покрытые серебристо-зелеными зарослями. Солнца за горами было не видно, но комнату заливал яркий свет люстры, висящей под потолком. Свет отражался в ее хрустальных подвесках и падал на клетчатый пол, выложенный чередующимися плитками темного и светлого дерева. Забравшись на люстру и взглянув на него сверху, можно было увидеть, что клетки складывались в руну Ангельской Силы.

Эмма, конечно, ни за что бы не призналась, что она это проделывала. Хотя сверху и открывался прекрасный вид на массивное каменное кресло главы Института.

В центре комнаты стояли фэйри, только двое – тот, что в белой мантии, и тот, что в черных доспехах. Коричневого всадника нигде не было видно. Не было видно и лиц гостей. Из рукавов выглядывали длинные, бледные пальцы, но Эмма не могла понять, принадлежат они мужчинам или женщинам.

Она чувствовала исходящую от них мощь, физически ощущала их принадлежность к другому миру. Казалось, ее кожу обдувает легкий ветерок, прохладный и влажный, пахнущий корнями, и листьями, и цветами жакаранды.

Рассмеявшись, фэйри в черном откинул капюшон. Эмма во все глаза смотрела на него. Кожа цвета темной зелени, длинные когти на пальцах, желтые совиные глаза. Плащ с рисунком из рябиновых листьев.

Это был тот самый фэйри, которого она видела в баре «Саркофаг».

– Вот мы и встретились снова, красавица, – сказал он, и его рот, напоминавший трещину в древесной коре, изогнулся в улыбке. – Я Иарлаф от Неблагого Двора. В белом – мой компаньон Кьеран от Дикой Охоты. Кьеран, опусти капюшон.

Второй фэйри поднял худые руки – его квадратные ногти были практически прозрачны, – взялся за капюшон и отбросил его властным, почти бунтарским жестом.

Эмма с трудом сдержалась, чтобы не ахнуть. Он был красив. Не так, как Джулиан или Кристина, не так, как красивы люди, а как красив острейший край Кортаны. Он выглядел молодо, лет на шестнадцать или семнадцать, но был, скорее всего, старше. Темные волосы с легким синим отливом обрамляли точеное лицо. Легкая туника и брюки износились и выцвели: когда-то они были весьма элегантны, но сейчас смотрелись несколько куце на его изящном, гибком теле. Его широко посаженные глаза были разных цветов: левый – черный, а правый – серебристый. На нем были потрепанные белые перчатки, которые свидетельствовали, что он принц фэйри, но глаза… Глаза говорили, что он из Дикой Охоты.

– Вы пришли из-за того, что случилось позавчера? – спросила Эмма, переводя взгляд с Иарлафа на Кьерана. – В баре «Саркофаг»?

– Отчасти, – ответил Иарлаф. Его голос был скрипуч, как сухие деревья на ветру в чаще сказочного леса, населенного лишь чудовищами. Эмма удивилась, что не заметила этого в баре.

– Эта та самая девушка? – Голос Кьерана был совсем иным: чарующий, хоть и холодноватый, он напоминал шуршание теплых волн, ласкающих берег, залитый бледным светом дня. Кьеран посмотрел на Эмму, как на диковинный цветок, словно не понимая, нравится она ему или нет. – Она красивая. Не думал, что она красивая. Ты об этом не упоминал.

– Ты никогда не мог устоять перед светлыми волосами, – пожал плечами Иарлаф.

– Да ладно, прямо так? – Эмма щелкнула пальцами. – Я ведь *рядом* стою! И меня не предупредили, что я приглашена на шоу «Кто сексуальнее?».

– Меня не предупредили, что ты вообще приглашена, – процедил Кьеран. Он говорил совсем обыденно, как будто часто общался с людьми.

– Как грубо! – воскликнула Эмма. – Вообще-то вы у меня дома. И что вы здесь делаете? Пришли сказать мне, что он, – она показала на Иарлафа, – не виновен в убийстве в «Саркофаге»? Неужели вы сделали такой крюк, только чтобы сказать, что он его не совершал?

– О, не смеши меня, – бросил Иарлаф. – Само собой, я его не убивал.

При любых других обстоятельствах Эмма не обратила бы внимания на его фразу. Но фэйри не умели лгать. По крайней мере, чистокровные фэйри. Фэйри-полукровки, как Марк и Хелен, могли говорить неправду, но их на свете было очень мало.

Эмма скрестила руки на груди.

– Повторяй за мной: «Я не убивал ту жертву, о которой ты говоришь, Эмма Карстерс», – сказала она. – И я пойму, что это правда.

Желтые глаза Иарлафа обратились к Эмме. Он не пытался скрыть своего неодобрения.

– Я не убивал ту жертву, о которой ты говоришь, Эмма Карстерс.

– Тогда зачем вы пришли? – спросила Эмма. – Или всему виной романтика? Мы встретились, проскочила искра… Прости, я не встречаюсь с деревьями.

– Я не дерево. – Иарлаф явно был очень зол, его кора слегка топорщилась.

– Эмма, – предостерегающе произнес кто-то сзади.

Обернувшись, Эмма, к собственному удивлению, увидела на пороге Артура Блэкторна. Он стоял у входа в Убежище в скучном темном костюме. Его волосы были аккуратно зачесаны назад. При виде него Эмма содрогнулась: дядюшка Артур давно не носил ничего, кроме истрепанной мантии или старых, заляпанных кофе штанов.

Рядом с ним стоял Джулиан. Его каштановые волосы растрепались. Эмма попыталась найти у него на лице признаки раздражения, но их не было – он выглядел, как человек, который только что пробежал марафон и с трудом держался на ногах, боясь в любую минуту упасть от изнеможения и облегчения.

– Прошу прощения за поведение своих подопечных, – сказал Артур, входя в комнату. – Хотя перепалки в Убежище и не запрещены, они противоречат нашим принципам. – Он опустился в массивное каменное кресло под люстрой. – Я Артур Блэкторн. Это мой племянник Джулиан Блэкторн. – Джулиан, который тоже подошел к креслу, в знак приветствия кивнул, после чего Кьеран и Иарлаф также представились. – Теперь, прошу вас, расскажите, что вас привело.

Фэйри переглянулись между собой.

– Что? – удивился Кьеран. – И ни слова о Холодном мире и о том, что этот визит противоречит вашему Закону?

– Мой дядя не признает Холодный мир, – объяснил Джулиан. – И не любит обсуждать свою позицию. Правила знакомы вам не хуже, чем нам. Раз вы решили нарушить их, причина должна быть веской. Если вы не хотите сообщать нам о ней, моему дяде придется попросить вас уйти.

Кьеран гордо поднял голову.

– Что ж, – сказал он, – мы пришли попросить об услуге.

– Об *услуге*? – пораженно переспросила Эмма.

В Холодном мире было ясно сказано: Сумеречным охотникам запрещается помогать Благому и Неблагому Дворам. Главы Дворов не явились на подписание мира, продемонстрировав тем самым свое презрение к нему, и это стало их наказанием.

– Полагаю, вы неверно все поняли, – холодно произнес Артур. – Возможно, вы знаете о моих племянниках и считаете, что коль скоро Марк и Хелен приходятся нам родней, то здесь

вам окажут лучший прием, чем в любом другом Институте. Но мою племянницу отправили в ссылку из-за условий Холодного мира, а племянника забрали у нас вы.

Кьеран слегка улыбнулся уголком рта.

– Вашу племянницу отправили в изгнание Сумеречные охотники, а не фэйри, – сказал он. – А что до вашего племянника…

Артур с шумом втянул в себя воздух. Его пальцы впились в подлокотники кресла.

– Консула толкнуло на это предательство Королевы Благого Двора. Воины Неблагого Двора сражались бок о бок с ее воинами. Руки всех фэйри в крови. Мы здесь не слишком любим фэйри.

– Марка забрал не Холодный мир, – заметил Джулиан, щеки которого пылали огнем. – Это были вы. Дикая Охота. Мы видим по твоим глазам, что ты скачешь по небу в свите Гвина. Не отрицай этого!

– О, – усмехнувшись, бросил Кьеран, – я и не думал этого отрицать.

От Эммы не укрылось, как судорожно Джулиан вдохнул.

– Тогда ты знаешь моего брата.

– Конечно, знаю, – по-прежнему ухмыляясь, ответил Кьеран.

Казалось, Джулиан с трудом держит себя в руках.

– *Что ты знаешь о Марке?*

– Откуда такое удивление? – поинтересовался Иарлаф. – Мы ведь писали о Марке из Дикой Охоты в отправленном вам письме.

Эмма заметила, как исказилось лицо Джулиана, и быстро выступила вперед, желая избавить его от необходимости задавать вопросы.

– В каком еще письме? – спросила она.

– Оно было написано на листе, – сказал Артур. – И этот лист обратился прахом. – Достав из нагрудного кармана носовой платок, он промокнул себе лоб. – Там говорилось об убийствах. О Марке. Я не поверил ни единому слову. Я…

Джулиан шагнул вперед и заслонил собой дядюшку.

– Об убийствах?

Кьеран посмотрел на Джулиана, и его разноцветные глаза потемнели. Эмме стало не по себе от осознания того, что Кьеран полагал, будто ему известно о ее парабатае кое-что такое, чего не знает она сама.

– Вы ведь знаете об убийствах, – сказал он. – Эмма Карстерс нашла одно из тел. Мы знаем, что вы слышали и об остальных.

– А какое вам до них дело? – спросил Джулиан. – Фэйри обычно не вмешиваются в кровавые бойни мира людей.

– Обычно да. Но на этот раз пролилась кровь фэйри, – ответил Кьеран и обвел взглядом их удивленные лица. – Как вы знаете, от рук убийцы пали и фэйри. Он издевался над ними. Поэтому Иарлаф и был в том баре. Поэтому Эмма Карстерс и заметила его. Вы выслеживали одну добычу.

Иарлаф запустил руку в карман плаща и вытащил пригоршню блестящей слюды. Он подбросил ее в воздух, и частички рассыпались и зависли на месте, сложившись в объемные изображения. Изображения тел, принадлежащих фэйри. Все эльфы, все похожи на людей. И все мертвы. У всех на коже – те же угловатые письмена, которые покрывали тело, найденное Эммой в переулке.

Сама того не замечая, Эмма подалась вперед, пытаясь лучше разглядеть иллюзию.

– Что это? Магические фотографии?

– Воспоминания, сохраненные магическим способом, – объяснил Иарлаф.

– Иллюзии, – заметил Джулиан. – А иллюзии лгут.

Иарлаф повел рукой, и изображение изменилось. Перед Эммой вдруг появился мертвый мужчина, которого она нашла в том переулке три ночи назад. Изображение было очень точным – сходилось все, вплоть до гримасы ужаса у него на лице.

– Лжет ли эта? – спросил Иарлаф.

Эмма посмотрела на него.

– Так ты его видел. Должно быть, ты нашел его раньше меня. А я все думала…

Иарлаф закрыл ладонь, и сверкающие частицы слюды осели на пол, словно капли дождя. Иллюзии исчезли.

– Видел. Он уже был мертв. Я не мог ему помочь. Я оставил его тебе.

Эмма ничего не ответила. По картинке было ясно, что Иарлаф говорил правду.

К тому же, фэйри не умели лгать.

– Мы знаем, погибли и Сумеречные охотники, – сказал Кьеран.

– Сумеречные охотники часто погибают, – заметил дядюшка Артур. – Им негде спрятаться.

– Это не так, – возразил Кьеран. – Есть места, где они под защитой.

– Мои родители… – начала Эмма, не обращая внимания на Джулиана, который качал головой, словно говоря: «Не рассказывай им, не делись информацией, ничего им не выдавай». Она понимала, что он, скорее всего, прав, фэйри любили выпытывать секреты и оборачивать их против тебя, но если есть хоть шанс, хоть маленький шанс, что им что-то известно… – Тела моих родителей нашли с такими же письменами на коже. Это было пять лет назад. Когда Сумеречные охотники попытались переместить тела, те рассыпались в прах. Мы знаем о письменах исключительно потому, что нефилимы успели сделать фотографии.

Кьеран взглянул на нее, сверкнув глазами, откровенно нечеловеческими: черный глаз был слишком темен, а серебристый сиял металлическим блеском, но вместе они создавали впечатление ослепительной, неземной красоты.

– Мы знаем о твоих родителях, – сказал он. – Знаем об их гибели. Мы знаем, что их тела были покрыты письменами на демоническом языке.

– Они были изуродованы этими письменами, – поправила его Эмма, дыша неровно и быстро и чувствуя на себе взгляд Джулиана, как молчаливое напоминание о том, что он рядом, о том, что он поддерживает ее. – Обезображены. А не *покрыты*.

Кьеран и бровью не повел.

– Еще мы знаем, что вы долгие годы пытались расшифровать эти письмена, но не добились успеха. Мы можем помочь вам с этим.

– Что именно вы предлагаете? – уточнил Джулиан. Его глаза, да и вся его поза выражали обеспокоенность. Эмма чувствовала его напряжение и сдержалась, хотя ей очень хотелось засыпать пришельцев вопросами.

– Ученые Неблагого Двора исследовали письмена, – сказал Иарлаф. – Похоже, это древний язык фэйри. Из тех времен, которые вы, люди, и не помните. Из тех времен, когда на земле еще и не слыхивали о нефилимах.

– А фэйри были крепче связаны со своими демоническими прародителями, – хрипло добавил Артур.

Кьеран презрительно изогнул губы, словно дядюшка Артур оскорбил его.

– Наши ученые уже приступили к переводу, – сказал он и вытащил из кармана плаща несколько листов тонкой, похожей на пергамент бумаги. Эмма узнала столь хорошо знакомые ей письмена. Под рунами виднелись слова, написанные тонким почерком.

Сердце Эммы забилось чаще.

– Они перевели первую фразу, – объяснил Кьеран. – Она похожа на заклинание. И здесь наши знания нас подводят: Волшебный народ не творит заклинаний, это удел чародеев…

– Вы перевели первую фразу? – воскликнула Эмма. – И что в ней говорится?

– Мы скажем вам, – ответил Иарлаф, – и поделимся с вами тем, что уже успели выяснить наши ученые, если вы примете наши условия.

Джулиан с подозрением посмотрел на них.

– Почему вы перевели только первую фразу? Почему не весь текст?

– Едва ученые раскрыли смысл самой первой фразы, Король Неблагого Двора запретил им продолжать изыскания, – сказал Кьеран. – Это заклинание черной магии, демонической по своей природе. Король не пожелал, чтобы она пробудилась среди фэйри.

– Но вы могли бы продолжить сами, – возразила Эмма.

– Король запретил всем фэйри прикасаться к этим словам, – осадил ее Иарлаф. – Но это не значит, что отныне мы не будем вмешиваться в дело. Мы полагаем, что эти строки, эти письмена, могут помочь вам найти убийцу, как только они будут поняты.

– И вы хотите, чтобы мы перевели все остальное? – уточнил Джулиан. – Используя готовую фразу в качестве ключа?

– Не только, – сказал Иарлаф. – Перевод – лишь первый шаг. Он приведет вас к убийце. Как только вы найдете его, вы должны будете передать преступника Королю Неблагого Двора, чтобы он предстал пред судом за убийство фэйри и получил свое наказание.

– Вы хотите, чтобы мы провели для вас расследование? – удивился Джулиан. – Мы – *Сумеречные охотники*. Мы связаны Холодным перемирием, как и вы. Нам запрещено помогать Волшебному народу, запрещено даже принимать вас здесь. Вы ведь знаете, как мы рискуем. Как вы смеете просить о таком?

В голосе Джулиана слышалась ярость – он разбушевался не на шутку, хотя предложение фэйри и не было таким уж неожиданным. И все же Эмма не могла его винить. Она понимала, *что* он видел, глядя на фэйри, особенно на фэйри с разноцветными глазами Дикого Охотника. Он видел суровые берега острова Врангеля. Он видел пустую комнату Института, где больше не было Марка.

– Расследование касается не только их, – тихо сказала Эмма. – Но и меня. Все это связано с моими родителями.

– Я знаю, – кивнул Джулиан, и его гнев как будто испарился, уступив место боли. – Но, Эмма, так ведь нельзя…

– Почему вы пришли сюда? – перебил его Артур, лицо которого посерело. – Почему не к какому-нибудь чародею?

Прекрасные черты Кьерана исказились в гримасе отвращения.

– Мы не можем обратиться к чародеям, – сказал он. – Ни один из детей Лилит не желает иметь с нами дела. Холодный мир сделал нас изгоями среди обитателей Нижнего мира. Но вы можете навестить верховного колдуна Малкольма Фейда или самого Магнуса Бейна и потребовать ответа на свой вопрос. У нас связаны руки, но *вы*… – это слово он произнес с особым презрением. – Вы свободны.

– Вы обратились не к тому семейству, – ответил ему Артур. – Вы просите нас нарушить ради вас Закон, как будто мы обязаны Волшебному народу. Но Блэкторны не забыли, что вы у них отняли.

– Нет! – воскликнула Эмма. – Нам нужны эти бумаги, нужны…

– Эмма, – строго сказал ей Артур. – Хватит.

Эмма опустила голову, но кровь кипела в ее жилах, а сердце решительно выстукивало бунтарский марш. Если фэйри уйдут и заберут с собой бумаги, она найдет способ отследить их, добыть информацию, узнать все необходимое. Как угодно. Даже если Институт не мог так рисковать, она готова была все поставить на карту.

Иарлаф внимательно посмотрел на Артура.

– Не думаю, что стоит принимать столь поспешное решение.

Артур сжал зубы.

– Почему ты так говоришь, сосед?

«Добрые соседи». Давно забытое название Волшебного народа.

Ответил ему Кьеран:

– Потому что существует кое-что такое, чего вы желаете больше всего на свете. Поможете нам – и мы вам это отдадим.

Джулиан побледнел. Эмма так поразилась его реакции, что не сразу поняла, на что именно намекают фэйри. Когда же ее настигло осознание, сердце подпрыгнуло у нее в груди.

– И что же это? – прошептал Джулиан. – Что есть у вас такого, что мы можем пожелать?

– Входи, – велел Кьеран. – Что скажете?

Дверь Убежища, которая выходила во двор Института, отворилась, и внутрь вошел посланец в коричневом одеянии. Он двигался молча, очень грациозно, без промедления и без страха – в его движениях вообще не было ничего человеческого. Дойдя до выложенной на полу ангельской руны, он остановился. В полной тишине он поднял руки к капюшону и впервые сделал паузу.

Руки были человеческими. Легкий загар, длинные пальцы.

Знакомая форма.

Эмма затаила дыхание. Она просто не могла дышать. Джулиан, казалось, решил, что ему все это снится. Лицо Артура выражало лишь недоумение.

– Опусти капюшон, мальчик мой, – велел Иарлаф. – Покажи всем свое лицо.

Знакомые руки чуть напряглись и опустили капюшон. Затем расстегнули застежку плаща и сбросили его с плеч, как будто ткань мешала движениям. Эмма увидела гибкое, стройное тело, светлые волосы, тонкие руки. Плащ соскользнул на пол и растекся по нему темной лужей.

На ангельской руне, тяжело дыша, стоял юноша. На вид ему было не больше семнадцати. Его светлые волосы струились волнами, как виноградные лозы, переплетались с тонкими ветками и листьями и спускались до плеч. Его глаза отражали жуткую двойственность Дикой Охоты: один – золотой, а другой – синий, как у всех Блэкторнов. Ноги его были босы и черны от грязи, одежда потерта и изодрана.

У Эммы закружилась голова. Ее окатило волной сильнейших чувств, в которой ужас смешался с облегчением и восхищением. Джулиан замер, словно по его телу пропустили электрический ток. Он сжал зубы, на щеке его задергалась мышца. Он не смог раскрыть рта – заговорил Артур, который приподнялся с кресла и тонким, неуверенным голосом произнес:

– *Марк?*

Глаза Марка округлились от смущения. Он открыл было рот, чтобы ответить, но Иарлаф опередил его.

– Марк Блэкторн из Дикой Охоты, – бросил он. – Не говори, пока я не позволю.

Марк сжал губы. Его лицо было спокойно.

– А ты, – промолвил Кьеран, вскинув руку, как только Джулиан сделал шаг вперед, – стой, где стоишь.

– Что вы с ним сделали? – Глаза Джулиана сверкали. – *Что вы сделали с моим братом?*

– Марк принадлежит Дикой Охоте, – объяснил Иарлаф. – Если мы решим вернуть его вам, то только под нашу ответственность.

Артур снова опустился в кресло. Он непонимающе моргал и переводил взгляд с Марка на предводителя фэйри. Его лицо стало землистого цвета.

– Мертвые воскресают, а пропавшие возвращаются, – пробормотал он. – Да взовьются над башнями синие флаги…

Кьеран недоуменно посмотрел на него.

– Почему он так говорит? – спросил он.

Джулиан посмотрел сначала на Артура, затем на Марка и, в конце концов, на остальных фэйри.

– Он испытал сильнейшее потрясение, – объяснил он. – После войны его здоровье пошатнулось.

– Это строка из старинной баллады Сумеречных охотников, – сказала Эмма. – Странно, что вы этого не знаете.

– В балладах много правды, – заметил Иарлаф, и в его голосе послышалась насмешка, но весьма печальная. Интересно, смеялся он над ними или над самим собой?

Джулиан снова повернулся к Марку и смотрел на него, не скрывая своего удивления и тоски.

– Марк? – сказал он.

Но Марк лишь отвел глаза.

Джулиана словно пронзили эльфийскими стрелами – жутким оружием Волшебного народа, которое проникало под кожу и испускало смертельный яд. Всю злобу, которую Эмма затаила на него из-за их разговора накануне, как ветром сдуло. Выражение его лица разрывало ей сердце.

– Марк, – полушепотом повторил он. – Почему? Почему он не говорит со мной?

– Гвин запретил ему говорить, пока мы не заключим сделку, – объяснил Кьеран.

Он холодно взглянул на Марка. Что промелькнуло у него на лице? Ненависть? Зависть? Не презирал ли он Марка за то, что он наполовину человек? Не презирали ли его все фэйри? Как они все эти годы проявляли свою ненависть, пока Марк был всецело в их власти?

Эмма чувствовала, что Джулиан изо всех сил старается сохранять спокойствие, на самом деле отчаянно желая броситься к брату. Она заговорила за него.

– Значит, Марк – это ваш козырь.

Лицо Кьерана вдруг исказилось от ярости.

– Зачем говорить такие очевидные вещи? Почему вы, люди, вечно этим грешите? Глупая девчонка…

Джулиан встрепенулся. Он отвел глаза от Марка и гордо вскинул голову. Его голос стал тверже. Он говорил спокойно, но Эмма прекрасно знала друга и слышала лед в каждом его слове.

– Эмма – мой парабатай, – сказал он. – Еще раз заговоришь с ней таким тоном, и пол Убежища обагрится кровью. И путь меня потом за это казнят.

Прекрасные, неземные глаза Кьерана блеснули серебром.

– Должен признать, вы, нефилимы, очень преданы своим партнерам. – Он снисходительно махнул рукой. – Да, Марк действительно наш козырь, как вы выразились, но не забывайте, что именно из-за нефилимов нам приходится вытаскивать его из рукава. В былые времена Сумеречные охотники без промедления взялись бы за расследование убийств фэйри, ведь они ставили свою обязанность защищать этот мир выше собственной ненависти.

– В былые времена Волшебный народ по доброй воле вернул бы нам нашего человека, – заметил Артур. – Это горькая утрата для наших народов, как и потеря доверия.

– Но вам придется нам довериться, – возразил Кьеран. – Больше помощи вам ждать неоткуда.

Повисло долгое молчание. Джулиан снова посмотрел на Марка, и в этот момент Эмма возненавидела Волшебный народ: забрав Марка с собой, они забрали и чуткое, хрупкое сердце Джулиана.

– Значит, вы хотите, чтобы мы выяснили, кто виновен в убийствах людей и фэйри, – сказал Джулс, – и положили им конец. И взамен, если мы преуспеем, вы вернете нам Марка?

– Наш Двор готов на более щедрую уступку, – ответил Кьеран. – Мы отдадим вам Марка прямо сейчас. Он поможет вам с расследованием. А когда оно будет закончено, он сам решит, остаться ему с вами или вернуться в Охоту.

– Он выберет нас, – сказал Джулиан. – Мы его семья.

Кьеран сверкнул глазами.

– Я бы не был так уверен в этом, юный Сумеречный охотник. Однажды попав в Дикую Охоту, покинуть ее уже сложно.

– Но он не принадлежит к Охоте, – возразила Эмма. – Он Блэкторн.

– Его мать, леди Нерисса, была фэйри, – объяснил Кьеран. – И он скакал с нами по небу, сеял с нами смерть, сыпал эльфийскими стрелами. Он грозный воин по меркам фэйри, но он не такой, как вы. Он не будет сражаться, как вы. Он не нефилим.

– Это не так, – сказал Джулиан. – Кровь Сумеречного охотника всегда возьмет свое. На его кожу можно нанести руны. Вы знаете законы.

Кьеран ничего не ответил на это и лишь посмотрел на Артура.

– Решать главе Института. Позвольте дядюшке сказать свое слово.

Эмма повернулась к Артуру, как и все остальные. Тот нервно, порывисто схватился за подлокотник кресла.

– Вы хотите, чтобы этот юноша жил здесь и доносил на нас, – наконец дрожащим голосом произнес он. – Он будет вашим шпионом.

«Этот юноша». Не Марк. Эмма взглянула на Марка, но, если хоть один мускул у него на лице и дрогнул от боли, этого не было видно.

– Пожелай мы шпионить за вами, мы нашли бы способ проще, – холодно бросил Кьеран. – Мы бы не отдали вам Марка, ведь он один из лучших стрелков в Охоте. Гвину будет его не хватать. Он не станет шпионом.

Джулиан отошел от Эммы и упал на колени возле кресла дядюшки. Подавшись вперед, он зашептал что-то Артуру. Эмма пыталась разобрать его речь, но поняла лишь несколько слов: «брат», «расследование», «убийство», «лекарство» и «Конклав».

Артур поднял дрожащую руку, словно веля племяннику замолчать, и посмотрел на фэйри.

– Мы примем ваше предложение, – сказал он. – На том условии, что вы не будете пытаться обвести нас вокруг пальца. Когда расследование будет окончено, а убийца пойман, Марк сделает свой выбор и решит, остаться ему с нами или вернуться к вам.

– Само собой, – кивнул Иарлаф. – При условии, что вы укажете на конкретного убийцу. Мы хотим знать, кто именно замарал свои руки в крови. Уловок вроде «это один из них» или «виновны вампиры» нам недостаточно. Убийца или убийцы предстанут перед судом нашего Двора. *Мы* будем вершить правосудие.

«Только если я первой не найду убийцу, – подумала Эмма. – В таком случае вам придется довольствоваться его телом».

– Поклянись, – велел Джулиан, сурово сверкнув сине-зелеными глазами. – Скажи: «Клянусь, что по выполнении условий сделки Марк Блэкторн выберет сам, желает ли он остаться в Охоте или вернуться к жизни нефилима».

Кьеран поджал губы.

– Клянусь, что по выполнении условий сделки Марк Блэкторн выберет сам, желает ли он остаться в Охоте или вернуться к жизни нефилима.

Марк не двигался и никак не выдавал своих чувств, словно речь шла не о нем, а о ком-то другом. Казалось, сквозь стены Убежища он видит океан вдали или какую-то страну на другом конце света.

– Полагаю, мы договорились, – заключил Джулиан.

Фэйри переглянулись, и Кьеран подошел к Марку. Он положил бледные руки ему на плечи и произнес что-то на полном гортанных звуков языке, который Эмма не поняла. Диана не учила их такому: это была не протяжная речь эльфов и не магический говор. Марк не пошевелился, и Кьеран отошел от него без тени удивления на лице.

– Покамест он ваш, – сказал он. – Мы оставим его жеребца. Они… привязались друг к другу.

– Он не сможет скакать на коне, – напряженно заметил Джулиан. – Уж точно не в Лос-Анджелесе.

Кьеран презрительно улыбнулся.

– На этом – сможет.

– Боже! – вскрикнул Артур и наклонился вперед, вцепившись в подлокотники. – Как больно…

Джулиан подскочил к дядюшке и попытался взять его за руку, но Артур отмахнулся и, тяжело дыша, поднялся на ноги.

– Прошу прощения, – сказал он. – У меня мигрень. Боль просто невыносимая.

Выглядел он и правда ужасно: кожа посерела, воротник пропитался потом и прилип к шее.

Фэйри молчали. Молчал и Марк, который все смотрел куда-то себе под ноги. В глазах Кьерана и Иарлафа читалось любопытство. Эмма догадывалась, о чем они думали: «Глава Института Лос-Анджелеса болен. Он слаб…»

Внутренняя дверь Убежища распахнулась, и вошла Диана – как всегда, спокойная и сдержанная. Она обвела комнату темными глазами, и Эмма разглядела в них холодный гнев.

– Артур, – сказала Диана, – вам нужно наверх. Идите. Я провожу гостей и закончу оформление сделки.

«И долго она подслушивала?» – задумалась Эмма, пока Артур – с выражением безмерной благодарности на лице – прошел мимо Дианы и вышел в коридор. При желании Диана могла двигаться бесшумно, как кошка.

– Он умирает? – с интересом спросил Иарлаф, проводив Артура взглядом.

– Мы смертны, – ответила Эмма. – Мы болеем, стареем. Мы не такие, как вы. Но в этом нет ничего удивительного.

– Хватит, – велела Диана. – Я провожу вас, но сперва – перевод. – Она протянула тонкую коричневую руку.

Усмехнувшись, Кьеран передал ей полупрозрачные бумаги. Диана быстро взглянула на них.

– Что в первой фразе? – не в силах сдержаться, спросила Эмма.

Диана нахмурилась.

– *Огонь – к воде*, – прочитала она. – Что это значит?

Иарлаф холодно посмотрел на нее и подошел чуть ближе.

– Вот вам это и предстоит выяснить.

«Огонь – к воде?» Эмма вспомнила тела своих родителей, которые были пропитаны водой, но рассыпались в прах, и тело, найденное в переулке, которое было обожжено и затем брошено в океан. Она посмотрела на Джулиана, задумавшись, не размышляет ли и он о том же, но нет – он смотрел на брата и не двигался, словно прирос к месту.

Эмме очень хотелось поскорее забрать бумаги, но Диана положила их в карман куртки и вместе с фэйри направилась к выходу из Убежища.

– Вы ведь понимаете, что мы будем расследовать это дело, не ставя в известность Конклав? – спросила она.

Иарлаф шел с ней в ногу. Угрюмый Кьеран чуть отставал.

– Мы понимаем, что вы боитесь своего правительства, – кивнул Иарлаф. – Мы тоже боимся его, ведь именно оно создало Холодный мир.

Диана не клюнула на эту наживку.

– Если вам потребуется связаться с нами во время расследования, вам придется устраивать встречу самим, – добавила она.

– Мы будем приходить в это Убежище. Вы можете оставлять здесь сообщения для нас, – сказал Кьеран. – Если мы узнаем, что о нашей сделке стало известно кому-то за пределами этих стен, особенно если это будет не нефилим, нам это не понравится. Марк тоже должен хранить молчание по поводу Охоты. Увидите, он не нарушит данного нам слова.

Диана открыла дверь, и в Убежище хлынул солнечный свет. Когда наставница вывела фэйри на улицу, Эмма почувствовала, как она ей благодарна: благодарна за спасение Артура – и за спасение Джулиана, которому с каждой секундой все сложнее становилось притворяться, будто все хорошо.

Ведь теперь Джулс смотрел на брата – наконец-то *по-настоящему* смотрел на него, – понимая, что никто не увидит его слабости и не осудит ее. Что никто в последний момент не отнимет у него Марка снова.

Марк медленно поднял голову. Он был худой как палка, гораздо худее, чем помнила его Эмма. Казалось, он вовсе не повзрослел, но черты его лица обострились, как будто его скулы и подбородок искусно обработали каким-то инструментом, чтобы сделать их тоньше. Он был изможден, но изящен, как и все фэйри.

– Марк, – выдохнул Джулиан, и Эмма вспомнила все кошмары, от которых годами просыпался ее друг, как он кричал, как он звал брата, как взывал к Марку и как безнадежно звучали его мольбы, как они были напрасны. Сейчас он был бледен, но глаза его сияли, словно он смотрел на чудо. Это и было чудом, подумала Эмма, ведь фэйри никогда не возвращали то, что забрали однажды.

По крайней мере, они ничего не возвращали в неизменности.

По спине Эммы вдруг пробежал холодок, но она не подала виду и осталась на месте. Джулиан сделал шаг в сторону брата, а затем еще один…

– Марк, – прошептал он. – Марк, это я.

Марк посмотрел ему прямо в лицо. Когда Эмма видела его в последний раз, оба его глаза были синими, но теперь они сияли разными цветами и эта двойственность словно говорила о том, что внутри него что-то сломалось, что-то треснуло, как растрескивается необожженный керамический горшок. Он посмотрел на Джулиана, посмотрел на его широкие плечи и гибкое тело, на растрепавшиеся каштановые волосы, на сине-зеленые глаза – и впервые заговорил.

Голос был хриплым, немного скрипучим, как будто он молчал уже несколько дней.

– Отец? – произнес он, а затем, не успел Джулиан ахнуть, глаза Марка закатились и он упал без чувств.

6
Те, что мудростью нас превзошли

В комнате Марка было пыльно.

Несколько лет после его исчезновения никто не заходил внутрь, пока однажды, в восемнадцатый день рождения Марка, Джулиан не распахнул дверь и не вычистил все в приступе ярости. Одежда Марка, его настольные игры и старые игрушки – все это отправилось в кладовку. В комнате не осталось ничего личного – только голые стены да немного мебели.

Эмма раскрыла пыльные шторы, распахнула окна и впустила внутрь свет, а Джулиан тем временем поднял брата по лестнице и положил его на кровать.

Постель была заправлена давно, и одеяло покрылось тонким слоем пыли. Когда Джулиан опустил на него Марка, пыль поднялась, и Марк закашлялся, но так и не очнулся.

Эмма отошла от окна. Пыль клубилась в лучах яркого света, заливавшего комнату, и создавала причудливые формы, качающиеся в едином танце.

– Он так исхудал, – сказал Джулиан. – Он почти ничего не весит.

Плохо знающий его человек счел бы, что его лицо ничего не выражает: оно казалось абсолютно спокойным, лишь мягкие губы сжались в тонкую линию. Но именно так Джулиан выглядел, когда внутри него бушевали чувства, которые он пытался скрыть – обычно от младших сестер и братьев.

Эмма подошла к постели Марка. С минуту они оба смотрели на него. Его локти, колени и ключицы и правда слишком сильно выпирали из-под одежды – потертых джинсов, заправленных в высокие кожаные ботинки, и футболки, ставшей почти прозрачной от множества стирок. Спутанные светлые волосы падали ему на лицо.

– Это правда? – тихо спросил кто-то с порога.

Эмма повернулась. В комнату с опаской вошли Тай и Ливия, позади них, у двери, стояла Кристина, которая смотрела на Эмму, всем своим видом говоря, что она пыталась их задержать. Эмма покачала головой. Она прекрасно понимала, что остановить близнецов, когда они решали во что-то вмешаться, было невозможно.

Вопрос задала Ливви. Она посмотрела мимо Эммы на Марка, который лежал на кровати. У нее перехватило дыхание.

– Это правда.

– Не может быть. – Пальцы Тая лихорадочно бегали: он сгибал и разгибал их, считая про себя от одного до десяти и от десяти до одного. Он смотрел на бесчувственного брата и не мог поверить своим глазам. – Волшебный народ не возвращает того, что однажды забрал.

– Верно, – мягко сказал Джулиан, и Эмма в очередной раз удивилась, как он может говорить так мягко, когда в душе творится настоящий кавардак и хочется закричать и разлететься на тысячу кусочков. – Но все-таки иногда они возвращают то, что принадлежит тебе по праву.

Тай не ответил. Его пальцы все еще бегали. Однажды отец Тая попытался справиться с этим и крепко прижал руки сына к бокам, когда его что-то расстроило, приговаривая: «Тихо, *тихо*». Тай запаниковал, его стошнило. Джулиан ни разу не делал ничего подобного. Он просто говорил, что в минуты волнения к нам всем прилетают бабочки: у кого-то они трепыхаются в животе, а у Тая – садятся на руки. Таю нравилось такое объяснение. Он обожал мотыльков, бабочек, пчел – всех, кого природа наделила крыльями.

– Я помню его другим, – тоненьким голоском заметил кто-то. Это была Дрю, которая выглядывала из-за плеча у Кристины и держала за руку Тавви.

– Ну да, – сказала Эмма, – Марк ведь теперь на пять лет старше.

– Но он не кажется старше, – возразила Дрю. – Он просто выглядит иначе.

Повисло молчание. Дрю была права. Марк не казался старше, уж точно не на пять лет. Отчасти это объяснялось его худобой, но было и еще кое-что.

– Он все эти годы жил в стране фэйри, – объяснил Джулиан. – А время там идет по-другому.

Тай шагнул вперед. Его глаза скользили по кровати, изучая брата. Друзилла держалась в стороне. Когда Марк пропал, ей было всего восемь. Должно быть, ее воспоминания о нем были окутаны туманом. А Тавви… Тавви было всего два. Для него лежащий в постели юноша был совершенным незнакомцем.

Но Тай… Тай помнил. Он подошел совсем близко к кровати, и Эмма готова была поклясться, что видит, как работает его быстрый ум, которым светились его серые глаза.

– Все логично. Есть множество историй о людях, которые проводили всего одну ночь с фэйри, а вернувшись, обнаруживали, что прошло уже сто лет. Для нас прошло пять лет, а для него, наверное, всего два года. Вы кажетесь ровесниками, Джулс.

Джулиан прочистил горло.

– Да, – кивнул он. – Да, так и есть.

Тай наклонил голову.

– Почему они вернули его?

Джулиан не знал, что сказать. Эмма не двигалась. Она понятия не имела, как объяснить всем детям, которые смотрели на них огромными глазами, что их пропавший брат, вернувшийся, казалось, уже навсегда, возможно, появился лишь на время.

– У него кровь идет, – сказала Дрю.

– Что?

Джулиан включил стоящую на тумбочке лампу, которая питалась от колдовского огня, и в комнате стало гораздо светлее. Эмма ахнула. На плече у Марка появилось кровавое пятно, которое медленно расплывалось на ткани истрепанной белой футболки.

– Стило, – бросил Джулиан и протянул руку.

Другой рукой он стянул с плеча брата футболку и обнажил ключицу, на которой открылась незалеченная рана. Из раны сочилась кровь. Она шла не очень быстро, но Тавви все равно вскрикнул от ужаса.

Эмма сняла стило с ремня и бросила его Джулиану. Она не произнесла ни слова, но этого и не требовалось. Джулиан поймал стило на лету и тотчас дотронулся кончиком до кожи Марка, собираясь нарисовать целительную руну…

Вдруг Марк закричал.

Его глаза открылись, он ошалело посмотрел на Джулиана и замахал грязными, окровавленными руками, пытаясь выбить стило из рук брата.

– Убери его, – прорычал он и попытался сесть. – Убери его, убери от меня эту штуку!

– Марк…

Джулиан наклонился к брату, но тот оттолкнул его. Может, он и исхудал, но сил у него было достаточно: Джулиан пошатнулся, и Эмма почувствовала, как его боль слабым отголоском вспыхнула у нее в голове. Она бросилась вперед и встала между братьями.

Она хотела уже закричать на Марка, но тут увидела его лицо. Его глаза округлились и побелели от страха, рука прижалась к груди – там что-то было, что-то поблескивало на цепочке у него на шее, – и в следующую секунду он свалился с кровати, все его тело задергалось, он с трудом поднялся на четвереньки.

– Все назад, – скомандовал Джулиан братьям и сестрам. Он не кричал, но голос его был сух и властен. Все попятились к двери. Тавви чуть не заплакал, но Дрю вовремя подхватила его на руки и вынесла в коридор.

Марк забился в угол комнаты и замер там, обхватив руками колени и прижавшись спиной к стене. Джулиан пошел было к нему, но остановился, беспомощно держа в руке стило.

– Не прикасайся ко мне этой штукой, – сказал Марк.

Его голос – очень знакомый голос Марка, но при этом очень холодный и четкий – совсем не соответствовал его жалкому виду. Марк не сводил глаз с Эммы и Джулиана.

– Что с ним не так? – чуть не шепотом спросила Ливви.

– Стило, – тихо ответил Джулиан.

– Но почему? – удивилась Эмма. – Разве может Сумеречный охотник бояться стила?

– Ты говоришь, я трус? – бросил Марк. – Оскорбишь меня еще раз, и я выпущу из тебя всю кровь, девчонка.

– Марк, это Эмма, – сказал Джулиан. – Эмма Карстерс.

Марк залез еще дальше в угол.

– Ложь, – отмахнулся он. – Все это ложь. Иллюзия.

– Я – Джулиан, – не отступал Джулс. – Твой брат Джулиан. А это Тиберий…

– Мой брат Тиберий совсем ребенок! – прокричал Марк, вдруг побледнев и замахав руками. – Маленький мальчик!

Повисло жуткое молчание.

– Я уже не маленький, – наконец сказал Тай. Его пальцы порхали все быстрее, как бледные бабочки в тусклом свете дня. – Я уже не ребенок.

Марк ничего не ответил. Он закрыл глаза, и по его щекам, смешиваясь с грязью, покатились слезы.

– Хватит. – Ко всеобщему удивлению, это произнесла Кристина. Все повернулись к ней, и ей стало неловко, но все же она упрямо вздернула подбородок и продолжила: – Разве вы не видите, что это пытка для него? Давайте все выйдем из комнаты…

– Идите, – сказал Джулиан, снова посмотрев на Марка. – Я останусь здесь.

Кристина покачала головой.

– Нет, – немного виновато, но твердо ответила она. – Все мы. – Она сделала паузу. Джулиан сомневался. – Пожалуйста.

Она пересекла комнату и открыла дверь. На глазах у пораженной Эммы Блэкторны один за другим вышли из комнаты. Через минуту все уже стояли в коридоре, а Кристина закрывала дверь.

– Не знаю, – сказал Джулиан, как только щелкнул замок. – Оставить его там одного…

– Это его комната, – возразила Кристина. Эмма удивленно смотрела на подругу: и как ей удавалось сохранять такое спокойствие?

– Но он ее не помнит! – взволнованно воскликнула Ливви. – Он вообще ничего не помнит.

– Он помнит, – сказала Эмма, положив руку на плечо Ливви. – Просто все, что он помнит, изменилось.

– Но мы не изменились!

Ливви казалась такой удрученной, что Эмма притянула ее к себе и поцеловала в макушку, что оказалось совсем непросто: Ливви была всего на пару сантиметров ее ниже.

– Еще как изменились, – вздохнула Эмма. – Все мы. И Марк тоже.

– Но в комнате пыльно, – встревожился Тай. – Мы выбросили все его вещи. Он решит, что мы забыли его, что нам нет до него дела.

– Я сохранил его вещи, – подмигнул ему Джулиан. – Они внизу, в кладовке.

– Отлично. – Кристина хлопнула в ладоши. – Они ему понадобятся. И еще кое-что: сменная одежда, все, что сохранилось с тех пор. Все, что может быть ему знакомо. Фотографии, старые вещи.

– Мы все принесем, – вызвалась Ливви. – Мы с Таем.

Тай обрадовался услышать конкретные указания к действию. Тихонько переговариваясь, они с Ливви спустились вниз.

Проводив их взглядом, Джулиан порывисто вздохнул, и в этом вздохе напряжение смешалось с облегчением.

– Спасибо, что заняла их.

Эмма пожала Кристине руку. Она чувствовала гордость за подругу, ей так и хотелось сказать: «Смотрите, она всегда знает, что делать!»

– Откуда ты знаешь, что делать? – спросила она вслух.

– Это мой конек, помнишь? – подмигнув, ответила Кристина. – Фэйри и последствия Холодного мира. Само собой, Волшебный народ вернул его в обмен на услугу и желает, чтобы он немедленно приступил к исполнению своей части сделки, таково уж их жестокое нутро. Но ему нужно время, чтобы восстановиться, чтобы заново узнать этот мир и собственную жизнь. Они просто швырнули его обратно, как будто для него нет ничего проще, чем снова стать Сумеречным охотником.

Джулиан прислонился к стене. Его полузакрытые глаза пылали темным огнем.

– Они ранили его, – сказал он. – Зачем?

– Чтобы ты сделал то, что сделал, – ответила Эмма. – Чтобы ты вытащил стило.

Джулиан выругался.

– И чтобы я увидел, что они сотворили с ним? Увидел, как он меня ненавидит?

– Он ненавидит не тебя, – возразила Кристина. – Он ненавидит самого себя. Он ненавидит свою сущность нефилима, потому что его этому научили. Ненависть за ненависть. Фэйри – древний народ, и таково их представление о справедливости.

– Как Марк? – Диана появилась на верхней площадке лестницы и подошла к ним. Подол ее юбки шуршал у самого пола. – С ним кто-нибудь есть?

Джулиан объяснил, что произошло, и Диана молча его выслушала, застегивая на поясе оружейный ремень. Она надела ботинки, собрала волосы. У нее на плече висела большая кожаная сумка.

– Надеюсь, он сумеет отдохнуть, – сказала Диана, когда Джулиан закончил. – Кьеран сказал, что дорога заняла у них два дня. Они все ехали по стране фэйри, без сна, без отдыха. Должно быть, он просто валится с ног.

– Кьеран? – удивилась Эмма. – Так непривычно называть эльфов по именам. Он ведь эльф?

Диана кивнула.

– Кьеран – принц фэйри. Он сам этого не сказал, но это вполне очевидно. Иарлаф принадлежит Неблагому Двору, он не принц, скорее один из сановников. Это заметно.

Джулиан взглянул на дверь комнаты брата.

– Я должен вернуться…

– Нет, – перебила его Диана. – Вы с Эммой сейчас отправитесь к Малкольму Фейду. – Она порылась в сумке и вытащила документы, переданные ей Кьераном. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это всего два пергаментных листа, тонких, как луковая кожица. Чернила, казалось, пропитали их насквозь. – Отнесите ему эти бумаги. Посмотрим, что он сможет с ними сделать.

– Сейчас? – переспросила Эмма. – Но…

– Сейчас же, – отрезала Диана. – Волшебный народ дал вам – точнее, нам – три недели на раскрытие убийств. Марк будет с нами три недели. Потом они заберут его назад.

– Три *недели?* – эхом отозвался Джулиан. – Но этого и близко не достаточно!

– Я могу пойти с ними, – предложила Кристина.

– Нет, Кристина, ты нужна мне здесь, – сказала Диана. – Кто-то должен присмотреть за Марком, а дети с этим не справятся. А я не могу. Мне нужно идти.

– Куда? – спросила Эмма.

Но Диана лишь покачала головой. Неожиданно возникшая вокруг нее стена была весьма знакомой. Эмма уже не раз на нее налетала.

– Это важно, – только и ответила Диана. – Доверься мне, Эмма.

– Я всегда вам доверяю, – пробормотала Эмма себе под нос.

Джулиан промолчал. Эмма подозревала, что скрытность Дианы тоже его тревожит, но он никогда этого не показывал.

– Но это все меняет, – сказала Эмма, постаравшись подавить так и рвавшиеся наружу эмоции – облегчение и радость, даже триумф, чувствовать который было никак нельзя. – Из-за Марка. Из-за Марка вы готовы позволить нам выяснить, кто за этим стоит.

– Да. – В первый раз с момента своего появления в коридоре Диана посмотрела Эмме прямо в глаза. – Должно быть, ты рада. Ты получила именно то, что хотела. У нас теперь не осталось выбора. Нам придется расследовать эти убийства и делать это втайне от Конклава.

– Но это не я подстроила, – запротестовала Эмма.

– Когда у тебя нет выбора, Эмма, это всегда плохо, – сказала Диана. – Когда-нибудь ты это поймешь. Я только надеюсь, что еще не слишком поздно. Возможно, ты считаешь, что все складывается как нельзя лучше, но уверяю тебя, это не так. – Она отвернулась от Эммы и посмотрела на Джулиана. – Джулиан, как тебе прекрасно известно, это расследование незаконно. Холодный мир запрещает взаимодействие с Волшебным народом и уж точно запрещает работу на фэйри, какими бы ни были обстоятельства. Нам лучше выяснить все как можно быстрее и как можно осторожнее, чтобы у Конклава не возникло возможности узнать, чем мы занимаемся.

– А когда мы закончим? – спросил Джулиан. – Когда Марк вернется? Как мы это объясним?

В глазах у Дианы что-то промелькнуло.

– Об этом мы подумаем, когда настанет время.

– Значит, мы пытаемся обогнать оба Двора и Конклав, – заключил Джулиан. – Прекрасно. Может, нам еще кого-нибудь разозлить? Спиральный Лабиринт? Схоломант? Интерпол?

– Пока что никто на нас не злится, – заметила Диана. – Давайте все так и оставим. – Она протянула бумаги Эмме. – Просто для ясности: мы не можем взаимодействовать с Волшебным народом и не можем приютить у себя Марка, не сообщив об этом, но другого выбора у нас нет, поэтому вывод один – за пределами этих стен никто ни о чем знать не должен. Я отказываюсь открыто лгать Конклаву и надеюсь, что мы успеем все закончить, прежде чем они начнут задавать вопросы. – Она серьезно посмотрела по очереди на каждого из ребят. – Нам нужно работать вместе. Эмма, больше никаких споров со мной. Кристина, если ты захочешь перевестись в другой Институт, мы поймем. Мы просто попросим тебя оставить это между нами.

– Нет! – воскликнула Эмма.

Но Кристина уже качала головой.

– Я не буду просить о переводе, – сказала она. – Я сохраню ваш секрет. Теперь это и мой секрет.

– Хорошо, – кивнула Диана. – Что касается секретов, не говорите Малкольму, как к нам попали эти бумаги. Не упоминайте о Марке, не упоминайте о посланцах фэйри. Стоит ему хоть о чем-нибудь проговориться, и он будет иметь дело со мной.

– Малкольм – наш друг, – возразил Джулиан. – Мы можем ему доверять.

– Я просто хочу удостовериться, что он не навлечет на себя неприятности, если вдруг кто-то узнает, – объяснила Диана. – При необходимости он должен будет все отрицать. – Она застегнула куртку. – Так, вернусь завтра. Удачи.

– Ну вот, теперь нам предстоит угрожать верховному магу, – пробормотал Джулиан, когда Диана спустилась в холл. – Час от часу не легче. Может, еще совершить налет на резиденцию клана вампиров и дать пощечину самому Ансельму Найтшейду?

– Подумай о последствиях, – предостерегла его Эмма. – Больше никакой пиццы, представляешь?

Джулиан невесело ухмыльнулся.

– Джулс, я могу и одна навестить Малкольма, – предложила Эмма. – А ты останься здесь, дождись, пока Марк…

Она не закончила, потому что точно не знала, чего именно они ждали от Марка.

– Нет, – ответил Джулиан. – Малкольм мне доверяет. Я лучше всех его знаю. Я смогу убедить его сохранить все в секрете. – Он выпрямил спину. – Мы пойдем вместе.

Как парабатаи. *Как и должны.*

Кивнув, Эмма поймала Кристину за руку.

– Мы мигом вернемся, – сказала она. – Ты справишься?

Кристина прикоснулась к медальону, висящему на шее.

– Я присмотрю за Марком, – кивнула она. – Я справлюсь. *Все* будет в порядке.

Эмма почти поверила ей.

Иметь статус верховного мага было весьма прибыльно – так всегда думала Эмма, оказываясь возле дома Малкольма Фейда. Дом был похож на замок.

Малкольм жил вверх по шоссе от Института, за Кэнан-Дьюм-роуд. Там высоко вздымались утесы, засыпанные зеленоватыми морскими стеклышками. Дом был защищен чарами, которые скрывали его от взглядов простецов. Сидя за рулем – как сейчас сидела Эмма, – нужно было вглядеться в точку между двумя утесами, и там появлялся серебристый мост, после которого дорога уходила вверх, на холмы.

Эмма съехала на обочину. По обе стороны от шоссе были припаркованы автомобили, в основном принадлежавшие серфингистам, которых привлекал дикий пляж к западу от дороги.

Выдохнув, Эмма заглушила двигатель.

– Что ж, – сказала она, – пора…

– Эмма, – перебил ее Джулиан.

Она замолчала. Джулиан не сказал и двух слов с тех пор, как они покинули Институт. Эмма не могла его винить. Она и сама не знала, что сказать, и позволила себе отвлечься на дорогу, сосредоточившись на необходимости внимательно смотреть по сторонам. И все-таки она знала, что Джулиан сидит рядом, что его голова откинута на подголовник, глаза закрыты, а лежащие на коленях руки сжаты в кулаки.

– Марк решил, что я – это отец, – отрывисто произнес Джулиан, и Эмма поняла, что он заново переживает тот жуткий момент, когда в глазах его брата появилась надежда – надежда, связанная не с ним. – Он не узнал меня.

– Он помнит тебя двенадцатилетним, – объяснила Эмма. – Он всех вас помнит детьми.

– И тебя тоже.

– Сомневаюсь, что он вообще меня помнит.

Джулиан отстегнул ремень безопасности. Браслет из морских стеклышек у него на левом запястье вдруг вспыхнул яркими цветами: огненно-рыжим, насыщенно-золотистым, по-блэкторновски синим.

– Он помнит, – сказал Джулиан. – Тебя вообще невозможно забыть.

Эмма удивленно посмотрела на него, но в следующее мгновение Джулиан уже вышел из машины. Она поспешила за ним и захлопнула водительскую дверцу. Машины со свистом проносились по шоссе.

Джулс стоял возле моста и смотрел на дом Малкольма. Эмма видела, как тонкая хлопковая футболка обтягивала его лопатки, как изгибалась его шея, как светлела кожа в тех местах, где волосы скрывали ее от солнца.

– Фэйри – те еще жулики, – не поворачиваясь, заметил Джулиан. – Они не захотят отдавать Марка. Ведь в нем кровь фэйри смешалась с кровью Сумеречного охотника, а это очень ценится. Когда все будет кончено, они найдут лазейку, чтобы забрать его с собой.

– Решать ему, – сказала Эмма. – Ему выбирать, остаться с нами или уйти.

Джулиан покачал головой.

– Я понимаю, этот выбор кажется очень простым, – произнес он. – Но на самом деле не все так просто.

Они пошли по ступенькам. Лестница спиралью поднималась меж холмов. Зачарованная, она была видна только сверхъестественным существам, и то не с первого раза. При первом визите Эммы Малкольму пришлось встретить ее у шоссе и проводить до дома. Она шагала, то и дело посматривая вниз и удивляясь, что все эти простецы, которые проносились по шоссе в блестящих машинах, даже не догадывались, что над ними в небо уходит хрустальная лестница.

Теперь она уже привыкла к этому. Стоило увидеть лестницу один раз, и она больше не скрывалась с глаз.

Джулиан шел молча, но Эмму это не беспокоило. В машине он говорил искренне. Он смотрел на нее спокойно и прямо. Он говорил, как Джулиан, ее Джулс, который жил в ее голове, в ее сердце, в каждой клеточке ее тела, который всегда пронизывал ее насквозь, как жилы и нервы.

Лестница вывела их на тропинку, ведущую к двери дома Малкольма. С последней ступеньки можно было аккуратно сойти на землю, но Эмма спрыгнула и подняла пыль. Мгновение спустя рядом с ней приземлился Джулиан. Он тотчас протянул руку, чтобы поддержать подругу, и его пальцы прочертили пять теплых линий у нее на спине. Ей не нужна была помощь – из них двоих именно она, пожалуй, лучше умела держать равновесие, – но Джулиан всегда подставлял ей плечо, даже не задумываясь. Это был своего рода рефлекс.

Эмма взглянула на него, но он, казалось, был погружен в мысли и даже не заметил этого прикосновения. В следующую секунду Джулиан отстранился, и лестница позади них растворилась под действием чар.

Они стояли возле двух обелисков, которые возвышались по обе стороны от тропинки на манер парадных ворот. На каждом были вырезаны алхимические символы: знаки огня, земли, воды и воздуха. Вдоль тропинки были высажены пустынные растения: кактусы, кустистая полынь, калифорнийская сирень. Над цветами жужжали пчелы. У самих железных дверей тропинка была засыпана осколками морских ракушек.

Эмма постучала, и двери отворились с едва слышным шипением. Белые коридоры, расходившиеся в разные стороны, были увешаны репродукциями картин в стиле поп-арт. Джулиан тихо стоял рядом с Эммой. Он не взял с собой арбалет, но к запястью у него был пристегнут нож – Эмма почувствовала его, когда Джулиан слегка подтолкнул ее рукой.

– Вперед, – сказал он. – Там голоса.

Они прошли в гостиную. Комната была идеально круглой, вся из стекла и стали, из нее открывался захватывающий вид на море. Эмме всегда казалось, что этот дом мог бы принадлежать какой-нибудь кинозвезде: здесь все – от стереосистемы, проигрывавшей классическую музыку, до уходящего в бесконечность бассейна на самом краю утеса – было модным и ультрасовременным.

Малкольм – в черном костюме, очень простом и явно не дешевом – развалился спиной к океану, на длинном диване, протянувшемся от стены до стены. Чародей улыбался и согласно кивал двум мужчинам в похожих костюмах, которые стояли перед ним с дипломатами в руках и что-то взволнованно говорили.

Заметив новых гостей, Малкольм махнул им рукой, а затем небрежно щелкнул пальцами, и его посетители – белые мужчины за сорок с очень неприметными лицами, – не моргая, застыли на месте.

– У меня каждый раз мурашки по коже, когда ты так делаешь, – призналась Эмма.

Она подошла к одному из замерших мужчин и задумчиво толкнула его. Он слегка покачнулся.

– Не сломай кинопродюсера, – предостерег ее Малкольм. – А то мне придется прятать тело в саду камней.

– Это ведь ты его заморозил! – Джулиан присел на подлокотник дивана. Эмма плюхнулась на подушки рядом с ним, положила ноги на журнальный столик и пошевелила пальцами, выглядывающими из сандалий.

Малкольм недоуменно посмотрел на них.

– Но как же мне иначе поговорить с вами так, чтобы они ничего не услышали?

– Мог бы попросить нас подождать, пока ты с ними не закончишь, – предложил Джулиан. – Никто бы не умер.

– Вы – Сумеречные охотники. С вами любой вопрос может быть вопросом жизни и смерти, – резонно заметил Малкольм. – Кроме того, я не уверен, что с ними вообще стоит связываться. Это кинопродюсеры. Они хотят, чтобы я магическим образом обеспечил успех их фильму. Но он просто ужасен. – Он хмуро взглянул на киноплакат, лежавший на диване. На нем в сторону зрителя летело несколько птиц и значилось название: «Орлиный взрыв-3: пух и перья».

– А что же в этом фильме такого, о чем еще не рассказали в «Орлином взрыве-1» и «Орлином взрыве-2»? – поинтересовался Джулиан.

– Еще больше орлов.

– Какая разница, насколько он плох? Плохие фильмы вечно срывают куш, – сказала Эмма. Она знала о фильмах больше, чем ей хотелось. Большинство Сумеречных охотников не интересовались культурой простецов, но в Лос-Анджелесе от нее не было спасения.

– Плохому фильму нужно заклятие посильнее. У меня будет больше работы. Но платят хорошо. Я как раз подумывал, не проложить ли в доме железную дорогу. Можно было бы крекеры с кухни на поезде привозить…

– На поезде? – переспросил Джулиан. – Не великоват ли он для этих целей?

– Нет, он маленький. Средних размеров. Такой примерно. – Малкольм отмерил рукой совсем небольшое расстояние от пола. – Будет ездить и пыхтеть: чух-чух… – Он щелкнул пальцами, чтобы поставить акцент, и кинопродюсеры ожили. – Ой! – воскликнул Малкольм, когда они моргнули. – Как неудачно вышло.

– Мистер Фейд, – сказал тот, что постарше, – вы рассмотрите наше предложение?

Малкольм уныло посмотрел на плакат.

– Я вам сообщу.

Продюсеры направились к выходу, и тот, что помладше, чуть не подпрыгнул, увидев Эмму и Джулиана. Эмма не могла его винить. Ему, должно быть, показалось, что они появились из ниоткуда.

– Прошу прощения, джентльмены, – извинился Малкольм. – Это мои племянники. Поймите меня правильно, семья зовет.

Простецы переводили взгляд с Малкольма на Эмму с Джулианом и обратно и явно не могли взять в толк, откуда взялись такие взрослые племянники у человека, которому на вид было лет двадцать семь. Наконец, старший из мужчин пожал плечами.

– Приятно отдохнуть, – сказал он, и продюсеры вышли из комнаты, оставив после себя шлейф дорогого одеколона.

Малкольм поднялся и подошел к ребятам, чуть припадая на одну ногу. Походка у него вообще была странноватая – Эмма подозревала, что однажды он был ранен и не смог полностью восстановиться.

– С Артуром все в порядке? – спросил он.

От Эммы не укрылось, как Джулиан едва заметно напрягся.

– Да, все хорошо.

Фиолетовые глаза Малкольма – его колдовская метка – на миг потемнели, а затем прояснились, как небо, с которого вдруг ушли все облака. Он благосклонно улыбнулся гостям, подошел к бару, устроенному возле одной из стен, и налил себе стаканчик какого-то прозрачного напитка.

– Тогда чем я могу вам помочь?

Эмма подвинулась, наклонилась к журнальному столику и выложила на него копии бумаг, переданных фэйри.

– Помнишь, мы говорили о том, что случилось пару дней назад… – начала она.

Малкольм отставил стакан и взял бумаги.

– Опять этот демонический язык, – сказал он. – Тот самый, что и на найденном в переулке теле и на телах твоих родителей… – Он присвистнул. – Вы только посмотрите! – пробормотал он, постучав пальцем по первой странице. – Кто-то перевел первую строчку. «Огонь к воде».

– Дух захватывает, правда? – спросила Эмма.

Малкольм покачал головой, и его светлые, почти белые волосы слегка всколыхнулись.

– Может, и так, но я ничего не смогу с этим сделать, если вы по-прежнему действуете втайне от Дианы и Артура. Я не хочу навлечь на себя неприятности.

– Диана не против, – заверила его Эмма. Малкольм с подозрением посмотрел на нее. – Правда. Позвони ей и спроси сам…

Она замолчала, заметив, что в комнату, держа руки в карманах, вошел молодой человек – высокий, с небрежно лежащими черными волосами и кошачьими глазами. На вид ему было лет двадцать. На нем был белый костюм, который резко контрастировал с его смуглой кожей.

– Магнус! – воскликнула Эмма и вскочила на ноги.

Магнус Бейн был верховным магом Бруклина, а также представлял чародеев в Совете Сумеречных охотников. Пожалуй, он был самым известным магом во всем мире, хотя догадаться об этом было нелегко. Он казался совсем юным и всегда был добр к Эмме и Блэкторнам, с которыми познакомился во время Темной войны.

Эмме Магнус нравился. При каждой встрече с ним она вдруг понимала, что нет ничего невозможного. Они давно не виделись, но в прошлый раз он выглядел точно так же – вплоть до насмешливой улыбки и тяжелых колец на пальцах.

– Эмма, Джулиан, рад вас видеть! Что вы здесь делаете?

Эмма взглянула на Джулиана. Может, им и нравился Магнус, но по мелькнувшему на лице Джулса недовольству она поняла, что сейчас тот ему не рад. Им и так пришлось раскрыть секрет Малкольму, а еще один знающий человек, тем более член Совета…

– Что привело тебя на наше побережье? – как будто невзначай спросил Джулиан.

– После Темной войны Конклав стал отслеживать применение той магии, которую использовал Себастьян Моргенштерн, – сказал Магнус. – Он черпал энергию из темных источников, из кругов ада и других подобных мест, чтобы стать могущественнее и продлить себе жизнь. Древние греки называли это «некиомантеис».

– «Некромантия», – перевела Эмма.

Магнус кивнул.

– С помощью Спирального Лабиринта и Безмолвных Братьев, включая Захарию, мы создали карту, – продолжил он, – на которой отображаются места, где используется некромантия. Мы засекли вспышку в пустыне недалеко от Лос-Анджелеса, и я решил заглянуть к Малкольму и выяснить, не известно ли ему что-нибудь.

– Это был некромант-одиночка, – сказал Малкольм. – Диана сказала, что разобралась с ним.

– Боже, ненавижу некромантов-одиночек! – воскликнул Магнус. – Неужели так сложно не нарушать запретов?

– Наверное, не так уж просто, когда главный запрет гласит: никакой некромантии, – предположила Эмма.

Магнус ухмыльнулся.

– Ладно, в любом случае мне не сложно было заглянуть к вам по дороге в Буэнос-Айрес.

– А что в Буэнос-Айресе? – спросил Джулиан.

– Алек, – ответил Магнус. Он уже пять лет встречался с Александром Лайтвудом. Новый закон позволил Сумеречным охотникам вступать в брак с обитателями Нижнего мира (кроме фэйри), но Алек и Магнус до сих пор не поженились. Эмма не знала причин. – Он поехал проверить один вампирский культ. Ничего особенного, просто рутинное задание, но он умудрился попасть в переплет.

– Ничего серьезного? – уточнил Джулиан.

Он знал Алека Лайтвуда дольше, чем Эмма: семейство Блэкторнов всегда водило дружбу с Лайтвудами.

– Ситуация не из простых, но не критическая, – сказал Магнус, а Малкольм тем временем направился к двери.

– Позвоню Диане. Мигом вернусь, – бросил он и исчез в коридоре.

– Итак… – Магнус сел на диван, заняв освобожденное Малкольмом место. – Что же привело вас к верховному чародею Города Ангелов?

Эмма взволнованно переглянулась с Джулианом, но не смогла придумать никакого выхода, кроме как подскочить к Магнусу и ударить его по голове, а это было бы в высшей степени нежелательно.

– Понял, вы не можете мне сказать. – Магнус подпер подбородок руками. – Вы здесь из-за убийств? – Заметив удивленные взгляды ребят, он добавил: – У меня есть друзья в Сколоманте. Катарина Лосс, например. Меня интересует все, что связано с бесконтрольной магией Волшебного народа. Малкольм вам помогает?

Джулиан едва заметно покачал головой.

– Несколько тел принадлежало фэйри, – сказала Эмма. – Нам нельзя вмешиваться. Холодный мир…

– Холодный мир отвратителен, – бросил Магнус, и его шутливое настроение как ветром сдуло. – Наказывать весь народ за то, что натворила лишь жалкая его часть! Лишать законных прав целую расу! Изгонять твою сестру… – добавил он, взглянув на Джулиана. – Я говорил с ней. Она помогала с созданием нашей карты – в такой сложной магии без щитов не обойтись. Ты часто с ней общаешься?

– Каждую неделю, – ответил Джулс.

– Она говорит, ты никогда не жалуешься, – заметил Магнус. – По-моему, она боится, что ты не до конца искренен с ней.

Джулиан промолчал. Он и правда беседовал с Хелен каждую неделю – с ней говорили все обитатели Института, передавая друг другу телефон или по очереди подходя к компьютеру. И правда, что Джулиан никогда ей ни на что не жаловался и только уверял ее, что все хорошо, что у них все в порядке и нет ни единого повода для беспокойства.

– Помню ее свадьбу, – сказал Магнус, и его взгляд смягчился. – Вы были еще совсем детьми. Но мы ведь и на другой свадьбе встречались?

Эмма и Джулиан озадаченно переглянулись.

– По-моему, нет, – ответил Джулс. – Разве была еще какая-то свадьба?

– Хм, возможно, память начинает меня подводить, – пробормотал Магнус. Впрочем, судя по голосу, он вряд ли сам в это верил. Откинувшись на спинку дивана, он вытянул ноги и сунул

их под журнальный столик. – А что касается Хелен, я уверен, она просто переживает. Она ведь твоя старшая сестра. Вот Алек, например, явно переживает за Изабель, по поводу и без.

– Что ты знаешь о лей-линиях? – вдруг спросила Эмма.

– А что о них знать? – удивился Магнус. – На лей-линиях заклинания становятся мощнее.

– Имеет ли значение тип магии? Черная магия, магия колдунов, магия фэйри?

Магнус нахмурился.

– Когда как. Впрочем, лей-линии редко используют для усиления черной магии. Обычно они служат для перемещения энергии. Как система подачи магии…

– Ого! – воскликнул вернувшийся Малкольм, потрясенно взглянув на Эмму. – Диана подтвердила ваши слова. Сказать, что я поражен, – это ничего не сказать. – Он посмотрел на Магнуса. – Что происходит?

В его глазах вспыхнул огонек – то ли от удовольствия, то ли по какой-то другой причине. Порой Малкольм вел себя совсем как ребенок и мог часами болтать о поездах, подвозящих крекеры, и фильмах про орлов, но когда требовалось, был серьезен и собран, как никто другой.

Магнус раскинул руки, положив их на спинку дивана.

– Мы обсуждали лей-линии. Я сказал, что они усиливают магию, но только магию определенного типа, а именно магию, которой требуется перенос энергии. Кажется, Малкольм, вы с Катариной Лосс однажды столкнулись с какой-то проблемой из-за лей-линий, когда ты еще жил в Корнуолле?

По лицу Малкольма пробежала тень.

– Точно не помню. Магнус, хватит докучать Эмме и Джулиану, – сказал он, и в его голосе послышалось раздражение. Наверное, так в его случае проявлялась профессиональная ревность. – Это *моя* территория. У тебя в Нью-Йорке есть свои заблудшие души.

– Да, например, отец моего ребенка, – заметил Магнус.

Нет, Магнусу не довелось никого рожать, хотя мысль об этом и вызвала улыбку у Эммы. На самом деле они с Алеком Лайтвудом усыновили ребенка-чародея по имени Макс, вся кожа которого с ног до головы сверкала яркой синевой.

– А остальные, – добавил Магнус, – спасли мир. По крайней мере, однажды.

Малкольм махнул рукой в сторону Джулиана и Эммы.

– Я возлагаю на них большие надежды.

– Уверен, не зря, – улыбнувшись, ответил Магнус. – В любом случае мне пора. Меня ждет долгая дорога, а Алек терпеть не может, когда я опаздываю.

Все стали прощаться. Магнус похлопал Малкольма по плечу, обнял Джулиана, а затем и Эмму. Приблизившись к ней, он наклонился, случайно стукнул ее плечом по лбу и прошептал ей кое-что на ухо. Эмма удивленно посмотрела на него, но Магнус лишь развернулся на каблуках и, посвистывая, направился к двери. На полпути он взмахнул рукой, и послышалось знакомое шипение Портала. Комнату заполнил запах жженого сахара, и в следующую секунду Магнус исчез.

– Вы рассказали ему о расследовании? – встревожился Малкольм. – Он говорил о лей-линиях.

– Это я спросила о них, – призналась Эмма. – Но не сказала, зачем мне знать. И даже не упомянула о переводе тех рун.

Малкольм снова взглянул на бумаги.

– Полагаю, вы не скажете мне, кто именно перевел первую строчку? *Огонь к воде.* Хорошо бы знать, что это означает.

– Мы не можем сказать, – ответил Джулиан. – Но переводчик, скорее всего, тоже не понял ее смысла. Ты ведь сможешь использовать ее как ключ? И расшифровать остальную часть послания?

– Возможно. Жаль, конечно, что я не знаю этого языка.

– Язык очень древний, – сказала Эмма. – Он появился раньше, чем нефилимы.

Малкольм вздохнул.

– Да, многого из вас не вытянешь. Демонический язык, очень древний, будем отталкиваться от этого. Я поспрашиваю в Спиральном Лабиринте.

– Только не скажи там лишнего, – предостерег его Джулиан. – Мы уже говорили, Конклав не должен узнать о нашем расследовании.

– А это значит, что в нем замешаны фэйри, – заключил Малкольм и довольно улыбнулся, увидев, как ужаснулись его гости. – Не бойтесь, я никому не скажу. Холодное перемирие я ненавижу, как и все обитатели Нижнего мира.

Джулиан и бровью не повел. Ему бы в покер играть, подумала Эмма, сделал бы блестящую карьеру.

– Сколько времени тебе нужно? – спросил он. – На перевод?

– Несколько дней.

Несколько дней. Эмма попыталась не выдать своего разочарования.

– Простите, быстрее у меня не получится, – виновато сказал Малкольм. – Пойдемте, я прогуляюсь с вами. Мне нужно подышать.

Солнце вышло из-за облаков и заливало своими лучами лужайку Малкольма. Пустынные цветы слегка подрагивали на дующем из каньона ветру. Притаившаяся за кустом ящерица внимательно смотрела на них. Эмма показала ей язык.

– Мне не по себе, – вдруг признался Малкольм. – Мне все это не нравится. Некромантия, демонические языки, серия непонятных убийств. Расследование без ведома Конклава. Осмелюсь сказать, все это попахивает опасностью.

Джулиан молча смотрел на холмы в отдалении. Ответила Эмма:

– Малкольм, в прошлом году мы отразили атаку целого батальона демонов-форнеусов – сплошные щупальца без лиц. Не пытайся нас напугать.

– Я и не пытаюсь. Видите ли, большинство людей старается избегать опасности.

– Но не мы, – весело сказала Эмма. – Щупальца, Малкольм. И нет лиц!

– Упрямцы… – вздохнул Малкольм. – Просто пообещайте, что позвоните мне, если я вам понадоблюсь или если вы что-то узнаете.

– Обязательно, – кивнул Джулиан.

Интересно, его тоже мучило жуткое чувство вины из-за того, что им приходилось скрывать все от Малкольма? С океана налетел ветер. Песок поднялся в воздух и закружился множеством маленьких смерчей. Джулиан откинул волосы со лба.

– Спасибо за помощь, – добавил он. – Мы знаем, на тебя можно положиться.

Он направился прямо к лестнице, которая вспыхнула серебром, как только он подошел ближе.

Малкольм нахмурился, его лицо потемнело, несмотря на яркое полуденное солнце, лучи которого отражались в искрящемся океане.

– Не стоит чересчур полагаться на меня, – сказал он так тихо, что Эмма засомневалась, хотел ли он, чтобы она его услышала.

– Но почему? – удивленно спросила она, повернувшись к нему. Его глаза напоминали цветки жакаранды.

– Потому что я вас подведу. Как и все остальные, – ответил Малкольм и пошел обратно в дом.

7
Звучное море

Кристина сидела на полу возле комнаты Марка Блэкторна.

Казалось, изнутри уже несколько часов не доносилось ни звука. Дверь была полуоткрыта, и Кристина видела Марка, который лежал в углу, свернувшись клубком, как попавший в западню зверь.

Дома Кристина изучала фэйри. Ей всегда нравились сказания обо всех *hadas*, от благородных воинов обоих Дворов до *duendes*, которые вечно докучали простецам. Она не присутствовала в Идрисе при подписании Холодного мира, но ее отец был там, и от его рассказа Кристину бросило в дрожь. Ей всегда хотелось познакомиться с Марком и Хелен Блэкторн, сказать им…

В коридоре появился Тиберий с картонной коробкой в руках. Ливия шла следом за ним и несла лоскутное одеяло.

– Мама сшила его для Марка, когда он еще жил с нами, – объяснила она, заметив, что Кристина на него посмотрела. – Я подумала, он может его вспомнить.

– Мы не смогли попасть в кладовку, поэтому просто принесли Марку кое-какие подарки, чтобы он понимал, что здесь все ему рады, – сказал Тай, беспокойно скользя глазами по коридору. – Можно нам войти?

Кристина заглянула в спальню. Марк не двигался.

– Пожалуй, да. Только ведите себя потише и постарайтесь его не разбудить.

Ливви вошла первой и положила одеяло на кровать. Тай поставил коробку на пол, взял одеяло и подошел к Марку, а затем опустился на колени и немного неуклюже накрыл им брата.

Марк тут же вскочил и открыл глаза. Он схватил Тая, и тот вскрикнул от испуга, как морская чайка. Двигаясь с поразительной скоростью, Марк повалил Тая на пол. Ливви закричала и выбежала из комнаты, а Кристина в тот же миг ворвалась внутрь.

Марк стоял на коленях, нависая над Тиберием и не давая ему подняться.

– Кто ты? – спросил Марк. – Что ты делаешь?

– Я твой брат! Я Тиберий! – Тай бешено извивался, наушники слетели у него с головы и стукнулись о пол. – Я принес тебе одеяло!

– Лжец! – Марк тяжело дышал. – Мой брат Тай еще совсем мальчишка! Он ребенок, мой маленький братишка, мой…

Дверь хлопнула за спиной у Кристины. Ливви вбежала обратно в комнату. Ее каштановые волосы взметнулись в воздух.

– Отпусти его! – У нее в руке был зажат клинок серафимов, уже начинавший светиться тусклым светом. Она говорила с Марком сквозь сжатые зубы, как будто никогда прежде не встречалась с ним. Как будто всего несколько минут назад она не принесла ему старое лоскутное одеяло. – Тронешь Тиберия, и я убью тебя. И плевать, что ты мой брат, я все равно тебя убью.

Марк застыл. Тай все еще дергался и извивался, лежа на полу, но Марк не шевелился. Затем он медленно повернул голову и посмотрел на сестру.

– Ливия?

Ливви ахнула и заплакала. Впрочем, Джулиан мог бы ею гордиться: она плакала, не двигаясь и крепко держа клинок в руке.

Тай воспользовался тем, что Марк отвлекся, и ударил его в плечо. Марк вздрогнул, отпрянул и отпустил его. Тай вскочил на ноги и подбежал к Ливви. Они встали плечом к плечу в другом конце комнаты, пораженно смотря на брата.

– Вы оба, уходите, – велела Кристина.

Она чувствовала, как на них попеременно накатывают волны паники и тревоги, и Марк тоже это ощущал. Дрожа, он сжимал и разжимал кулаки, словно пытаясь справиться с болью. Кристина наклонилась к близнецам и шепнула:

– Он напуган. Он этого не хотел.

Ливви кивнула и опустила клинок. Затем она взяла Тая за руку и тихо сказала ему что-то на языке, понятном лишь им двоим. Он вышел из комнаты следом за сестрой, остановившись лишь на мгновение, чтобы взглянуть на Марка, лицо которого выражало одновременно недоумение и бесконечное страдание.

Марк сидел, обхватив колени руками и тяжело дыша. Рана у него на плече снова открылась и кровоточила, пятно на футболке становилось все больше. Кристина медленно попятилась к выходу из спальни.

Марк напрягся всем телом.

– Пожалуйста, не уходи, – попросил он.

Кристина удивленно посмотрела на него. Насколько она знала, это была первая осмысленная фраза, которую Марк произнес с момента своего появления в Институте.

Он поднял голову, и на мгновение за слоем грязи, за синяками и ссадинами Кристина разглядела того Марка Блэкторна, которого она видела на фотографиях, того Марка Блэкторна, который был в родстве с Ливви, и Джулианом, и Таем.

– Я хочу пить, – сказал он, и Кристине показалось, что его голос словно заржавел от того, что его долго не использовали, как старый мотор. – Здесь есть вода?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.